

А.И. Соболевский

**ИСТОРИЯ
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

А. И. СОВОЛЕВСКИЙ

**ИСТОРИЯ
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА**

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
А. А. АЛЕКСЕЕВ

ЛЕНИНГРАД
«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

Книга содержит первое в отечественной науке систематическое изложение истории русского литературного языка у восточных славян от первых письменных памятников до конца XIX в. Курс публикуется впервые, хотя был подготовлен автором в 1889 г. В приложении переиздаются статьи А. И. Соболевского «Особенности русских переводов домонгольского периода» и «Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв.», тесно связанные с содержанием курса. Издание рассчитано на широкие круги филологов, преподавателей, студентов.

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р
академик *В. И. БОРКОВСКИЙ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа акад. Алексея Ивановича Соболевского «История русского литературного языка», созданная им почти 90 лет назад, публикуется впервые. Рукопись в числе нескольких других сохранилась в архиве известного русского слависта Николая Леонидовича Туницкого (1878—1934), ученика А. И. Соболевского, слушавшего его курсы в Петербургском университете в самом начале нашего века. После защиты магистерской диссертации Н. Л. Туницкий был экстраординарным профессором Московской духовной академии, затем в 20-е годы преподавал в различных вузах Москвы — в это время его отношения с А. И. Соболевским, не прерывавшиеся никогда, были особенно тесны. По всей вероятности, сам А. И. Соболевский незадолго до своей кончины (среди рукописей находятся «Новые славяно-скифские этюды», законченные А. И. Соболевским 10 мая 1929 г. — за 16 дней до смерти) передал ему те немногие архивные материалы, которые сохранились или скопились у него после гибели в Петрограде в 1918 г. его громадного и заботливо составленного архива. После смерти Н. Л. Туницкого рукописи сберег его сын, ныне покойный Александр Николаевич Туницкий. 11 декабря 1974 г. А. Н. Туницкий передал их в дар Архиву АН СССР в Ленинграде (ф. 176, оп. 1, № 54).¹

¹ См.: Алексеев А. А. Академик А. И. Соболевский — историк русского литературного языка. — ВЯ, 1975, № 5. — Здесь дается описание других обнаруженных рукописей, приводится атрибуция их, устанавливается время создания «Истории русского литературного языка» (1889—1893 гг.). Более внимательное знакомство с рукописью позволяет теперь уточнить дату ее создания — 1889 г. (см. ниже, с. 21, 58 и Комментарии, примеч. 3 и 132).

За 40 лет, которые рукопись хранилась неопубликованная у А. И. Соболевского,² он не прочел соответствующего курса в университете, хотя первоначально «История русского литературного языка» была задумана как лекционный курс, а А. И. Соболевский еще долго — до 1908 г. — оставался университетским профессором. Между тем нет сомнения в том, что своевременная публикация этой работы могла бы заметно изменить историю науки, изучающей русский литературный язык. Впрочем, трудно ожидать, что на наши сегодняшние вопросы и недоумения будут получены ясные ответы помимо тех, которые может дать сама «История русского литературного языка».

А. И. Соболевский родился в Москве в 1856 г., в 1878 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета, в 1882 г. защитил магистерскую диссертацию и был избран доцентом Киевского университета по кафедре русского языка и словесности. «Лекции по этой кафедре были начаты в начале 1883 г., и так как другого преподавателя по ней не было, то С. должен был преподавать целый ряд предметов: церковнославянский язык, историю русского языка (т. е. историческую грамматику по современной номенклатуре, — А. А.), историю русской литературы древней и новой и вести связанные с ними практические занятия», — писал о себе в третьем лице А. И. Соболевский позже в автобиографии.³ Одновременно он подготовил и защитил в 1884 г. докторскую диссертацию «Очерки по истории русского языка», где дал основы исторической диалектологии русского языка, описав памятники древнего га-

² До сих пор ничего не известно о докладах «Рюрик, Синеус и Трувор» (1925), «Новое о Схарии» (1927) и некоторых других работах, выполненных А. И. Соболевским в последнее десятилетие его жизни. — См. библиографию его трудов за 1914—1929 гг. в кн.: Академик А. И. Соболевский. Некролог и очерк научной деятельности. Л., 1930.

³ Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук. Часть вторая. М—Я. Пг., 1917, с. 157. См. здесь же библиографию работ А. И. Соболевского за 1879—1913 гг. Лучший обзор научно-преподавательской деятельности А. И. Соболевского дан Т. А. Ивановой в кн.: Русское языкознание в Петербургском—Ленинградском университете. Л., 1971, с. 44—63 (глава «А. И. Соболевский»). Рядом сведений в последующем изложении мы обязаны этой работе Т. А. Ивановой.

лицко-волынського и древнього псковського наречій. В 1885 г. А. И. Соболевський став професором Київського університету, а в 1888 г. заняв кафедру церковнослов'янського и російського мов в Петербургському університеті, звільнившись після переходу І. В. Ягича в Венський університет. На новому місці він читає лекції по історичній граматиці, фонетичній церковнослов'янської мови, діалектології, палеографії, спецкурс по перекладній літературі,⁴ о запозичених словах, о долях церковнослов'янської мови, по російському історичному синтаксису.

Його «Лекції по історії російської мови» уже в Києві з'явилися кількома літографованими виданнями, а в 1888 г. вийшло типографське видання курсу, перевидане згодом ще три рази (в 1891, 1903, 1907 гг.). Так виник перший університетський підручник історичної граматики російської мови, послуживший базою для створення всіх наступних підручників цього предмету. Читання лекцій по палеографії в Університеті и Археологічному інституті привело до створення підручника російської палеографії для вищих навчальних закладів (вид. 1901, 1906, 1908 гг.). Курс діалектології А. И. Соболевського — спочатку опублікований в «Живій старині» за 1892 г., а потім окремим виданням — поклали початок цілому ряду підручників цієї дисципліни. Лекції по фонетичній и мовній церковнослов'янської мови в Університеті и на Вищих жіночих курсах також повторювалися А. И. Соболевським неодноразово и видавалися в студентських літографіях. Нескільки пізніше А. И. Соболевський читав курс російської етнографії.

Таким чином, уже в перше десятиліття своєї наукової и викладацької діяльності А. И. Соболевський всебічно охоплює свій предмет — історію російської мови. Церковнослов'янська мова, перекладна и оригінальна письмовість, історична и сучасна діалектологія виступили в це десятиліття як допоміжні дисципліни при головному предметі, хоча внаслідок вони обособилися и отримали самостійне значення в науковій творчості А. И. Соболевського. В ряду

⁴ Спецкурс по древнерусській перекладній літературі А. И. Соболевський читав в 1892/93 уч. році. Інтересно відзначити, що тільки в 1964/65 уч. році в Ленінградському університеті був знову прочитаний спецкурс на цю тему, на цей раз проф. Н. А. Мещерським.

этих предметов естественно помещается история литературного языка, рассматриваемая им как история функционирования определенных языковых форм в составе памятников письменности, как «внешняя» история языка.

Если обращение к истории русского литературного языка было закономерно в связи с интересами и занятиями А. И. Соболевского, то и выбор источников, отбор материала определялись этими же причинами, равно как и состоянием русского исторического языкознания в тот момент. По охвату источников курс А. И. Соболевского стоит в прямой зависимости от «Исторической хрестоматии церковнославянского и русского языков» его учителя акад. Ф. И. Буслаева, выдержавшей с 1861 по 1917 г. тринадцать изданий, причем 9-е и последнее вышли под редакцией А. И. Соболевского.⁵ «Хрестоматия» Ф. И. Буслаева собрала в себе памятники, созданные или бытовавшие на территории России с XI по XVII в., распределив их по трем разделам: тексты церковные и богослужebные (25 памятников), другие тексты, включая и деловые (135 памятников), памятники народной словесности в записях XVII—XVIII вв. (пословицы, былины, исторические песни, сказки и стихи — всего около 25 отрывков). В приложении даны были образцы народного словесного творчества в современных записях. (Для сравнения укажем, что «Хрестоматия по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова включает немногим более 70 памятников XI—XVII вв.). Таким образом, в число памятников если не русского языка, то русской словесности (в предисловии Ф. И. Буслаев указывает, что отбор текстов соответствует требованиям «Истории русской словесности» А. Д. Галахова) входят Остромирово евангелие 1057 г. и Захарьинский паримийник 1271 г., Библия Скорины и Апостол 1564 г. Ивана Федорова, поучения Кирилла Туровского и «Слово о полку Игореве», Лаврентьевский список летописи 1377 г. и Смоленская грамота 1229 г., послания Ивана Грозного и песни в записях Ричарда Джемса, стихи Кариона Истомина, проповеди Антония Радивиловского и т. п. Особо отметим, что сочинения украинских писателей XVII в. представлены в «Хрестоматии» с большой полнотой. Весь этот круг

⁵ При упоминаниях ранних изданий «Хрестоматии» Ф. И. Буслаева мы сохраняем старую орфографию в слове «хрестоматия».

источников А. И. Соболевский включил в свое рассмотрение.⁶ Единственное, чего он не коснулся, были произведения народной словесности, по всей вероятности, в связи с ограничением своего предмета историей письменности. Разумеется, «Христоматия» Ф. И. Буслаева не была источником языковых сведений А. И. Соболевского, но она определяла контуры предмета, давала общее направление источниковедческим поискам. В поле зрения А. И. Соболевского наряду с научными трудами предшественников и современников (многочисленность и разнообразие опубликованных им рецензий, а следовательно, круг его научных интересов, достойны удивления) постоянно находились сокровища крупнейших древлехранилищ, по большей части лично знакомые ему.

Обследованные еще в «Очерках» А. И. Соболевским тексты древнего галицко-волынского и псковского происхождения явились небольшим по объему, но важным пополнением источниковедческой базы, определенной «Христоматией» Ф. И. Буслаева. Благодаря этому пополнению А. И. Соболевский находит принципиально новый подход к древнерусской письменности — рассмотрение ее по языковым регионам. Для древнего периода это прежде всего галицко-волыньский, смоленско-полоцкий, псковский и новгородский регионы. Киевский и владими́ро-суздальский за отсутствием ярких местных черт в языке получают менее выразительную характеристику. Каждый из этих регионов обладает, во-первых, собственным вариантом языка деловой письменности, русского или почти русского по своим формам и своему происхождению, а во-вторых, собственным вариантом

⁶ Среди других источников А. И. Соболевского нужно назвать работу И. И. Срезневского «Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков)» (СПб., 1863; 2-е изд. 1882), представляющую собой хронологический перечень трехсот с лишним текстов с указаниями на некоторые палеографические и языковые особенности их, а также с публикацией некоторых из них. Ср. рецензию А. И. Соболевского на 2-е изд. этого труда (ЖМНП, 1883, № 5), содержащую ряд точных и серьезных дополнений. Положительную оценку дал А. И. Соболевский (ЖМНП, 1883, № 8) хрестоматии А. Смирнова «Сборник древнерусских памятников и образцов народной русской речи» (Варшава, 1882), делающей упор на язык грамот и актов, а также на записи и приписки переписчиков церковнославянских текстов. Ср. также источниковедческий раздел в «Лекциях по истории русского языка», где дан перечень важнейших изданий древних текстов из всех жанров.

церковнославянского языка. Таким образом, признание письменного двуязычия Древней Руси, рассмотренного в «Истории русского литературного языка», оказалось непосредственно связано с предшествующими занятиями А. И. Соболевского, в ходе которых для языковой характеристики тех или иных регионов ему приходилось привлекать как деловые, так и церковно-богослужебные тексты и убеждаться в том, насколько различно представлены местные черты в текстах того и другого рода.⁷ Так уже на этом раннем этапе рассмотрения материала А. И. Соболевский пришел к фактическому признанию исконности русско-церковнославянского письменного двуязычия. В этом отношении его взгляды разошлись с концепцией И. И. Срезневского, считавшего, что противопоставление церковнославянского и русского языков возникло лишь в ходе исторического развития русского языка, приведшего к постепенному расхождению его с неподвижными церковнославянскими формами.⁸

По ходу изложения курса обнаруживается, что если в киевский период языковая ситуация характеризуется «полицентризмом»,⁹ то с возникновением и расцветом Москвы происходит постепенное уничтожение псковского и новгородского региональных изводов как делового, так и церковнославянского языков и наступает победа московских вариантов. У восточных славян, оказавшихся в пределах Великого княжества литовского, а затем Польско-литовского государства, положение было иным. Там церковнославянский язык все более выходил из употребления, вытесняемый новым литературным языком, представляющим собой смесь церковнославянских и местных языковых элементов с примесью полонизмов, причем противопоставление его деловому письменному языку было малозначительно, так что в некоторых случаях было вовсе незаметно. Деловой язык в свою очередь был

⁷ До А. И. Соболевского о письменном двуязычии в Древней Руси так или иначе говорили М. Каченовский, Г. Глинка, Н. Карамзин, М. Максимович, К. Аксаков (см.: Уч. зап. МГПИ им. Потемкина, т. 51, 1956, с. 258—259, 269—271). С полной определенностью указывал на это и акад. Я. И. Бередников (О славянских рукописях, хранящихся в германских и французских библиотеках. — ЖМНП, 1844, № 5, с. 17—18).

⁸ Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1955, с. 65—67.

⁹ Термин Д. С. Ворта. См. ниже, с. 39, примеч. 62.

языком великокняжеской канцелярии, сформировавшимся на основе западнорусских говоров. Примерно к середине XVII в. и деловой, и литературный язык в Западной России выходят из употребления, заменяясь польским языком. В Южной Руси, т. е. на Украине, этот деловой язык держался вплоть до уничтожения городского магдебургского права при Екатерине II, а литературный язык вышел из употребления раньше — после и в результате присоединения Украины к России. С такими итогами, согласно А. И. Соболевскому, вступили восточные славяне на порог нового времени.

Здесь следует, пожалуй, сделать отступление в связи с выражением «западнорусский язык», принятым А. И. Соболевским в согласии с употреблением дореволюционной русской филологии. По мере развития с конца прошлого века белорусской и украинской филологии¹⁰ этот термин выходит из употребления, а на месте одного «западнорусского» литературного языка применительно к эпохе XV—XVII вв. стали выделять два литературных языка — староукраинский и старобелорусский. Вследствие этого возникли трудности при решении вопроса о том, какие тексты этой эпохи отнести к тому или другому из этих литературных языков,¹¹ поскольку лингвистический критерий распределения текстов здесь оказался недействительным. Предложенный некоторыми исследователями территориальный критерий¹² представляется в этих условиях вполне неэффективным, так как на белорусской территории, например, протекала деятельность лиц несомненно украинского происхождения (Мелетия Смотрицкого и др.). Зыбкость этого критерия вполне очевидна перед лицом такого факта, как издание «Лексикона» Памвы Берынды в 1627 г. в Киеве, а в 1653 г. в Кутейнском м-ре на белорусской территории. С другой стороны, применение критерия национальной принад-

¹⁰ См.: Белодед И. К., Борковский В. И., Горецкий П. И. Изучение украинского и белорусского языков. М., 1958.

¹¹ См., например: Историчний словник українського языка, т. I. Харків—Київ, 1930, с. III (предисл. проф. Е. Тимченко) и рецензию на это издание Е. Ф. Карского в «Известиях по русскому языку и словесности» (1930, т. III, кн. 2, с. 636—637).

¹² Его выдвигает, например, А. И. Журавский (см.: Журавский А. И. Проблема источников старобелорусского литературного языка. — В кн.: Славянские литературные языки в донациональный период. Тезисы докладов. М., 1969).

лежности автора ¹³ для такого распределения текстов приводит, например, к тому, что сочинения Леонтия Карповича, Михайлы Рогозы следует относить к белорусской письменности, а труды работавших с ними бок о бок Мелетия Смотрицкого, братьев Зизаниев — к украинской. Как кажется, оба эти критерия вносят модернизацию в сложную картину средневековых языковых отношений, когда литературно-письменные языки, вполне закономерно, не являлись языками национальными; в ту эпоху литературный язык обычно не опирался на диалект, не вырастал из него.¹⁴ Подобно тому как единство церковнославянского языка русского извода не нарушалось от внесения в него местных черт (московского аканья или новгородского цоканья), наличие украинских или белорусских черт в орфографии не выводит памятник за пределы того литературного языка, который обслуживал с конца XIV до середины XVII века потребности украинцев и белорусов и явился результатом совместной деятельности представителей той и другой ветви восточного славянства. Примерно таково было, на наш взгляд, отношение А. И. Соболевского к тому языку, который он называл западнорусским.¹⁵

¹³ Ср.: «Національність автора рішає про національність твору» (Огієнко *Л.* Розмежування пам'яток українських від білоруських. Жовква, 1934, с. 26).

¹⁴ Как кажется, к рассматриваемой ситуации хорошо применима следующая данная В. В. Виноградовым характеристика средневековых литературных языков: «В определенных исторических условиях некоторые письменно-литературные языки феодального общества, нося наддиалектный характер, в то же время не обладали основным социальным свойством как общенародных разговорных, так и национальных литературных языков, а именно: свойством общенародной коммуникативности. Круг их носителей бывал ограничен, так же как и круг их функций, а связи их с народной речью и ее диалектами могли быть очень специфичны, а нередко очень отдаленны и узки, даже в тех случаях, когда литературным языком являлся близкий или не совсем чужой язык (как, например, язык церковнославянский в Сербии)» (Виноградов *В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, с. 129—130).

¹⁵ Ближе к этому взгляду из современных ученых стоит Л. Л. Гумецкая — см. ее статью «Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода» (ВЯ, 1965, № 2). Однако утверждая существование «украинско-белорусской койне», представляющей собою «западнорусский» письменно-литературный язык, автор остается при терминах «староукраинский» и «старобелорусский» литературные языки. В другой работе Л. Л. Гумецкая говорит о западнорусском периоде украинского литературного языка»

Итак, накануне нового времени языковая ситуация в России упростилась: церковнославянский и русский деловой языки московского варианта заняли господствующее положение.

С середины XVII в. начинают появляться «литературные» тексты на собственно русском языке. Среди них А. И. Соболевский отмечает повествование о России Гр. Котошихина, сатирическую челобитную монахов Казянина монастыря, повесть о Фроле Скобееве. Социальная среда, в которой возникают предпосылки нового литературного языка, — служащие московских приказов, единственно поголовно грамотная группа светского населения. Этот новый литературный язык вырабатывается путем насыщения русского языка, используемого в этой социальной среде, церковнославянскими формами. Со времени Третьяковского, Ломоносова, Сумарокова он становится единственным. В дальнейшем повествовании обращается внимание лишь на распределение русских и церковнославянских элементов в отдельных текстах.

Этими вопросами исчерпывается основное содержание курса. Многочисленные пометы на полях называют отдельные источники или явления, не охваченные изложением. Автор предполагал, очевидно, обратиться к ним в дальнейшем. Следует иметь в виду при оценке основных положений курса неразрешенность до сих пор многих теоретических вопросов истории русского литературного языка.

Создание «Истории русского литературного языка» совпадает по времени с началом осознанного интереса к проблематике литературных языков в отечественной филологии, что хорошо видно хотя бы из названий трудов, появляющихся в это время.¹⁶ В них отражаются

XV—XVII вв. (Из истории становления украинского литературного языка. — В кн.: Исследование по славянской филологии. Сборник памяти акад. В. В. Виноградова. Изд. МГУ, 1974, с. 81—86).

¹⁶ Ср.: «Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке» П. Житецкого (1889), «Главнейшие течения в русском литературном языке» Е. Ф. Карского (1893) и «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке» С. К. Булича (1893), «Из истории русского литературного языка конца XVIII и начала XIX века» Е. Ф. Будде (1901), наконец, «Русский литературный язык» А. И. Соболевского (1903). Любопытно

первые попытки выделить историю русского литературного языка в самостоятельный отдел русистики. В одних из этих работ под литературным языком понимается письменный язык, в других — язык художественной литературы. Так, созданный несколько позже для «Энциклопедии славянской филологии» «Очерк истории современного русского литературного языка» Е. Ф. Будде (1908) имел дело исключительно с материалами беллетристики. Однако, характеризуя во вступительных замечаниях положение литературного языка в Древней Руси, Е. Ф. Будде приравнивает его к письменному языку.¹⁷

А. И. Соболевский не дает определения понятию «литературный язык»,¹⁸ он просто перечисляет группы текстов, созданных на литературном языке, вернее, на том или другом из литературных языков Древней Руси, которых в идеале должно быть 12 — вдвое больше числа диалектных зон. Из этого видно, что литературный язык XI—XVII вв. приравнивается А. И. Соболевским к письменному языку. При обращении к новому времени, начиная с Третьяковского, А. И. Соболевский использует языковой материал художественной литературы.

В связи с теми хронологическими границами, которые получила история русского литературного языка в изложении А. И. Соболевского, следует напомнить, что названный «Очерк» Е. Ф. Будде начинал свое изложение с середины XVIII в., основополагающие «Очерки» В. В. Ви-

также, что в ответ на резкую критику А. И. Соболевского по поводу «Очерка истории языкознания в России» (1904) С. К. Булич, автор «Очерка», заметил: «Я ведь не писал „Историю русского литературного языка“, дать которую русским читателям лежит на обязанности А. И. Соболевского» (К истории языкознания в России. Ответ акад. А. И. Соболевскому. СПб., 1905, с. 17).

¹⁷ На это указывает В. В. Виноградов (Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. М., 1967, с. 107).

¹⁸ Современное представление о литературном языке разработано в основном в Пражском лингвистическом кружке. См.: *Едличка А.* О пражской теории литературного языка. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967. Наиболее полную характеристику понятия применительно к русскому литературному языку см.: *Boeck W., Fleckenstein Ch., Freydank D.* Geschichte der russischen Literatursprache. Leipzig, 1974, S. 11—15. — Здесь литературный язык определяется как общественно обязательная форма языка, кодифицированная, полифункциональная, стилистически дифференцированная. Ср. также: ВЯ, 1958, № 3, с. 42.

ноградова также открываются приблизительно той же эпохой (с конца XVII в.).¹⁹ По крайней мере в то время у В. В. Виноградова не было сомнений в том, что изложение предмета следует начинать именно с этого исторического рубежа. Первой фразой его «Очерков» решительно устранялась возможность предположения, что русский язык мог быть языком литературным в предшествующий период.²⁰ Несколько позже появился ряд работ, в которых было подчеркнуто, что «литературный язык» — это понятие, соотносимое с нацией, так что в России время его возникновения следует искать на рубеже XVII—XVIII вв.²¹

Ощутимое различие в природе письменного литературного языка средневековья и нового времени заставило В. В. Виноградова подчеркивать историчность этого понятия,²² хотя он не раскрывал содержания этого определе-

¹⁹ Имеются в виду «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» В. В. Виноградова (1-е изд. — 1934, 2-е — 1938). Основателем истории русского литературного языка как науки принято считать В. В. Виноградова. Точнее все же было бы связывать с именем В. В. Виноградова новый этап, а не самое начало науки, иначе труд Е. Ф. Будде, оцененный В. В. Виноградовым довольно сурово (Русская наука о русском литературном языке. — Уч. зап. МГУ, вып. 106, 1946, с. 121—123), и брошюра А. Н. Боголюбова «Об изучении литературных языков» (Казань, 1914), о которой В. В. Виноградов отозвался с едва ли заслуженной похвалой (Проблемы литературных языков, с. 112—116), окажутся выведены за пределы науки вообще, так же как и целый ряд других работ с конца XIX в., о которых было упомянуто. См. в этой связи и статью Н. И. Толстого «Труды В. В. Виноградова по истории русского литературного языка» в кн.: *Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка*. М., 1978, с. 1—9.

²⁰ «Русским литературным языком эпохи феодализма (во 2-м изд. — средневековья, — А. А.) был язык церковнославянский», т. е. церковнославянский язык был литературным языком в России у русских: таков здесь смысл прилагательного «русский». На эту фразу по другому поводу обращает внимание Н. И. Толстой в статье «Взгляды В. В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языков». — В кн.: *Исследование по славянской филологии*. Изд. МГУ, 1974, с. 324.

²¹ См., например: *Томашевский Б. В. Язык и литература*. — В кн.: *Вопросы литературоведения*. . . М., 1951, с. 177—178. Ср. также критику В. В. Виноградовым этой концепции (Основные проблемы и задачи изучения русского литературного языка донациональной эпохи. — В кн.: *Славянские литературные языки в донациональный период*. Тезисы докладов. М., 1969, с. 3).

²² *Виноградов В. В.* 1) *Вопросы образования русского национального литературного языка*. — ВЯ, 1956, № 1, с. 7; 2) *Основные*

ния и даже вступал с ним в противоречие. Так, он говорил о стилях древнерусского литературного языка,²³ тогда как наличие стилей может характеризовать лишь многофункциональный современный литературный язык; впрочем, одновременно он критиковал А. И. Ефимова за широкое применение понятия «стиль» к древнерусскому периоду.²⁴ В ряде случаев в современной науке пользуются выражением «национальный литературный язык» для того, чтобы подчеркнуть отличие литературного языка нового времени от литературного языка средневековья. Однако существо этого различия нигде не раскрыто.²⁵

Перенос центра тяжести в построении истории русского литературного языка на древнейшие периоды произошел в конце 40-х—начале 50-х годов нашего века.²⁶ «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» С. П. Обнорского (1946) возникли в основном как реакция на утверждения А. А. Шахматова о том, что в основе современного русского литературного языка лежит язык церковнославянский. Последовавшая затем дискуссия прочно приковала внимание исследователей к этому древнейшему периоду русской письменности даже

проблемы и задачи изучения русского литературного языка донациональной эпохи, с. 3. Ср.: «Когда выдвигается вопрос об образовании русского литературного языка, то обычно привлекают к себе внимание две исторические эпохи: эпоха возникновения древнерусского письменного языка, . . . и эпоха формирования национального русского литературного языка с XVII в. по 20—30-е годы XIX в. . . . Однако понятие „русский литературный язык“ в этих случаях неоднородно: оно имеет качественно разнородное содержание» (ВЯ, 1956, № 1, с. 7).

²³ Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. — ВЯ, 1969, № 6, с. 7.

²⁴ Виноградов В. В. О понятии «стиля языка» (применительно к истории русского литературного языка). — Изв. ОЛЯ АН СССР, 1955, т. XIV, с. 315—319.

²⁵ См. критику этого выражения и понятия: Бернштейн С. Б. К изучению истории болгарского литературного языка. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Изд. ЛГУ, 1963. Ср. также: Виноградов В. В. Проблемы литературных языков, с. 69—82.

²⁶ Ср.: «До 50-х годов В. В. в общем не рассматривал подробно историю русского литературного языка до XVII в.» (Толстой Н. И. Взгляды В. В. Виноградова, с. 325). Краткий обзор истории русского литературного языка XI—XVII вв. дан был В. В. Виноградовым в статье «Основные этапы истории русского языка. Статья первая» (Русский язык в школе, 1940, № 3). Здесь уже отразились взгляды С. П. Обнорского, ставшие известными с 1934 г., по мере того как выходили его статьи, составившие впоследствии «Очерки», 1946 г.

в тех случаях, когда они пытались решить вопрос о природе современного литературного языка.

Подобно А. А. Шахматову, А. И. Соболевский в своем курсе (также и в лекции «Русский литературный язык») рассматривает свой предмет от начала возникновения письменности, однако решение вопроса о природе современного (или нового) литературного языка связывает не с древнейшим периодом письменности, а с эпохой XVII—XVIII вв., т. е. с началом нового времени. Современный русский литературный язык безусловно национален в том смысле, что основан на одном из диалектов русского языка, но в отличие от диалекта включает в себя большое культурное наследие в виде церковнославянских элементов.

Природа литературного языка в средние века и новое время для А. И. Соболевского несомненно различна. Очевидно, что именно поэтому в состав литературного языка XI—XVII вв. он включает как деловые, так и церковно-богослужебные тексты, а наряду с ними редкие образцы беллетристики. Материал XVIII—XIX вв. — язык художественной литературы.²⁷ Если прежде А. И. Соболевский упрекает летописца за недостаточный навык в церковнославянской грамматике, то теперь он обвиняет Третьяковского в непоследовательности при изгнании церковнославянизмов — позиция прямо противоположная.

Различие в выборе источников для XI—XVII вв. и нового времени связано не только с различием в природе самого объекта исследования, это может быть также результатом следования определенным теоретическим установкам. Очень похоже, что в трактовке понятия «литературный язык» А. И. Соболевский следовал А. С. Будиловичу, который, как кажется, первый в России взялся за разработку теории литературного языка. По Будиловичу, литературный язык — это «культурный язык». Если диалект соответствует «этнологической» стадии существования народа, то литературный язык появляется на «культурной» стадии, т. е. в период развития госу-

²⁷ Ср.: «История литературного языка, особенно нового периода, обычно строится на материалах языка произведений крупнейших писателей. Это естественно» (*Виноградов В. В.* Общие проблемы изучения языка художественной литературы в советскую эпоху. — В кн.: *Славянская филология*, II. М., 1958, с. 5).

дарственности, организации сложных форм духовной и умственной жизни. В процессе языкового развития преобладающее влияние может идти либо со стороны церкви, либо со стороны государства, либо со стороны писателей. Соответственно этому выделяются три типа литературных языков: 1) языки, развивающиеся под преобладающим церковным влиянием, каковы готский, церковнославянский, — это особо консервативные языки; 2) языки, развивающиеся под преобладающим государственным влиянием, т. е. используемые для нужд законодательства, каковы латинский и французский, — они характеризуются наибольшей нормализованностью; 3) языки, развивающиеся под преобладающим влиянием писателей, каковы греческий, польский, немецкий. Эти языки отличаются наибольшей гибкостью и разнообразием, хотя развиваются медленно. К третьему типу А. С. Будилович отнес и русский язык.²⁸

Нетрудно заметить, что в общую схему А. С. Будиловича, не учитывающую многих существенных конкретных сторон истории русской письменности и языка, легко укладывается построенная А. И. Соболевским история русского литературного языка: церковнославянский язык, развивающийся под влиянием церкви, и собственно русский древнего периода, выполняющий государственные функции, сменяются в новое время новым русским литературным языком, развивающимся под воздействием художественной литературы. Знакомство А. И. Соболевского с теорией А. С. Будиловича не может вызывать сомнений,²⁹

²⁸ Эта теория впервые изложена в докладе А. С. Будиловича «А. С. Пушкин в истории больших литературных языков» (Изв. СПб. славянск. благотвор. о-ва, 1887, № 4, с. 206—209). Более подробно см. в статье «Образование литературных языков и их значение в истории» (Уч. зап. Юрьевск. унив., 1893, № 2, с. 73—88). Эта же теория лежит в основе книги А. С. Будиловича «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (т. I—II. Варшава, 1892).

²⁹ Более того, есть основания думать, что в эволюции взглядов А. С. Будиловича отразилось влияние А. И. Соболевского, а именно одного места из публикуемого курса. Так, в докладе «Пушкин в истории больших литературных языков», говоря о русском языке, что он развился под воздействием писателей, А. С. Будилович вслед за Н. М. Карамзиным указывает, что «Слово о полку Игореве» свидетельствует о существовании русского литературного языка в древний период (с. 207). Через несколько лет, однако, А. С. Будилович заявил: «Напи древнерусские и среднерусские летописи, а равно сочинения беллетристического характера, в том числе „Слово

так же как не должно удивлять отсутствие прямых ссылок на нее.³⁰

Наконец, нужно отметить и то, что понятие «русский литературный язык» у А. И. Соболевского не совпадает с принятым теперь не только по содержанию, но и по объему. Рассмотрение в курсе «Истории русского литературного языка» текстов, созданных на церковнославянском языке, включение в рассмотрение текстов западно-русского литературно-письменного языка XV-XVII вв. говорят о том, что история русского литературного языка для А. И. Соболевского — это история того и тех литературных (письменных) языков, которыми пользовались русские в России (ср. выше то, что говорилось о первой фразе «Очерков» В. В. Виноградова).

В год написания курса А. И. Соболевский не прочел его в университетской аудитории — возможно, из-за того, что некоторое число письменных памятников осталось неохваченным рассмотрением (в основном это деловые тексты «великорусского», московского происхождения). В следующие годы А. И. Соболевский увлекся курсами палеографии, церковнославянского языка, переводной литературы, в которые он включал сведения по истории бытования текстов, языковые характеристики некоторых из них, а также письменных языковых изводов, замечания о роли церковнославянской письменности в России. Как часто возвращался он к мысли об этом курсе, трудно сказать. Имеются лишь два свидетельства, что еще и в начале нашего столетия он пополнял заметки на полях рукописи (см. ниже, Комментарии, примеч. 25, 264). Вероятно, это было во время подготовки к лекции «Русский литературный язык», прочитанной на съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях и кратко излагающей основные положения курса.³¹ После

о полку Игореве», писаны по взглядам и намерениям авторов на языке церковнославянском, конечно, пропитанном множеством русизмов как в грамматическом, так и в лексикальном отношении» (К вопросу о литературном языке Юго-Западной Руси. — Сб. Учено-литературн. о-ва, т. IV. Юрьев, 1901, с. 57). Это высказывание полностью совпадает с мнением А. И. Соболевского, ср. с. 37 наст. издания.

³⁰ Так, например, являясь, по-видимому, последователем «теории волн» И. Шмидта, он нигде ее специально не рассматривает.

³¹ Тр. I съезда препод. русск. яз. в военно-уч. завед. Прилож. I. СПб., 1904, с. 363—370.

выхода из университета в 1908 г. возможность прочесть этот курс исчезла, а издание его в качестве книги было не во вкусе А. И. Соболевского, избегавшего писать обобщающие работы, если только они не служили конкретным учебным целям (как все его лекционные курсы). К тому же 90-е годы ознаменовались большими успехами в обнаружении, исследовании и издании памятников древней и новой письменности, требовалась постоянная работа по обновлению фактических данных курса.

Вероятно также, что А. И. Соболевский чувствовал некоторую неуверенность в трактовке принципиальных вопросов курса: неясно было само определение предмета, неясна хронология (начинать ли от первых письменных памятников или ограничиться новым временем, как это сделал позже Е. Ф. Будде?), роль и значение западнорусской и южнорусской письменности в истории русского литературного языка могли подвергаться сомнениям и переоценке.³² Косвенным свидетельством изменения теоретических взглядов А. И. Соболевского может служить, кстати, 13-е издание «Русской хрестоматии» Ф. И. Буслаева, которое редактировал А. И. Соболевский. В издании полностью отсутствуют церковнославянские тексты, исключены деловые документы, удалены все тексты белорусского и украинского происхождения. Оставшийся материал действительно и точно демонстрирует применение русского языка в качестве литературного на протяжении истории русской письменности. Хотя в предисловии к «Русской хрестоматии» и сказано, что перемены эти произведены «согласно новейшим требованиям школьной теории и практики», участие в этих переменах А. И. Соболевского говорит о его согласии с «новейшими требованиями». Свидетельства 13-го издания хрестоматии не снабжают нас неопровержимыми доводами, хотя позволяют высказывать предположения в ходе наших размышлений о судьбе публикуемой рукописи.

³² В теоретическом отношении курс также не вполне отработан. Так, в полном противоречии с основным изложением находится утверждение о том, что церковнославянский язык стал основой современного русского языка (с. 22), так же как и признание вслед за И. И. Срезневским незначительной разницы между церковнославянским и древнерусским языками (с. 50). Характерно, что оба эти заявления, идущие в русле основной научной традиции XIX в., находятся в начале курса, пока еще А. И. Соболевский не подошел к конкретному рассмотрению и распределению материала.

Итак, «История русского литературного языка» в целом недвусмысленно определяет взгляды А. И. Соболевского на основные вопросы истории русского литературного языка в определенный период научного развития автора. Можно убедиться, что в отличие от господствовавшей в течение XIX в. научной традиции, к которой А. И. Соболевский примкнул в своей лекции 1904 г. «Русский литературный язык» и которая рассматривала современный русский литературный язык как обрусевший церковнославянский язык, в этом курсе он эмпирически пришел к созданию более сложной, близкой к исторической реальности картины формирования современного русского литературного языка с выделением двух периодов и двух состояний — древнего и нового, в которые и языковая основа литературного языка, и его природа, и функционирование были различны. Особая ценность этой эксплицитно не выраженной концепции состоит в том, что она прямо и непосредственно вытекает из фактического материала и не предопределена умозрительными построениями.

Этот курс кроме того содержит лингвистические характеристики целого ряда памятников русской письменности. Точности этих характеристик несколько не вредит их лаконизм: А. И. Соболевский дает два-три примера, но они всегда отражают самое существенное в природе каждого рассматриваемого текста. «Метод его исследования рукописного материала был таков, — отмечает акад. Б. М. Ляпунов, — что его нельзя рекомендовать ученому средних способностей, который только путем детального исследования небольшого по объему материала может дать что-нибудь ценное для науки. Работать плодотворно по методу А. И. Соболевского, сразу овладевавшего огромным количеством матерьяла и умевшего быстро найти в нем самое существенное и сделать важные для науки открытия, мог только ученый, соединявший в себе редкий дар анализа и синтеза вместе».³³

Наконец, находка и публикация этого курса очевидно выдвинет требование о создании нового очерка истории русского литературного языка как науки; при этом не возникает

³³ Ляпунов Б. М. Исследования А. И. Соболевского по истории восточнославянских языков. — В кн.: Академик А. И. Соболевский. Л., 1930, с. 32.

сомнений в том, что начальный этап этой дисциплины заслуживает самого пристального внимания и полного освоения. В 80-е годы прошлого столетия, как будто не давшие языкознанию блестящих теорий, знание материала и предмета стояло и ценилось очень высоко, чем обеспечена была исключительная солидность и надежность основания новой научной дисциплины. При чтении этой работы можно видеть, что сделано за прошедшие десятилетия в изучении истории русского литературного языка: успехи огромны, но стоящие задачи велики.

В Приложении помещены две статьи А. И. Соболевского, тесно связанные с проблематикой курса и непосредственно касающиеся вопросов, затронутых в курсе. Вместе с тем сравнительно с «Историей русского литературного языка» они дают новое освещение поставленных проблем (ср. примеч. 54 и 96 и соответствующие места курса). Эти статьи, представляя собою конкретное рассмотрение двух ключевых проблем истории литературного языка и письменности в России, занимают важное место не только в научном творчестве их автора, но и в истории отечественной науки. Они полностью сохраняют свое научное значение в настоящее время — новое издание делает их более доступными широкому кругу учащихся, преподавателей, исследователей, а в сочетании с публикуемым курсом представляет в более полном виде облик А. И. Соболевского — историка русского литературного языка.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 1. Введение. Определение предмета

История русского литературного языка — одна из тех частей русской исторической науки, которых почти не касалась рука ученого. Если оставить в стороне несколько статей о языке литературных деятелей новой эпохи — Ломоносова, Хемницера, Крылова, Пушкина, статей, для нас лишенных почти всякого интереса, то вся литература предмета ограничится тремя произведениями — диссертациею Конст. Аксакова «Ломоносов в истории русского языка»,¹ статьею акад. Грота «Карамзин в истории русского литературного языка»² да только вышедшею в свет первою частью исследования Житецкого «Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв.».³ Из них диссертация Аксакова, и для своего времени неважная, теперь уже утратила всякую цену; статья Грота содержит в себе рассказ лишь об одном эпизоде в истории новейшего литературного языка — о борьбе старого слога с новым, карамзинским; исследование Житецкого, как можно видеть отчасти уже из заглавия, отличается столь неопределенною постановкою темы, что, несмотря на свою значительную величину, не дает почти никакого понятия о литературном языке Южной Руси XVII-XVIII вв. и его судьбах. Сверх того, Житецкий смешивает южно-русский язык старого времени с языком западнорусским и говорит о первом на основании данных западнорусских памятников.

Благодаря почти полному отсутствию разработки мы не имеем установившегося понятия даже о том, что такое наш литературный язык. Прежде всего должно сказать, что литературный язык народа и просто язык

народа часто не совпадают друг с другом. Германия в средние века, да и в течение нескольких столетий нового времени, употребляла для литературных произведений мертвый язык латинский, не имевший с немецким языком ничего общего. Нынешние греки стараются употреблять для литературных произведений древний греческий язык, фукидидовский, хотя их народный язык уже настолько изменился и настолько стал отличен от языка древних атиков, что простолюдин не в состоянии понимать написанную литературным языком книгу.⁴

Далее, не излишне заметить, что под литературным языком мы будем разумеать не только тот язык, которым писались и пишутся произведения литературы в обычном употреблении этого слова, но вообще язык письменности. Таким образом, мы будем говорить не только о языке поучений, летописей, романов, но и о языке всякого рода документов вроде купчих, закладных и т. п.,⁵ не только о языке произведений, написанных или переведенных в России, но и о языке произведений, составленных и переведенных вне России, но обращавшихся в России, вроде Евангелия, Апостола, богослужебных книг, творений отцов церкви.⁶

Наконец, мы имеем в виду говорить о всех русских литературных языках. Кроме одного — церковнославянского языка среднерусского извода, который с течением времени сделался общерусским литературным языком и после многих исправлений и дополнений превратился в ныне существующий литературный язык, мы имели и отчасти имеем несколько литературных языков. Во-первых, рядом с церковнославянским языком старая Русь употребляла народный живой русский язык, и памятники последнего, параллельно с памятниками первого, тянутся издревле до новейшего времени. Во-вторых, и церковнославянский, и русский язык в разных местах Руси в разное время обладали различными чертами, так что церковнославянский язык Новгорода XIV в. или церковнославянский язык Западной Руси XVII в. были самостоятельными литературными языками. Таким образом, в литературном употреблении некогда было несколько церковнославянских и несколько русских языков: два новгородских, два киевских, два западнорусских и т. д. Кроме того, Галиция с XV в. и Юго-Западная Русь вообще со второй половины XVI в. нередко употреб-

ляли в качестве литературных языков: первая — латинский, вторая — польский язык. . .⁷

Мы будем говорить обо всех — по мере возможности и надобности — русских литературных языках старого времени и постараемся коснуться всех литературных языков новейшей эпохи, не гоняясь за мелочами и стремясь только к тому, чтобы указать главные отличительные черты каждого языка.

§ 2. Церковнославянская письменность ⁸

Как известно, из славянских языков первым получил литературное употребление язык церковнославянский. Здесь не место распространяться о том, какому славянскому племени принадлежал этот язык — болгарам или паннонцам; для нас важно только то, что он был употреблен Кириллом и Мефодием для переводов с греческого и что после Кирилла и Мефодия он сделался литературным языком сперва болгар, потом сербов и русских. Таким образом, этот язык сделался общим литературным языком всех православных славян и были моменты, когда, казалось, он готов был сделаться литературным языком всего славянства, общеславянским языком. Кирилл и Мефодий ограничили свою литературную деятельность переводом книг св. Писания Нового и Ветхого завета, некоторых богослужебных и Кормчей, или Номоканона.⁹ Трудолюбивые ученики Кирилла и Мефодия и их преемники в Болгарии в блестящую эпоху царя Симеона перевели на церковнославянский язык с греческого огромное количество житий святых, творений отцов церкви, хронографов, повестей и т. п., что вместе с несколькими оригинальными произведениями болгарских литературных деятелей составило довольно значительную по объему литературу.

Переводы, сделанные Кириллом и Мефодием и их преемниками в Болгарии, не были одинаковы по достоинству. Последнее зависело как от личности переводчиков, так и от качества оригинала. Простой по содержанию текст Евангелия и книг Ветхого завета, переведенный знатоками греческого языка, образованными Кириллом и Мефодием или их учениками под их руководством, был передан по-церковнославянски и точно, и вполне

удобопонятно. Переводчики, передавая греческие слова и выражения по-славянски, не стремились к буквальности, не старались передавать оригинал слово в слово, но заботились прежде всего об передаче смысла и об удобопонятности. Благодаря этому древний церковнославянский текст Евангелия таков, что почти не оставляет желать лучшего, и стоит несравненно выше исправленного текста, употребляемого теперь в нашей церкви. Исправители, жившие и действовавшие в разное время и в разных местах, стараясь приблизить его к оригиналу, значительно ухудшили его и в некоторых местах лишили его его главного свойства — ясности.¹⁰

Укажу несколько примеров. В начале Евангелия Иоанна мы читаем в древнем тексте: «искони бѣ слово. . . безъ него ничтоже не бысть ꙗже бысть» (Остр. ев.). Здесь словом *искони* передано греческое *ἐν ἀρχῇ*, в ущерб буквальности, но в пользу для смысла; а отрицание *не* вставлено переводчиком, так как его нет в греческом подлиннике: *χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἓν ὃ γέγονεν*; конечно, оно вставлено потому, что церковнославянский язык требует для смысла здесь отрицания. Исправители в угоду греческому тексту выкинули здесь необходимое для понимания *не*, и таким образом получилось: «безъ него ничтоже бысть еже бысть». Исправители приблизили славянский текст к букве в ущерб смыслу: они поставили *въ началѣ* вместо *искони* для передачи *ἐν ἀρχῇ* и выбросили отрицание, нарушив при этом закон как церковнославянского, так и русского языка.*

В древнем тексте мы находим: «въ ѳединый же сѣботы Марія Магдалыни приде заутра» (Остр. ев., Иоанн 20 I) = *τῇ μιᾷ τῶν σαββάτων*. Греческий текст иногда опускает слово *ἡμέρα*, а слово *τὰ σαββάτα* нередко употребляет в значении «неделя». Древний славянский текст также

* Другие примеры в интересной книге Н. Ильминского «Размышление о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковнославянского перевода Псалтыри и Евангелия» (Казань, 1882). Должно заметить, что Ильминский обвиняет в порче древнего перевода одних русских исправителей XVIII в., между тем как значительная часть исправлений (в том числе и приведенные нами) сделаны гораздо раньше и находятся, между прочим, в Библии 1558 г. московской Синодальной библиотеки¹¹ и в печатной Острожской. Между прочим см. брошюру О. Новицкого «О первоначальном переводе св. Писания на славянский язык» (Киев, 1837).

опускает слово *день* и также употребляет *суббота* в значении «неделя». В позднейших редакциях сказано: «во едину отъ субботъ», что буквально приближается к греческому тексту.¹²

Или в 20-й главе Евангелия Матфея, в рассказе о двух слепцах, обратившихся к спасителю с мольбою во время его прохода мимо них, древний текст имеет: «ставъ Иисусъ възгласи», и таким образом вполне передает смысл оригинала, где читается: *στάς* (=остановившись). Исправители заменили *ставъ* на *въставъ*, через что исказили смысл, дав понять читателю, что спаситель будто бы не шел, а сидел.

Греческий текст богослужебных песнопений, находящихся в октоихе, ирмолое, минеях и т. п., не может похвалиться особенною простотою и удобопонятностью. Богослужебные песнопения были у греков написаны стихами, нередко с разными пиитическими хитростями, всего чаще с акростихом, заключавшим в себе имя автора. Требования ритма и акростиха заставляли поэтов давать малоестественное расположение словам, отделять дополнение от глагола, определение от определяемого и т. п.; сверх того, в видах увеличения поэтического достоинства они употребляли не встречавшиеся в живом языке слова, составляли сложные существительные и прилагательные, прибегали к игре слов. Содержание их произведений страдало в большинстве случаев риторичностью. Славянские переводчики большей части богослужебных песнопений оказались недостаточно сильными для взятой ими на себя работы. Они плохо понимали греческий язык гимнов с их риторикою, с их неправильным расположением слов, с их возвышенными словами.¹³ Живой славянский язык, которым они владели, оказывался недостаточным для передачи оригинала. Поэтому они были нередко принуждаемы к буквальному переводу, к передаче слова за словом, формы за формою и т. д. Отсюда в их труде тот же неестественный порядок слов, как и в оригинале, с тою особенностью вдобавок, что у греков, например, определение с определяемым стояли всегда, как следует, в одном падеже, а у славянских переводчиков зачастую определяемое имело один падеж, согласно с требованиями славянского языка, а его определение стояло в другом падеже, в том, какой имело в греческом подлиннике. Сложные греческие слова при

точной их передаче славянскими также сложными словами нередко теряли весь свой смысл, т. е. славянские слова, сочиненные переводчиками, были для славян непонятными, лишенными всякого смысла. Исправления разного времени, сделанные в богослужебных книгах, вследствие стремления исправителей к передаче буквы, естественно, не улучшили, пожалуй, даже ухудшили перевод богослужебных песнопений, вследствие чего без греческого подлинника некоторые из них даже для современного образованного человека совершенно неудобопонятны. Для примера можно взять тропарь святителям (в том числе св. Николаю чудотворцу) «Правило веры и образ кротости» или ирмос заутрени в великую субботу «Волною морскою». Последний читается в древнем переводе так: «Волною морескою съкрывъшаго дрѣвле гонителя мучителя подъ землею съкрыша съпасенныхъ дѣти; нъ мы яко отроковица господеви поимъ; славно бѣ прославися» (Ирмолой XII—XIII в. Григоровича).¹⁴ Трудно без греческого текста догадаться, что подлежащее в первой части ирмоса — *дѣти*, что прямое дополнение к *съкрыша* — *съкрывъшаго*, что *гонителя мучителя* зависит от *съкрывъшаго*, что смысл первой части таков: дети спасенного скрыли под землю того, который в древности покрыл морскою волною гонителя-мучителя.¹⁵

Жития святых и творения отцов церкви были написаны в Греции в разное время разными лицами и были разнообразны и по содержанию, и по изложению. Часть их отличалась до известной степени простотою содержания и изложения, и переводчики могли справиться с ними без большого затруднения. Вследствие этого мы имеем довольно значительное количество вполне удобопонятных и вообще удачно выполненных церковнославянских переводов житий и небольшое количество таких же переводов отеческих творений. Между последними можно отметить перевод пандект инока Антиоха, содержащих в себе нравственные наставления; он сохранился, между прочим, в русском списке XI в.¹⁶ Также можно отметить перевод поучений Кирилла Иерусалимского, он сохранился в русском списке XII—XIII вв.¹⁷ Другие жития и особенно отеческие творения, будучи просты по содержанию, отличались искусственностью изложения (риторичностью). Здесь все зависело от переводчика. Если он умел вникнуть в смысл и отнести к оригиналу более

или менее свободно, его перевод был удобопонятен, если же он старался лишь о том, чтобы передавать оригинал буквально, слово за словом, то получалось нечто бесполезное для тех, для кого он переводил. К числу удачных переводов могут быть отнесены произведения любимого у греков и славян отца церкви, прекрасного оратора Иоанна Златоуста.¹⁸ Очевидно, над ними потрудились лучшие литературные силы. Наконец, целый ряд отеческих творений был темен по содержанию или представлял в своем содержании много такого, что требовало от переводчика специальных богословских или каких других знаний. Некоторые отеческие творения были таковы, что сами греки нуждались для понимания их в комментариях. Таковы творения Григория Богослова. Они были переведены в древней Болгарии на церковнославянский язык, но переведены более или менее буквально, а потому и неудобопонятно. Желаящие убедиться в этом могут взять текст слов Григория Богослова в русском списке XI в., изданный Будиловичем,¹⁹ или другие отеческие творения, посвященные догматическим вопросам или тонкостям монашеского аскетизма. Славянский язык не имел сколько-нибудь выработанной терминологии, и переводчик должен был сочинять слова или придавать существующим словам новые значения. Отсюда темнота перевода слов Афанасия Александрийского против ариан, где доказывается истинность православного учения о воплощении сына божия и опровергаются утонченные умствования еретиков.²⁰ Отсюда же темнота перевода «Лествицы» Иоанна Лествичника, посвященной аскетической морали и нередко дающей тонкий анализ психических явлений; он сохранился, между прочим, в русском списке XII в.²¹ Впрочем, образованные, хорошо подготовленные переводчики справлялись даже с трудными текстами. Представителем их может быть признан Иоанн экзарх болгарский, переведший «Богословие» Иоанна Дамаскина и оставивший нам интересное рассуждение о том, как должно переводить. В нем Иоанн восстает против буквальных переводов и осуждает тех своих собратий-переводчиков, которые обращают все свое внимание на «нагие гласы» — на голые звуки, заботятся только о буквах без смысла, о непонятных сочетаниях и словах, не проникающих в ум, но шумящих вне его около рта и ушей.²² Его слова показывают, что буквальные переводы его времени были столь же темны

для современников, сколько и для нас, позднейших читателей.

Отдел хронографов и повестей представлял сравнительно мало трудностей для перевода. Тем не менее и в этом отделе встречаются слишком точные и вместе плохие переводы, особенно в тех случаях, где оригинал был хорошо, красиво изложен и где переводчик не всегда находил средства передать искусственный стиль с сохранением достаточной ясности. К числу плохих переводов должно отнести перевод Хронографа Георгия Амартола и его продолжателей, тот перевод, из которого выдержки приводятся в Нестеровой летописи.²³

§ 3. Церковнославянский язык на Руси ²⁴

Вся переводная литература древней Болгарии с книгами св. Писания во главе, а вместе с нею и небольшая оригинальная болгарская литература по мере распространения в России христианства перешла в Россию и здесь сделалась русской. Одна папская булла упоминает о славянском богослужении в России во времена Ольги;²⁵ следовательно, некоторые церковнославянские тексты явились в Россию задолго до официального принятия христианства всею Русью. После этого события наплыв церковнославянских переводов в Россию усилился; Ярослав и его ближайшие преемники покровительствовали литературе, и к половине XIII в., ко времени монгольского погрома, едва ли не вся переводная и оригинальная литература древней Болгарии успела уже сделаться достоянием России. Как ни много русских рукописей домонгольской эпохи погибло во время погрома и после него от разных причин, тем не менее и теперь мы владеем довольно большим количеством русских списков XI, XII, начала XIII в., которые дают нам понятие о составе обращавшейся в Руси того времени литературы. В числе их мы находим сочинения Анастасия Синаита, Василия Великого, Григория Богослова, Исполита Римского, Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника, Кирилла Иерусалимского, Мефодия Патарского, целый ряд толкований на св. Писание, Кормчую, целый ряд житий святых, Пролог.²⁶

Церковнославянские тексты древней Болгарии, перейдя в Россию и будучи здесь переписываемы русскими переписчиками, подверглись обрусению. Нет сомнения, что русские домонгольской эпохи достаточно хорошо понимали церковнославянский язык, как изустный, так особенно в книгах, разумеется если книги были написаны удобопонятно. Русский язык до половины XIII в. имел еще мало новых черт. Многие древние формы нечленных прилагательных и причастий, двойственного числа, имперфекта, аориста в нем еще жили, и, таким образом, он был еще очень близок к церковнославянскому языку. Тем не менее порядочное количество слов и форм последнего языка были отличны от русских слов и форм по своей звуковой окраске. В тех случаях, например там, где церковнославянские слово или форма отличались от русских употреблением *ж* или *а*, русские читали *ж* как *у*, *а* как *я* и таким образом превращали церковнославянское в русское. В других случаях, например там, где церковнославянские слово или форма отличались от русских употреблением *рѣ* вместо *ере* (*брѣгъ* вместо *берегъ*) или *шт* вместо *ч*, или *-ааго* вместо *-ого*, русские подправляли церковнославянские слово или форму и до известной степени приближали их к русским, заменяя *рѣ* через *ре* (*брегъ*), *шт* через *щ* (*шч*), *-ааго* через *-ого*. В третьих случаях, например там, где церковнославянское отличалось от русского употреблением *ра* вместо *оро*, *жд* вместо *ж*, они обыкновенно оставляли церковнославянскую звуковую окраску и читали *врагъ* вместо *ворогъ*, *вождь* вместо *вожь*. Вследствие такого отношения к церковнославянскому языку последний у нас обрусел только отчасти: он принял в себя небольшое количество постоянных русских черт: *у* вместо *ж*, *я* вместо *а*, окончание 3-го л. *-ть* вместо *-тѣ*, окончание дат. ед. *-ому* вместо *-уму* и т. п., сохраняя рядом с ними значительное количество церковнославянских черт: неполногласие, *жд*, окончание 2-го л. на *-ши*, окончание род. п. на *-ааго* или *-аго* и т. п. Само собою разумеется, звуковое обрусение произошло постепенно: русские списки церковнославянских текстов XI и начала XII в. вроде Остромирова евангелия, обоих Святославовых сборников,²⁷ Пандект Антиоха имеют в себе сравнительно небольшое количество русизмов и проводят их без всякой последовательности, вследствие чего их язык значительно отличается от рус-

ских списков второй половины XII в., когда обрусение церковнославянских текстов закончилось и образовался русский извод церковнославянского языка.²⁸

Вот главные постоянные черты русского извода церковнославянского языка, иначе — славянорусского языка: *у* вместо *ѡ*; *я, а* вместо *Ѧ*; глухие *ѣ, ѥ* или из них *о, е* перед плавными; *ра, ла* вместо русских *оро, оло*; *ре* вместо церковнославянского *рѣ*, русского *ере*; *жд* вместо русских *ж*; *щ* вместо церковнославянского *шт*, русского *ч*; окончание 2-го л. ед. на *-иш* вместо русского *-шь*; окончание 3-го л. наст. вр. на *-ть* вместо церковнославянского *-тъ*; окончание род. ед. на *-аго* вместо русского *-ого*; окончание дат. ед. на *-ому* вместо церковнославянского *-уму*.

Эти главные постоянные черты, продолжавшие существовать без значительных изменений и дополнений до конца XVII в. и сохраняющиеся в наших церковных книгах, пополнялись разными случайными чертами. Тщательные, привычные к делу переписчики старались ограничиться ими, но таких переписчиков было немного. Большая часть незаметно для самих себя, неумышленно, вводила в славянорусский язык перешедших из Болгарии текстов отдельные русские особенности и писали то полногласную форму *берегъ* вместо *брегъ*, *ворогъ* вместо *врагъ*, то *ж* вместо *жд* — *преже* вместо *прежде*, то *ч* вместо *щ* — *сѣча* вместо *сѣща*, то форму род. ед. *ж. р.* на *ѣ* вместо *я* или *а* и т. д. Подобные русизмы встречаются у одних переписчиков чаще, у других реже, без всякой последовательности, случайно, и их мы находим и у новгородцев, и у киевлян, и у ростовцев; отношение переписчиков к переписываемым текстам во всех областях Древней Руси было одинаково, и рассмотрение русских списков XI—начала XIII в. не дает нам ни малейшего основания думать, чтобы в Киеве этого времени переписывали более тщательно и точно, чем в Новгороде, или в Новгороде, чем в Ростове.

Вместе с общерусскими особенностями вроде *берегъ*, *сѣча* столь же непоследовательно и случайно переписчики вносили и особенности своих местных говоров. Чем более сильно был окрашен местный говор, тем чаще его черты проникали в церковнославянские тексты, написанные в пределах его распространения, и через это сообщали этим текстам местную окраску. Наоборот, чем бледнее

были черты говора, чем меньше он отличался от церковнославянского языка, тем бледнее были церковнославянские тексты. Таким образом, славянорусский язык не был тождествен в разных областях Древней Руси: каждый центр имел свой славянорусский язык с своею местною окраскою. Церковнославянские тексты, написанные в Новгороде переписчиками местного происхождения, отличаются от текстов, написанных в других местах, употреблением *ч* вместо *ц* и наоборот и *жж* вместо *жж* (церковнославянского *жд*), его мы находим уже в Минее 1095 г.,²⁹ где читается: *троичю* вместо *троицю*, *отча* и *сына*, *три лича*, *паличею*, *десничею*, *тъмьничю* и т. п., *дъжгь*, *объжги*. Церковнославянские тексты галицко-волынского происхождения имеют в известных случаях *ѣ* вместо *е* и *жч* вместо *жж*. Что до *ѣ*, то он является в большом количестве примеров в Добриловом евангелии 1164 г.: *пѣщь*, *шѣсть*, *камѣнь*, *весѣлье* и т. п.,³⁰ а *жч* в памятнике еще более раннем, в Галицком евангелии 1144 г.: *дъжчь*, *въжчелѣша*.³¹ Церковнославянские тексты киевского происхождения благодаря бледности киевского говора не имеют в себе резко выдающихся, крупных местных черт, и потому оба Святославовых сборника, Пандекты Антioxа XI в., Триодъ Моисея Киевлянина XII—XIII вв.,³² несмотря на то что переписчики их далеко не отличались тщательностью и ввели в свои тексты сравнительно немало общерусских звуковых особенностей, отличаются довольно чистым славянорусским языком.³³ То же можно сказать о церковнославянских текстах ростовского происхождения: они во всем, кроме немногих мелких черт (*къдѣ* с *ѣ* равно киевскому *къде*, *съде* с *е*), сходны с киевскими и могут быть отличаемы от киевских с большим трудом.³⁴

Таким образом, славянорусский язык церковнославянских текстов был различен в разных местах Древней Руси XI—XIII вв. Причина этого заключалась в отсутствии в Руси этого периода, во-первых, выдающегося политического и литературного центра, во-вторых, училищ и учебных руководств по церковнославянскому языку. Политическое значение Киева, высокое при Владимире и Ярославе, пало при их преемниках, когда Русь разделилась на несколько удельных княжеств, бывших фактически независимыми от Киева и не признававших его главенства. Литературное значение Киева несмотря на

жителство в нем митрополита, на обилие и богатство его церквей и монастырей, на многочисленных грамотных, может быть даже ученых людей, также не было признаваемо в других городах Руси, и, например, Новгород не обнаружил никакой склонности видеть в нем для себя литературный авторитет. Вследствие этого язык киевских церковнославянских текстов не получил значение образцового языка, не сделался общерусским и остался таким же провинциальным языком, как языки церковнославянских текстов новгородских, псковских, ростовских.³⁵

Училища — в нашем смысле этого слова — в Древней Руси были неизвестны. Владимир св., вскоре после крещения, вздумал было последовать примеру греков и завести школу. Летопись рассказывает, что он начал брать сыновей «нарочитой чади» и отдавать их на учење книжное.³⁶ Он, очевидно, хотел дать образование юношеству из боярского сословия, своим будущим советникам и помощникам, но его дело не имело успеха. Мы не знаем, в чем заключались задачи устроенного Владимиром училища, должно ли оно было учить молодых аристократов одной только грамоте или, как у греков, богословию, философию, вообще наукам; мы знаем только то, что о нем в наших исторических источниках ни разу более не упоминается — конечно, потому, что оно прекратило свое существование. Других известий об училищах мы не имеем. Очевидно, их не было, и домонгольская Русь училась не в училищах, а у учителей, или у так называемых впоследствии «мастеров»,³⁷ которые преподавали грамоту, т. е. чтение и письмо, знакомили с нотною системою певческих книг. О таких учителях у нас имеются известия; между прочим, Феодосий Печерский, живя у матери в Курске, еще ребенком был отдан ею «къ одному изъ учителей», и у него вскоре «извыче вся грамматикия», как выражается его древнее житие.³⁸ Школьных книг в собственном смысле также не было. Учение грамоте, т. е. чтению, не требовало никаких учебников, и для него было достаточно иметь псалтырь или часослов. Грамматика в нашем смысле, изучавшаяся у греков, у нас, по-видимому, не преподавалась, хотя существовала одна переведенная с греческого грамматика, приписываемая Иоанну Дамаскину и изложенная по-церковнославянски Иоанном экзархом.³⁹ Да и эта грамматика имела свою задачу

знакомить с строением языка вообще, а не с славянским языком в частности. Таким образом, церковнославянский язык, паходившийся в принесенных из Болгарии текстах, не имел у нас грамматического определения в том хотя бы виде, какой был ему придан несколько столетий спустя Мелетием Смотрицким. Вследствие отсутствия грамматики церковнославянского языка отсутствовал и идеал этого языка, или, лучше сказать, идеал церковнославянского языка представлялся каждому из книжных людей различно — смотря по его грамотности и начитанности, смотря по особенностям его местного говора, окрашивавшим бывшие у него в руках книги, и один книжный человек, из Новгорода, считал его принадлежностью ч вместо ц в *Троичя*, а другой, из Галичины, не видел ничего ненормального в ѣ в *пѣиць* или *весѣлье*.

Итак, церковнославянский язык принесенных из Болгарии текстов не сохранил в домонгольской Руси своего единства и распался на несколько частных языков. Иначе говоря, каждая область образовала в церковнославянских книгах свой язык, отличающийся от языка другой области в той степени, в какой говор первой отличался от говора второй.

Церковнославянские тексты, принесенные из Болгарии и усвоенные Русью, составляли главную часть русской литературы домонгольской эпохи. Само собою разумеется, в первое время распространения у нас церковнославянских текстов русская оригинальная литература совсем не существовала. Позже мало-помалу стали появляться русские литературные труды — то переводы с греческого, сделанные в России, то оригинальные сочинения русских людей. И те и другие были немногочисленны, и мы едва ли ошибемся, если скажем, что даже к концу домонгольской эпохи собственно русские литературные произведения совершенно терялись в массе принесенных из Болгарии и по числу и объему едва ли составляли более $\frac{1}{20}$ этих последних. Естественно, церковнославянские тексты, употреблявшиеся в богослужении, постоянно читавшиеся книжными людьми, по языку (как и по содержанию) послужили образцами собственно русских произведений. Наши книжные люди в тех случаях, когда писали не документ, не деловую бумагу юридического или иного характера, ввели в употребление не чистый русский язык, а тот церковнославянский, который они находили в быв-

ших у них под руками текстах, со всеми особенностями этого последнего.

Как было указано, русский извод церковнославянского языка установился не вдруг, и в XI и в начале XII в. в нем еще употреблялись такие церковнославянские особенности, как формы род. п. на *-ааго*, которые потом, во второй половине XII в., уже стали исчезать и заменяться другими (в данном случае формами на *-аго*).

Деятели русской литературы, действовавшие в XI и начале XII в. и руководствовавшиеся церковнославянскими текстами этого времени, употребляли формы на *-ааго* и им подобные. Так, у митрополита Илариона в его «Слове о благодати», написанном в самом начале второй половины XI в., мы находим формы род. п. на *-ааго* вместо более позднего *-аго*: *благааго Бога, милосердааго Господа*; формы мн. ч. на *-ыихъ, -ыимъ* (вместо более поздних на *-ыхъ, -ымъ*): *невидимымъ и видимымъ, боляциимъ, земляныхъ, небесныхъ*; формы имперфекта на *-аахъ* вместо более позднего *-ахъ*: *являахуся, пробѣгааху*.⁴⁰ Эти формы сохраняются в списках «Слова» XV в., несмотря на то что переписчики не щадили таких особенностей древнего оригинала. Равным образом у дьякона Нестора в его Житии Феодосия Печерского, написанном, вероятно, не позже начала XII в. и дошедшем в списке конца XII в., мы читаем огромное число раз формы на *-ааго, -ууму, -ыимъ, -аахъ* и т. п.⁴¹

Деятели последующего времени, когда формы на *-ааго* и пр. уже стали исчезать из книг, по-видимому, не употребляли подобных форм; по крайней мере мы не находим никаких следов этих форм ни в «Поучении» Владимира Мономаха, ни в переводах посланий митр. Никифора,⁴² ни в «Слове о полку Игореве».

Далее, деятели, писавшие в Новгороде (особенно авторы древнейшей части Новгородской летописи), пользовались для своих произведений языком новгородских церковнославянских книг, т. е. церковнославянским языком с новгородской окраской. Вследствие этого в Новгородской летописи по списку конца XIII или начала XIV в.⁴³ мы встречаем большое количество новгородских особенностей, несомненно бывших в подлиннике автора, вроде мены *ц* и *ч*, употребления *жг* и т. п. Деятели, писавшие в Киеве, вроде автора Начальной летописи, вроде дьякона Нестора,⁴⁴ напротив того, употребляли церковно-

славянский язык с киевскою окраскою, сравнительно чистый, так как киевский говор не дал языку киевских церковнославянских текстов почти никакой местной окраски. Поэтому ни в Начальной летописи, ни в Житии Феодосия Печерского, ни в Сказании о Борисе и Глебе мы не находим ничего в звуковом отношении выдающегося, бросающегося в глаза. Таким образом, церковнославянский язык оригинальных русских сочинений, написанных в Новгороде, и сочинений, написанных в Киеве, был различен. Иначе — это был не один язык, а два — один новгородский, другой — киевский.

Далее, не все лица, действовавшие на литературном поприще в Руси домонгольской эпохи, одинаково хорошо владели церковнославянским языком. Одни знали его хорошо и понимали его звуковые отличия от русского языка. Эти лица в своих произведениях давали язык в звуковом отношении почти тождественный с языком русских списков церковнославянских текстов. Таков язык «Слова» митр. Илариона,⁴⁵ таков язык Жития Феодосия Печерского. В первом — даже в списках XV в. — мы почти не заметим русизмов сверх обычных; во втором русизмы встречаются, но в небольшом количестве, в виде исключений, подобно тому как они встречаются в русских списках церковнославянских текстов. Это тождество в звуковом отношении оригинальных русских произведений с языком русских списков церковнославянских книг является причиною той трудности, с какою мы отличаем оригинальные русские произведения от произведений, сочиненных в Болгарии или переведенных в Болгарии. История науки о русской литературе насчитывает уже довольно значительное количество случаев, когда наши ученые впадали в ошибку относительно происхождения литературных памятников, дошедших в русских списках, и признавали в одних из них творения Феодосия Печерского, в других слова Кирилла Туровского, в третьих поучения Серапиона Владимирского, а впоследствии оказывалось, что эти памятники переведены с греческого, по всей вероятности, в Болгарии и не находятся ни в каком отношении к нашим русским литературным деятелям.

Если оригинальные русские произведения были часто тождественны по звуковым особенностям языка с произведениями, принесенными из Болгарии, то тем более были тождественны с последними те переводы с греческого,

которые сделаны в России. Мы имеем в летописи известие, что Ярослав собрал много «писцовъ» и перекладывал с ними книги с греческого языка на славянский.⁴⁶ Сверх того, мы можем а priori предполагать, что Древняя Русь, где жили митрополиты и епископы греки, где при них должны были находиться люди, знающие хорошо и греческий, и славянский (или русский) языки, где было много всякого рода сношений с Грецією, произвела некоторое количество переводов с греческого. Но мы не в состоянии сказать, что переведено в России. Мы можем догадываться, что труды киевских митрополитов-греков Иоанна II, Никифора были переведены в Киеве;⁴⁷ мы можем предполагать, что Пандекты Никона Черногорца, дошедшие в списке конца XIII в.,⁴⁸ или «История Иудейской войны» Иосифа Флавия были переведены также в России.⁴⁹ Но вследствие тожества в звуковом отношении языка этих переводов с языком переводов, сделанных в Болгарии, мы не в состоянии доказать их русское происхождение.

Правда, кроме звуков, оригинальные русские произведения и переводы, сделанные в России, могут иметь русские слова, которые даже в церковнославянской звуковой окраске не были употребительны на родине церковнославянского языка. Но русские авторы и переводчики обыкновенно старались пользоваться церковнославянским словарным материалом и лишь случайно или по нужде, при неимении в церковнославянских текстах тех или других терминов, вводили русские слова. Таким образом, у них можно найти лишь небольшое количество русских слов. Но эти найденные нами русские слова — ненадежный руководитель. Надо иметь в виду, что некоторые слова, с первого взгляда как будто исключительно русские, могли быть в древности свойственны и церковнославянскому языку и что русские переводчики иногда позволяли себе делать замены одних слов своего оригинала, церковнославянских, другими, русскими. Списки Евангелия, книги, которая пользовалась огромным уважением и потому должна была переписываться с большою тщательностью, показывают, что переписчики и в ней изредка делали изменения. Один список (Оршинское евангелие XII—XIII в. в Киевском археологическом музее)⁵⁰ дает нам на месте церковнославянского выражения *Иакова сына Заведѣова* русское: *Иякова Зеведѣвича*; в другом

списке (Ев. XIV в., Публ. библ. I 17)⁵¹ мы читаем на месте церковнославянского слова *стогна* русское *улица*: «подобны суть дѣтемъ сѣдящимъ на улицахъ»; в третьем списке (Луцк. ев. XIV в.) находится русизм *житомѣрые*: «кто ѣсть вѣрный приставник и мудръ, юго же поставить господинъ надъ домомъ своимъ . . . даяти въ время житомѣрые».⁵² Понятно, в других церковнославянских текстах переписчики позволяли себе изменения в большем количестве.⁵³ Из этого следует, что русские слова в церковнославянском тексте не всегда доказывают русское происхождение этого церковнославянского текста.⁵⁴

Другие русские деятели сравнительно слабо знали церковнославянский язык. Таковы все наши древние летописцы, таков Владимир Мономах, таков автор «Слова о полку Игореве». Они старались писать по-церковнославянски, но отчасти не в состоянии были изложить на церковнославянском языке всего того, что хотели, отчасти не умели отличить церковнославянское от русского, и потому в их произведениях мы находим полное смешение церковнославянского элемента с русским, причем в одних местах летописи — в похвалах умершим, в благочестивых размышлениях, в молитвенных обращениях и т. п. — преобладает первый, в других — в описаниях сражений, в передаче разговоров — второй.⁵⁵ Это смешение придает особый колорит языку летописей, «Поучения» Мономаха, «Слова о полку Игореве».

Теперь несколько слов об изложении. Чем более близок язык русского оригинального произведения домонгольской эпохи к языку церковнославянскому, тем изложение его более близко к изложению церковнославянских памятников. Таким образом, русский автор подражал в изложении своим образцам. Но должно отдать честь деятелям русской литературы домонгольского времени. Они брали образцами не те церковнославянские памятники, которые отличались темнотою изложения и буквальною, следовательно, грамматически неправильною передачею греческих текстов. Они в противоположность русским деятелям XV—XVI вв. высоко ценили ясность изложения и руководились лучшими переводами с греческого, сделанными в Болгарии. Отсюда полная ясность и изящество изложения в «Слове» митр. Илариона, в поучениях Кирилла Туровского, отсюда прекрасное изложение в Житии Феодосия Печерского. Наоборот,

чем менее был близок язык русского оригинального произведения к языку церковнославянскому, тем менее зависел он в своем изложении от каких бы то ни было оригиналов. Изложение в нем часто не отличалось изяществом, его автор редко прибегал к длинным периодам, к риторическим оборотам, старался ограничиваться одними простыми предложениями да простейшими словами. Но ясность изложения от этого ничего не теряла, и такие произведения, как летописи, хотя далеко уступали в изяществе «Слову» Илариона или Житию Феодосия, но нисколько не уступают в удобопонятности.

§ 4. Деловой язык домонгольского периода

Рядом с обрусевшим церковнославянским языком в русских сочинениях домонгольской эпохи мы находим чистый русский язык. Если первый употреблялся в житиях, поучениях, летописях, вообще в литературных произведениях в собственном смысле этого слова, то второй мы видим в деловой письменности — в документах юридического и иного характера, в официальной переписке князей, в законодательных памятниках, иногда даже в пастьерских посланиях иерархов (новгородских). Здесь им пользовались не одни светские лица, но и духовные, и потому иногда из-под одного пера выходили произведения и на церковнославянском, и на русском языке. Впрочем, у духовных, по-видимому, нередко проникала в русский язык церковнославянская примесь; по крайней мере во вкладной св. Варлаама Хутынского конца XII в. мы находим два церковнославянизма: *аще* (вместо *аче*), *будущии* (вместо *будущии*),⁵⁶ а вопросы Кирика архиепископу Нифонту с ответами последнего по списку конца XIII в. имеют сравнительно порядочное количество церковнославянских форм.⁵⁷ Произведения светских лиц отличаются почти полною чистотою русского языка: в одних из них, XII—XIII вв., мы совсем не находим ничего церковнославянского; в других — встречаем только ничтожное количество церковнославянизмов: в Мстиславовой грамоте 1130 г. один *азъ* (вм. *язъ*);⁵⁸ в договоре Смоленска с Ригею 1229 г., довольно большом по объему, также один *прѣдъ* (вместо *передъ*, в конце);⁵⁹ в списке «Русской Правды» конца XIII в. есть несколько форм род. п. на *-аго*

(вместо *-ого*), прокравшихся в список, вероятно, потому, что переписчик «Правды», прежде чем приступить к переписыванию ее текста, переписал большую по объему Кормчую на церковнославянском языке и привык к употреблению церковнославянизмов.⁶⁰ Впрочем, можно подозревать, что чистый русский язык деловых произведений светского характера подвергся влиянию церковнославянского в том отношении, что писцы этих произведений, будучи знакомы с церковнославянским языком, предпочитали употреблять те русские образования, которые были общи русскому языку с церковнославянским (вроде *есмь*, 1-е л. ед., *есмъ*, 1-е л. мн.), и уклонялись от употребления тех, которые не были известны церковнославянскому языку (вроде *есми*, 1-е л. ед., *есме*, 1-е л. мн.).

Если церковнославянский язык русских литературных произведений заключал в себе особенности местных русских говоров, то чистый русский язык деловой письменности вполне отождествлялся с местными говорами. Таким образом, деловой документ, писавшийся в Киеве, писался на киевском говоре; деловой документ, вышедший из Новгорода, писался на новгородском говоре.⁶¹ Короче: в деловой письменности было столько чисто русских языков, сколько было говоров.

Итак, домонгольская Русь не знала одного общего ей всей литературного языка. Она употребляла два языка: один — церковнославянский для собственно литературных произведений, другой — чистый русский для деловой письменности. Эти два языка делились каждый на несколько второстепенных, местных, которые были различны в разных местах Руси и отличались друг от друга в той мере, в какой отличались друг от друга местные говоры.

Можно сказать, что домонгольская эпоха истории русского литературного языка есть эпоха отсутствия общерусского литературного языка, эпоха совместного существования нескольких местных литературных языков.⁶²

§ 5. Письменность Северо-Восточной Руси XIII—XV вв.

Монгольский погром мало отразился на русской образованности. Конечно, много грамотных людей было убито или уведено в плен, много книг сгорело вместе с церквями,

монастырями, дворцами. Но он оказал на нее влияние в другом отношении. Киев был превращен в развалины, лишился большей части своего населения и, поставленный лицом к лицу с варварами, потерял надолго всякую прелесть в глазах князей. Ни один из северных князей, которым сначала он был предоставлен, не только не поселился в Киеве, но даже не посетил его. Мы видим в нем только наместников северных великих князей и не знаем ничего о его судьбах. Летописи суздальские, новгородские, галицко-волыньские не упоминают уже киевских событий, и проходит в них неотмеченным даже такой важный для Киева факт, как переход этого города в руки литовцев, — так мало интересовала всех судьба старого стольного города. Митрополит, прежде почти неисходно проживавший в Киеве, оставил разоренный город: Кирилл (1250—1280), первый митрополит после погрома, провел почти всю свою жизнь вне Киева, и мы его видим то в Галиции, то в Новгороде, то у суздальских князей; он умер в Переяславле Суздальском, и только его прах был положен в киевском Софийском соборе. Его преемники Максим (1283—1305) и Феогност (1328—1353) совсем оставили Киев и перенесли митрополию на север, во Владимир (1299). Впрочем, одна святыня сохранилась в Киеве — Печерская лавра с мощами Антония и Феодосия Печерских, с мощами многих других печерских подвижников, прославленных в Печерском патерике. Но и Печерский м-рь пришел в запустение, и одного из его архимандритов мы видим живущим при литовском дворе в качестве духовника второй жены Ольгерда.⁶³ Вместе с Киевом пал некогда богатый Чернигов и прекратил совершенно свое существование южный Переяславль. Падение этих городов имело своим следствием то, что старая Русь как бы распалась на две половины — северо-восточную и юго-западную, между которыми встала все более и более усиливавшаяся Литва и между которыми прекратилось почти всякое общение. Каждая из этих двух половин имела свою особую судьбу, и в каждой из них литературный язык пошел своею дорогой в связи с местною культурою и литературою. Мы остановимся сначала на Северо-Восточной Руси.

Густые леса, болота, снега Северной Руси не мешали ордынцам разгромить ее города, но, конечно, много жителей спаслось бегством, и сожгли они далеко не

все города и села, брошенные населением. Мы имеем относительно этого одно довольно интересное известие. Бывший в Ростове епископом перед Батыевым погромом Кирилл был, как говорит суздальская летопись, очень богат, между прочим, книгами, т. е. у него была большая библиотека. Одна из рукописей этой библиотеки — Житие Нифонта 1219 г.,⁶⁴ несомненно принадлежавшая Кириллу, дошла до нас; другая — Апостол 1220 г.,⁶⁵ по всей вероятности также принадлежавшая Кириллу, равным образом сохранилась. Кроме этих рукописей, можно догадываться, еще несколько рукописей, одинаковых по формату и близких по времени написания и особенностям языка, хранящихся в разных наших книгохранилищах, уцелело до нашего времени. Итак, Батыев погром не уничтожил библиотеки еп. Кирилла, следовательно, Ростов, где она хранилась, в значительной степени уцелел.⁶⁶ Как бы то ни было, едва монголы оставили север, как Владимир, Суздаль, Ростов зажили старою жизнью, и все пошло по-старому. Центрами Северо-Восточной Руси сделались два города: богатый, не тронутый врагами Новгород и великокняжеская резиденция Владимир.

Из них Новгород, можно сказать, расцвел в эпоху монгольского владычества, и XIII—XIV века — время его лучших во всех отношениях дней. Они ознаменованы победами над немцами, над шведами, успешною борьбою с литовскими и татарскими князьями. Московские князья, прежние союзники Новгорода, едва усилились на счет других князей, стали претендовать на власть над Новгородом. Московская гегемония стала признаваться Новгородом с конца XIV в., а попытки освободиться от нее повели к потере свободы и принятию в конце XV в. московских наместников. Мы не можем сказать, что литература и просвещение процветали в Новгороде в счастливое время новгородской свободы. Можно указать на летописи, постоянно ведшиеся в Новгороде, кажется, исключительно духовными лицами, на несколько кратких житий и повестей — об Варлааме Хутынском,⁶⁷ о посаднике Щиле,⁶⁸ на послание новгородского архиеп. Василия о земном рае.⁶⁹ Все эти произведения не показывают в их авторах сколько-нибудь значительного образования; они не блещут изложением. Но грамотность была сравнительно распространена. Наши библиотеки сохранили очень много

рукописей новгородского происхождения, особенно до XIV в., главным образом богослужебных, пощаженных почти непрерывными новгородскими пожарами. Из них мы видим, что Новгород был богат хорошими переписчиками, что его архиепископы заводили у себя особых ребят или дьяков,⁷⁰ которые занимались перепискою книг с хороших оригиналов и при помощи которых архиепископы могли снабжать паству нужными книгами с более или менее исправными текстами.

Рядом с Новгородом благодаря его поддержке и защите расцвел его меньшей брат и сосед Псков. Прежде новгородский пригород, он разбогател, и время от конца XIII до конца XV в. может быть названо лучшею порою его жизни. Более скромный и ловкий, чем Новгород, занимая довольно отдаленный от Москвы угол Северо-Восточной Руси, он хотя и должен был довольно рано подчиниться московской гегемонии, но дольше Новгорода сохранил свою свободу. Литература и просвещение в нем не процветали, но все-таки в нем за это время велись летописи, составлялись кое-какие повести (сказание об Александре Невском,⁷¹ о Довмонте⁷²), но грамотность и здесь была сравнительно достаточно распространена. Мы имеем некоторое количество псковских рукописей XIV и XV вв. — оно невелико, но все-таки эти рукописи тянутся от самого начала XIV до начала XVI в. и указывают на существование во Пскове небольшого количества опытных переписчиков.

Обратимся к Владимиру. Центр Суздальского княжества при Андрее Боголюбском, Всеволоде Юрьевиче и его детях, этот город скоро утратил всякое значение. Великое княжение в начале XIV в. перешло из него в Москву и Тверь; митрополит, едва успевший водвориться в нем, поспешил оставить его и перебраться в Москву. Владимир не ознаменовал себя за лучшее время своей жизни решительно ничем. Мы не знаем за конец XIII и начало XIV в. (как и за последующее время) ни одного памятника, который можно считать составленным во Владимире, ни одной рукописи, написанной во Владимире. Этот город, можно сказать, ничем не ознаменовал себя в истории русской литературы и просвещения.

Он уступил свое значение сперва Твери, потом Москве. Тверь была очень недолго центром средней Руси и скоро

низопла на степень второстепенного города. Она тоже ничем не ознаменовала себя, кроме летописных заметок да небольшой повести об убитом в Орде тверском князе Михаиле Ярославиче.⁷³ Сверх того мы знаем одну рукопись, написанную в Твери в 1406 г., — список патерика Печерского.⁷⁴

Москва в противоположность Владимиру и Твери быстро преуспела и в литературе, и в просвещении. Ее великие князья были не только умными и энергичными деятелями, но также богатыми и щедрыми христороубцами. Они не славились как грамотеи — Дмитрий Донской был малограмотен, а его внук Василий Темный совсем не знал грамоте, — но умели ценить просвещение. Между московскими митрополитами были очень образованные люди. Мы не имеем сведений о первом московском митр. Петре: его житие говорит только, что он был сведущ в иконописном искусстве. Митр. Алексей был несомненно хорошо образованный для своего времени человек, по-видимому знакомый даже с греческим языком. Предание приписывает ему один список Евангелия XIV в., исправленный по греческому тексту.⁷⁵ Один из ближайших преемников Алексея, болгарин Киприан, разыграл в истории наших богослужебных текстов довольно значительную роль. С его времени стали входить у нас в употребление болгарские богослужебные тексты, отчасти исправленные, отчасти вновь переведенные болгарскими. Киприан известен как автор Жития св. Петра, своего предшественника по митрополии. Как человек «исполненный божественного разума и вельми книжный», он оказался на высоте взятой им на себя задачи — прославить первого московского святителя и угодника, и составленное им житие оказалось образцовым в литературном отношении.⁷⁶ После Киприана мы видим на митрополичьем престоле Феодосия. Он также известен как автор двух слов: «Слова о чуде от мощей Алексея митрополита, бывшем в 1462 г.» и «Слова в похвалу апостолам Петру и Павлу». Оба они, особенно первое, более самостоятельное (во втором многое переписано Феодосием из слова Григория Цамвлака), — блестящие литературные произведения, для своего времени образцово написанные.⁷⁷

Кроме митрополитов, Москва XIV—XV вв. была не бедна нетитулованными грамотеями. Как известно, в XIV в. возникла и быстро возвысилась Троицкая оби-

тель Сергия Радонежского. Обогащенная великими князьями и частными лицами, она сделалась центром литературного образования. Здесь мы видим в конце XIV и начале XV в. «премудрого» Епифания, мастера книжного дела, искусного переписчика и едва ли не еще более искусного писателя. Два больших труда его — Житие преп. Сергия и Житие преп. Стефана Пермского — произведения в своем роде единственные. Второе из них дошло до нас несомненно в том виде, в каком было написано автором, и из него мы можем увидеть огромную начитанность Епифания, блестящее знакомство с русской переводною литературою того времени — не только с св. Писанием, Палеею, житиями, но с хронографами и разными церковно-историческими источниками. Он в совершенстве усвоил себе приемы византийского ораторского искусства, и его красноречие, обильное, многоречивое, сделало то, что он не нашел себе у нас продолжателей.⁷⁸

После Епифания можно упомянуть о неизвестном авторе «Слова» о Дмитрие Донском. Несомненно, это был московский житель и притом духовное лицо, несомненно, он писал вскоре после смерти князя. Слово это может быть названо в литературном отношении очень недурным, хотя уже слишком витиеватым.⁷⁹

Далее следует упомянуть о сербе Пахомии. Этот афонский монах, неизвестно зачем прибывший в Россию около половины XV в., поселился в Троицком м-ре и стал работать в нем над перепискою книг и особенно над составлением житий новым русским святым по просьбе или приглашению московских святителей. Потом он не ограничился трудами в Троицком м-ре и стал разъезжать по городам и монастырям Северо-Восточной Руси, везде составляя жития местных святых. Он написал большое количество житий, в числе других — Алексея митрополита, Сергия преподобного, Никона ученика Сергия — написал в своем роде, в литературном отношении мастерски, и утвердил за собою славу великого книжника. Его творения долго были образцами для русских авторов житий, и последние, чувствуя себя не в силах сочинить нечто оригинальное, часто просто переписывали и переделывали труды Пахомия.⁸⁰

Кроме этих литературных произведений Москва производила много списков с разного рода книг, и мы знаем некоторое количество их в наших библиотеках. Как место-

пребывание митрополитов она сделалась рассадником новых и исправленных богослужебных текстов, которые с легкой руки митр. Киприана стали быстро распространяться по всей Руси и вытеснять старые тексты.⁸¹

И политическое возвышение Москвы, ее гегемония, и блестящие литературные произведения, вышедшие из-под пера московских книжных людей, и другие обстоятельства быстро подняли в глазах Новгорода и других городов Северо-Восточной Руси авторитет Москвы. Она была признана столицей Северо-Восточной Руси прежде, чем Новгород, Псков, Рязань пали; вместе с тем ее литературный язык был признан идеалом русского литературного языка и сделался общерусским литературным языком, причем старые литературные языки Новгорода, Пскова один за другим низошли на степень провинциальных и вышли из литературного употребления.

§ 6. Церковнославянский язык Северо-Восточной Руси XIII—XVI вв.

Взглянем на московский литературный язык.

Московский народный говор XIV в., когда возникла в Москве литература, а может быть и письменность, был почти тождествен с говором старого Ростова, особенности которого мы знаем по рукописям начала XIII в.; равным образом он почти совсем не отличался от говоров Твери, Ярославля, Переяславля, Рязани. Таким образом, он был не только московским, но вообще среднерусским говором. Он был сравнительно чист, т. е. не имел никаких резких особенностей, которые бы выделяли его из ряда других говоров. Он не знал ни мены *ц* и *ч*, как новгородский, ни мены *з* и *ж*, *с* и *ш*, как псковский, ни даже мены *в* и *у*, как южно- и западнорусские. Эти исключительно отрицательные черты делали его вполне удобным и благозвучным для говоривших на других говорах, и ни один из них не мог находить в нем ничего для себя чуждого или смешного. Например, москвич не менял *ц* и *ч*; он говорил *царь* только с *ц* и *чаша* только с *ч*; новгородец, говоривший и *царь* и *чарь*, и *чаша* и *цаша*, не мог находить для себя ничего неудобного или смешного в произношении *царь* и *чаша*.⁸²

Свойства московского говора вполне отразились на языке московских славянорусских текстов и на языке тоже славянорусских оригинальных московских литературных произведений. Это был сравнительно чистый церковнославянский язык русского извода, с обычными постоянными русизмами, с некоторым количеством случайных русизмов (вроде *ж* вместо *жд*), тот самый язык, который был на Руси в домонгольскую эпоху, но без всяких местных особенностей. Правда, в XIV и XV вв. великорусское наречие имело много нового, чего не было в XI и XII вв. Так, в нем были уже широко распространены новые формы вроде *богамъ*, *богами* вместо старых *богомъ*, *богы*. Конечно, эти формы в числе случайных русизмов вошли в московские тексты в том или другом, во всяком случае ограниченном, количестве. Но эти формы и им подобные — что для нас важно — не давали московскому славянорусскому языку местной окраски. Они были свойственны всему великорусскому наречию, в том числе и новгородскому, и псковскому говорам.

По мере того как распространялось владычество Москвы в Северо-Восточной Руси, по мере того как все более и более начинала чувствоваться гегемония Москвы в Новгороде, Пскове и их областях, распространялся и авторитет ее литературного языка на счет литературных языков новгородского и псковского.

Новгородские списки с принесенных из Болгарии церковнославянских текстов после половины XIII и до конца XIV в. имеют тот самый язык, что и списки XI—XII вв. Мы находим в них, как и в списках XI—XII в., церковнославянский язык русского извода с более или менее обильным количеством особенностей местного говора. Тут и постоянная мена *ц* и *ч*, и *жг* вместо *жд*, и нередкое *и* вместо *ѣ*, тут, кроме того, местные новгородские формы род. ед. вроде *женѣ* на *ѣ* вместо *ы* и т. п. Словом, списки XIII—XIV вв. имеют новгородский литературный язык. Но мало-помалу мы начинаем замечать в списках убавление главной новгородской особенности — мены *ц* и *ч*. Между памятниками новгородской письменности XIV в. мы имеем прекрасно написанное евангелие с довольно исправным текстом, с изящными украшениями и с записью, указывающею на время написания — 1355 год, место — Новгород и на имена писцов.⁸³ Последние сообщают, что они писали по повелению архиеп. Моисея.

Очевидно, мы имеем дело с трудом сравнительно образованных лиц, состоявших при новгородском архиепископе. Язык евангелия обычный, славянорусский, новгородская окраска вообще довольно ярка. Мы находим не раз *и* вместо *ѣ*: *человичь*, *на мѣстѣ никоемъ*, *иминие* и т. п.; нам встречаются сравнительно часто типичные новгородские формы имен. п. мн. на *-ѣ*: *гласѣи слышать*, *мнозѣ пророци* и т. п., и один раз даже еще более типичная форма имен. ед. на *-е*: *гнаше к Симоне*. Но вместе с этим писцы, видимо, стараются избегать употребления главной новгородской черты — мены *ц* и *ч*. Мы у них находим *жерцемъ* = *жерцемъ* (дат.), 34 об., *lichemѣри*, 42 об., *седмеричею*, 45, *отроцищемъ*, 64, *лице*, 90 об., но число случаев *ч* вм. *ц* и *ц* вместо *ч* несравненно меньше, чем в других новгородских евангелиях того же времени, и вообще довольно ограничено.

Между памятниками новгородской письменности начала XV в. мы можем отметить несколько списков церковнославянских текстов со всеми обычными особенностями новгородского славянорусского языка, в том числе с меною *ц* и *ч*. Но рядом с ними мы видим списки без мены *ц* и *ч*. Таков список Служебника 1400 г.⁸⁴ Он написан неким Федором, священником Хутынского м-ря под Новгородом, по повелению новгородского архиепископа Ивана и отличается прекрасным изящным письмом, так что и здесь, в этом памятнике, мы имеем дело с трудом образованного человека. Язык не представляет в общем ничего замечательного. Одна новгородская особенность — *и* вместо *ѣ* — встречается несколько раз: *смиреныхъ*, 21 об., *смиреныя*, 26 об., *о невидѣннихъ*, 40 об., но мена *ц* и *ч* вполне отсутствует. Таков список Палеи 1477 г., писанный в Новгороде дьяком Нестором.⁸⁵ В этом памятнике, довольно исправно написанном, встречаются нередко другие новгородские особенности, но мены *ц* и *ч* нет. Только изредка переписчик, очевидно по недосмотру, пишет *ч* вместо *ц*, т. е., вероятно, списывает слово в том виде, как оно было в его оригинале, с новгородскою особенностью, да и тут обыкновенно он имеет дело с каким-нибудь редким, не народным словом. Например, он пишет *очетъ* вместо *оцетъ*. Таков Апостол 1495 г.⁸⁶ Он написан в Новгороде причетником одной из новгородских церквей довольно исправно и толково. Другие новгородские черты в нем остались (например,

по стѣни, сумниша, поколибатися, внимаху народѣ, бозѣ снудоша), но мена *ц* и *ч* у него отсутствует, несколько случаев ее — несомненно, случайные погрешности.

Таков, наконец, текст полной Библии, составленной в Новгороде новгородским архиепископом Геннадием. Он сохранился, между прочим, в списке 1499 г., сделанном в Новгороде тремя дьяками новгородских церквей. Кое-какие новгородские черты в нем заметны, но мена *ц* и *ч* в нем также отсутствует (единичные случаи, обмолвки не в счет).⁸⁷

Из приведенных данных видно, что Новгород задолго до потери им своей вольности без всякого принуждения, добровольно признал авторитет Москвы и принял ее литературный язык. Главная черта старого новгородского литературного языка, мена *ц* и *ч*, была признана провинциализмом, нетерпимым в литературном языке, а другие черты, вроде замены *ѣ* через *и*, вроде разных форм, были так ничтожны, что на них грамотные люди в Новгороде не обращали внимания и употребляли единственно потому, что не знали об отсутствии их в московском литературном языке.⁸⁸ С XVI в., когда Москва утвердилась в Новгороде и во всем севере Руси, прежде подвластном Новгороду и говорившем новгородским говором, когда новгородские архиепископы стали назначаться в Москве из московских людей, старый новгородский литературный язык исчез.⁸⁹

Мы имеем несколько произведений XVI и XVII вв., написанных в Новгороде и на новгородском Севере. Они дошли до нас в списках, сделанных то в Новгороде, то в Кирилло-Белозерском м-ре, то в Соловецком м-ре также в XVI и XVII вв. Это по преимуществу летописные заметки, исторические записки и краткие, безыскусственные жития северных святых. Народная речь так и сквозит в этих текстах, но переписчики стараются держаться московского литературного языка и, кроме отдельных случаев, воздерживаются от употребления мена *ц* и *ч*, хотя изредка употребляют *и* вместо *ѣ*. Желаящие познаться с поздними новгородскими списками новгородских летописей могут взять так называемый летописец Новгородских владык по списку конца XVI в. в издании Археографической комиссии.⁹⁰

За новгородским литературным языком последовал псковский литературный язык. Псков, где не было

своего епископа, в домонгольскую эпоху стоял несравненно ниже Новгорода, и мы не знаем ни одной рукописи, написанной во Пскове не только в XI, но и в XII в. Вероятно, он пользовался книгами, писавшимися в Новгороде. Старшие известные нам псковские книги — два апостола самого начала XIV в. — заключают в себе сравнительно мало специально псковских особенностей;⁹¹ но во псковских текстах второй половины XIV в. особенности псковского литературного языка являются во всей полноте. Это два параклитика — 1369 и 1386 гг.⁹² — и Пролог 1383 г.⁹³ Мы в них находим нередкую мену *ц* и *ч*, *з* и *ж*, *с* и *ш*, замену *я* через *е* и наоборот *е* через *я*, по большей части не существовавшие в то время ни в одном русском говоре и потому резко выделяющие псковский литературный язык. Они сохраняются в псковских рукописях XV в., хотя не во всех в равной степени. Мы их находим в Евангелии 1409 г., в Прологе 1425 г., в Трефолое 1446 г., наконец в двух палеях — Румянцевской конца XV в. (1494) и Ундольской начала XVI в. (1518).⁹⁴ Последняя списана с первой, и сличение их текстов представляет большой интерес, показывая, как переписчик старался изгнать из языка Палеи псковские особенности. Он, например, находил в оригинале *утрудиша*, 504, вместо *утрудися* и сначала не догадывался, что это такая черта, которую нужно изгнать, и потому переписывал буквально, т. е. *утрудиша*, но после вспыхивался и подчищал или подправлял, так что *утрудиша* превращалось в *утрудися*. Надо заметить, что он был плохой грамотей и был плохо знаком с московским литературным языком (псковских особенностей немало: *удержаша*, 503 об.). Конечно, язык псковских оригинальных произведений (я имею в виду псковские летописи) в общем не отличался от языка церковнославянских текстов и имел ту же псковскую окраску. Судьбы псковского литературного языка после подчинения Пскова Москве неясны. Мы не знаем ни одной псковской рукописи XVI в., кроме Палеи, и потому не можем судить о литературном языке во Пскове в это столетие. Но позволительно догадываться, что некоторые списки Псковских летописей, относящиеся к XVI в., сделаны во Пскове. Они изредка имеют черты своих оригиналов, т. е. в них попадаетея, например, *ш* вместо *с*: *перши* вместо *перси*, но это редко. По всей вероятности, московский литературный язык и здесь вытес-

нил местный язык тем скорее, что псковский говор вследствие тех или других причин стал исчезать. Как известно, старого псковского говора с *з* вместо *ж*, с *с* вместо *ш*, *я* вместо *е* теперь уже не существует даже в остатках.⁹⁵

Как бы то ни было, мы имеем основание думать, что в XVI в. завершилось объединение Северо-Восточной Руси в области литературного языка, что московский литературный язык вытеснил из употребления местные новгородский и псковский литературные языки и занял их место. Северо-Восточная Русь пришла к сознанию, что она одно литературное целое.

Что же такое был московский литературный язык, сделавшийся языком общим всей Северо-Восточной Руси?

Церковнославянский язык русского извода, т. е. с известным количеством постоянных и случайных русизмов, употреблявшийся в качестве русского литературного языка, первоначально был очень близок к живому русскому языку, и в домонгольский период русский мог без затруднения понимать употреблявшиеся в России церковнославянские тексты как болгарского, так и русского происхождения. Мы должны припомнить, что формы аориста, имперфекта, двойственного числа, обильно рассыпанные в церковнославянском языке, существовали тогда в живом русском языке, что этот последний еще не знал таких звуковых явлений, как аканье, таких новых форм, как форма мн. ч. *богамъ*, *богами*. Таким образом, между литературным языком и живым языком Руси не было бездны.

Начало монгольского периода мало чем отличалось от домонгольского, но к концу XIV в. живой русский язык (великорусские говоры) стал уже значительно разниться от церковнославянского, или — что то же — русского литературного языка. В XV и XVI вв. разница между живым русским и церковнославянским языками еще более увеличилась. К этому времени аорист, имперфект исчезли, двойственное число почти исчезло, многие другие формы церковнославянского языка перестали совпадать с живыми русскими формами и быть понятными. Таким образом, церковнославянский язык перестал быть вполне понятным языком, и человек необразованный, неначитанный стал затрудняться в понимании церковнославянских текстов в той мере, в какой он затрудняется в нем теперь.⁹⁶ Таким образом, церковнославянский язык для того, чтобы его знать и им владеть, стал требовать значительной обра-

зованности и по-тогдашнему — учености, он сделался языком ученых и занял почти то самое положение, в каком находился в средние века во Франции и Италии латинский язык. Между тем средства овладеть им отличались первобытностью. Училища, отсутствовавшие в домонгольскую эпоху, отсутствовали и при монголах, и после монголов, но что важно — значение их, потребность в них стали живо чувствоваться.⁹⁷ Архиепископ новгородский Геннадий в конце XV в. жалуется на невежество учителей-мастеров, учивших грамоте и пению. Он просит митр. Симона завести училища.⁹⁸ Несколько позже, в половине XVI в., Стоглавый собор постановил открыть училища и поручил преподавание в них сведущим священникам, дьяконам и дьякам, чтобы они учили чему умеют, ничего не утаивая. Но мы не имеем сведений, чтобы хотя одно училище, согласно постановлению собора, было открыто в XVI в. Вероятно, постановление осталось без исполнения за неимением средств в руках пачальствующего духовенства. Равным образом грамматики церковнославянского языка по-прежнему не существовало, и желавшему узнать идеальные формы, например, церковнославянских склонений, негде было справиться, какая форма лучше для имен. п. мн. ч.: *ученицы* или *ученики*. Книжные трудолюбцы должны были приобретать познание церковнославянского языка исключительно экспериментальным путем — посредством чтения церковнославянских текстов и запоминания их звуков, форм, слов и оборотов. Это был тяжкий труд, который сверх всего не давал точного знания. Многое зависело от того, каковы были списки в руках трудолюбца: если они были малоисправны, заключали в себе много случайных русизмов, усвоенный им церковнославянский язык также был должен заключать в себе много русизмов.

Но, несмотря на тяжесть труда, мы видим, что многие в Северной Руси XV и XVI вв. прекрасно владеют церковнославянским языком. Оставляя в стороне заезжих — болгарина митр. Киприана, серба Пахомия, грека Максима, укажу на Епифания, автора Жития Стефана Пермского, на митр. Феодосия, на Иосифа Волоцкого,⁹⁹ Нила Сорского,¹⁰⁰ на митр. Даниила,¹⁰¹ на Зиновия Отенского,¹⁰² переводчиков с латинского библейских книг,¹⁰³ на целый ряд известных и неизвестных по именам составителей и переделывателей житий русских святых в XVI в.

Между ними мы находим немало светских людей: боярского сына Тучкова, автора жития Михаила Клопского,¹⁰⁴ известного Курбского, грозного царя¹⁰⁵ и его сына Ивана, составившего Житие св. Антония Сийского.¹⁰⁶ Все эти лица хорошо знают церковнославянскую грамматику и умеют справляться и с аористами, и с двойственным числом, и дательным самостоятельным. Что бросается у них в глаза, это желание быть как можно дальше от живого языка, особенно от народных слов и оборотов. Зиновий Отенский оставил нам следующее любопытное замечание: я думаю, что лукавое умышление христолюбцев или грубых смыслом людей возводит в книжные речи из общих народных речей; по моему мнению, прилично исправлять общенародные речи книжными речами, а не книжные народными обещивать.¹⁰⁷ Таким образом, Зиновий признал лукавым умышлением употребление в литературном языке народного элемента. Курбский также оставил не менее любопытное замечание в том же роде. Он, живя в изгнании, издал «Маргарит» Иоанна Златоуста в своем переводе и в предисловии обратился к читателю с следующей просьбою: если я погрешил в чем, «не памятуя книжных пословиць словенскихъ, лѣпотами украшенныхъ», и ввел «простую пословицу», то пусть читатели с любовью исправят погрешность.¹⁰⁸

Стремление отдалиться от живого языка привело писателей XV—XVI вв. к самому неумеренному риторизму. Писатели домонгольской эпохи митр. Иларион, дьякон Нестор, Кирилл Туровский также не чужды риторике, но их желание быть красноречивыми не вредит ясности и удобопонятности их языка. Они подражают лучшим образцам, наиболее хорошо переведенным церковнославянским текстам. Они сверх того имеют, так сказать, чутье языка, понимают, что изящно, что уродливо. Напротив того, писатели Северо-Восточной Руси как будто желают быть неудобопонятными. Лучшие из них, вроде Елифания, Зиновия Отенского, часто темны, и обилие слов, как бы нагроможденных одно на другое, и неестественность синтаксических оборотов заставляют задуматься, что хотел сказать автор. О более слабых, каковы Максим Грек и Вассиан Косой, нечего и говорить: их произведения вообще не без труда понимаются.¹⁰⁹

Рядом с этими знатоками церковнославянского языка, довольно многочисленными в Северо-Восточной Руси

XVI в., мы видим людей, которые старались писать на этом языке, но не могли вследствие слабого знания этого языка. Это по преимуществу провинциальные писатели, особенно монахи отдаленных монастырей, бравшиеся за перо, чтобы описать подвиги или чудеса по кончине своего угодника. Их труды, где иногда 3-е л. ед. имперфекта употреблено вместо 3-го мн. или даже 1-го ед. аориста вместо 1-го мн.: *мы идохъ*, были в пренебрежении у грамотеев. Те отзывались о них как о писанных неухоженно, неискусно, просторечием, по-мужицки и переделывали, часто к ущербу для содержания, но зато по-церковнославянски. Мы знаем немало таких переделок. Любопытно, что митр. Макарий, составляя свои Четьи-Минеи и стараясь собрать в них всю известную тогда русскую литературу, избегал произведений малограмотных писателей. Обыкновенно мы видим вместо них их переделки, часто сделанные по поручению митрополита.¹¹⁰

§ 7. Деловой язык Северо-Восточной Руси XIII—XVI вв.

Мы до сих пор говорили о языке литературном Северо-Восточной Руси, о языке церковнославянском русского извода, теперь обратимся к русскому деловому языку.

Северо-Восточная Русь вошла в монгольский период с несколькими деловыми языками сообразно с несколькими говорами. Новгородский деловой язык был выразителем живого новгородского говора, московский — московского, псковский — псковского. Впрочем, о последнем мы можем только догадываться, так как подлинных документов до нас не дошло, а Псковская судная грамота, составленная не раньше конца XIV в. (1397—1467), дошла в позднем, XVII в., московском списке, где переписчик, по-видимому, сгладил черты народного языка.¹¹¹

Количество новгородских документов, дошедших до нас, не особенно велико. Между ними можно отметить договорные грамоты с тверскими и московскими князьями, которые начинаются в XIII и оканчиваются в XV в., далее грамоты в немецкие города и, наконец, несколько частных документов (духовная Климента XIII в.).¹¹² Кроме собственно новгородских деловых произведений мы имеем несколько документов конца XIV и самого на-

чала XV в. из одной новгородской колонии — так называемой Двинской земли.¹¹³ Московские документы сохранились в очень значительном количестве: тут и духовные московских князей начиная с Калиты, тут договоры, тут большое количество разных купчих и т. п.¹¹⁴ Кроме собственно московских мы имеем отчасти от XIV, но главным образом от XV в. деловые бумаги разных мест средней Руси, между прочим рязанскую грамоту XIV в.¹¹⁵

Эти документы показывают, что новгородский и московский деловой языки существовали рядом все XIV столетие. Ни одна новгородская грамота XIV в. не заключает в себе никаких следов влияния московского языка. То же можно сказать о новгородских грамотах XV в. Перед нами договор Новгорода с тверским князем Борисом Александровичем второй четверти XV в.; в нем мы находим все типичные особенности новгородского говора, в том числе в массе случаев мену *ц* и *ч*: *челуй*, *челованье*, *новгорочкой*, *отцина*, *похоцеть* и т. п. Очевидно, писец грамоты не старался избегать этой особенности, как в то время избегали более грамотные переписчики церковнославянских текстов. По-видимому, Новгород сохранил свой деловой язык до конца своей вольности, когда явился в него великокняжеский наместник с целым штатом чиновников, с канцеляриею и ввел московские порядки и московский деловой язык.

То же, что с Новгородом, было и с его колониями. Двинские грамоты конца XIV и начала XV в. не знают московского влияния и вполне народны по языку. Главная их особенность — мена *ц* и *ч*. Позднейшие документы времен подчинения Москве уже не обнаруживают этой особенности. Московский деловой язык водворился и тут.

То же, что с Новгородом, было также, конечно, и со Псковом. Но здесь мы лишены документальных данных и можем только предполагать, впрочем с полной вероятностью.

Итак, московский деловой язык к XVI в. вытеснил местные деловые языки и сделался общим для всей Северо-Восточной Руси. Документы XVI в., а их дошло огромное количество разного рода из разных мест Северо-Восточной Руси, — как ни много имеют местных черт, но все-таки имеют московский язык, и яркая окраска их местными говорами вроде мены *ц* и *ч* уже не встречается.

Деловая деятельность прежде, в домонгольский период, была ничтожна. Суд происходил на словах, письменные документы не существовали и не требовались за немногими исключениями, канцелярий с штатами чиновников не было в заводе. Эта деятельность мало-помалу расширялась, в XIV в. она уже была значительною.¹¹⁶ Как сказано, мы имеем документы и московские, и двинские, и новгородские от XIV и начала XV в. В XV и XVI вв. она стала еще шире.¹¹⁷ Документ стал необходимостью, он стал являться чаще и чаще даже в крестьянском быту. Таким образом, употребление русского делового языка увеличилось в объеме, можно сказать, путем естественного развития.

Сверх того, оно постепенно стало увеличиваться на счет литературного церковнославянского языка.¹¹⁸

§ 8. Церковнославянская письменность Западной Руси XIII—XVII вв.¹¹⁹

Юго-западная половина старой Руси издревле делилась на две части — северную, которую мы теперь называем Белою Русью, и южную, которая носит название Малой Руси. Главное отличие этих частей заключалось в языке: северная часть употребляла язык, очень близкий в звуковом отношении к языку Московской Руси, в одних местах (в Смоленске, Полоцке, вероятно Витебске) приближаясь к новгородскому говору и имея мену *ц* и *ч*, в других сходясь с собственно московским говором. Главные особенности старых белорусских говоров всех вообще: 1) мена *в* и *у*, являющаяся уже в старшем из белорусских памятников, в договоре Смоленска с Ригию 1229 г., 2) постоянная твердость *р*, являющаяся в белорусских текстах с XIV в. Напротив того, Южная Русь, кроме, вероятно, Киева и его области, говорила языком, сравнительно резко отличным от языка Московской Руси, языком, главною чертою которого были *ѣ* вместо *е*, перешедший потом отчасти в *і*, и *ѵ* вместо *о*, перешедшее потом отчасти в *у*, отчасти в *і*. К этой черте присоединялись тождество *и* и *ы*, мена *в* и *у*.¹²⁰

Обратимся к северной половине Юго-Западной Руси, к Западной Руси. Главная часть ее входила в древнюю эпоху в состав Полоцкого княжества, которое мало-помалу

раздробилось на большое количество мелких уделов. Летописи нередко сообщают нам о междоусобиях полоцких князей и об участии в этих междоусобиях Литвы. Последняя почти в одно время с нашествием Батая предприняла наступательные действия на своих русских соседей, и скоро литовские князья оказались княжащими в русских городах — в Полоцке, Новгороде литовском, — роднящимися с русскими княжескими родами. При Гедимине почти вся Западная Русь сосредоточилась в руках одного литовского князя, и из больших городов только Смоленск еще оставался в русских руках. При Ольгерде закончилось расширение литовских владений, Юго-Западная Русь, кроме захваченной поляками Галиции, вошла в состав литовско-русского государства. Новое государство состояло главным образом из русских областей, и его единственная важная особенность была князья литовского происхождения. Вследствие превосходства русских над литовцами и в численном и особенно в культурном отношении русский элемент в новом государстве получил решительное преобладание над литовским. Если Ольгерд и Кейстут еще чувствовали себя литвинами, то сыновья Ольгерда, почти все православные, едва ли не были более русскими, чем литвинами. Понятно, русский язык сделался государственным языком, на нем писались документы Кестутия, Ягелла, других сыновей Ольгерда, Витовта. Литовский язык остался вне письменного употребления, и не существует ни одной, хотя бы ничтожной по размерам грамоты, которая была бы написана по-литовски.

Все вело к тому, чтобы литовско-русское государство превратилось совсем в русское, с православными князьями, с православным населением. Но переход Ягелла в католичество, брак его с Ядвигаю, занятие им польского королевского престола и начавшееся через то политическое единение литовско-русского государства с польским помешали полному обрусению Литвы. Литовские великие князья, они же в большинстве случаев и польские короли, будучи католиками по вероисповеданию, хотя часто любили свои русские владения больше, чем польские, все-таки утратили с Русью тесную религиозную и национальную связь. Польша, хотя ее культура в то время была не только не выше, но едва ли не ниже русской (вспомним, что поляки в конце XIV в. не имели почти никакой лите-

рагуры на своем языке и даже документы у них писались по-латыни), при посредстве двора, польских обычаев и порядков, посредством Магдебургского права начала мало-помалу оказывать влияние на русских, особенно на высшее и служилое сословие, на аристократию и дворянство, и скоро польский язык стал здесь хорошо известным и сообщил русскому языку значительное количество полонизмов в звуках, формах, лексике, синтаксических оборотах.

Западная Русь в домонгольскую эпоху не блистала своею образованностью. Мы не знаем ни одной рукописи, которая бы была написана в ее пределах до нашествия татар. Конечно, можно думать, что они были и что они истреблены во времена унии католиками, но свидетельство «Перестроги», что в краковских костелах заперты навеки «великие склепы» славянских книг и что у львовских доминиканцев хранится множество учительных книг славянских, едва ли имеет в виду не произведения православной полемической литературы XVI в.¹²¹ Впрочем, мы имеем одно не лишнее интереса свидетельство, касающееся Смоленска. Этот город стоял, по-видимому, сравнительно высоко. Авраамий Смоленский, рассказывает его житие, был большим любителем книжного чтения; он брал из одного смоленского монастыря жития св. пустынников, Житие Феодосия Печерского, творения Златоуста и Ефрема Сирина и при помощи писцов выписывал лучшие места из прочитанного в особые сборники.¹²² Литературная деятельность также не процветала. Мы имеем от Западной Руси домонгольской эпохи только два произведения: Житие Ефросинии Полоцкой, дочери известного Всеслава Полоцкого и настоятельницы одного из полоцких монастырей, написанное вскоре после ее смерти, вероятно, в Полоцке, весьма недурное в литературном отношении,¹²³ и Житие Авраамия Смоленского, написанное его учеником Ефремом, вероятно, в Смоленске в начале XIII в. Ефрем составил также весьма недурное произведение и выказал порядочное знакомство с разными литературными произведениями Древней Руси, между прочим с Житием Феодосия Печерского.

Время, непосредственно следующее за Батыевым погромом, также в Западной Руси ничем не ознаменовано. Мы можем указать на Псалтырь 1296 г.,¹²⁴ написанную весьма искусно, вероятно в пределах Западной Руси,

да на один-два списка богослужебных текстов XIV в., в которых можно подозревать памятники западнорусского письма. По-видимому, списывание книг здесь было мало распространено; во всяком случае богослужебные книги, употреблявшиеся в Западной Руси и дошедшие до нас, обыкновенно не имеют в себе ничего западнорусского и должны быть признаваемы за привезенные со стороны. Так, Евангелие гр. Толстого (ныне в Публ. библ.) XIII—XIV в. некогда находилось в Полоцке, но нет оснований считать его написанным в Полоцке;¹²⁵ другое евангелие, Погодинское (тоже в Публ. библ.), XIII—XIV в., принадлежавшее в XIV в. одному из полоцких монастырей, по всем признакам новгородского происхождения.¹²⁶ Третье евангелие (в Публ. библ.), XIV в., также бывшее в одном из полоцких монастырей, несомненно новгородского происхождения.¹²⁷ Четвертое евангелие (Румянц. муз., № 108), XIV в., бывшее в начале XVI в. где-то в Белоруссии, вероятно, московского письма.¹²⁸ То же можно сказать относительно так называемого Мстижского евангелия, тоже XIV в., принадлежавшего одному монастырю под Минском.¹²⁹

Если не было распространено списывание книг, то, конечно, не могла здесь процветать литературная деятельность. Мы можем указать только на Сказание о Меркурии Смоленском, дошедшее в поздних списках, вероятно смоленское по происхождению,¹³⁰ на житие трех виленских мучеников, пострадавших при Ольгерде,¹³¹ да на так называемые литовские летописи. Последние, возникшие в конце XIV в., представляют собой летописные сборники, которые имеют в виду все литовско-русское государство. В состав их вошли, между прочим, Галицко-Волынская летопись, дошедшая до нас также в Ипатском списке, киевские летописные заметки XIV—XV вв., Смоленская летопись XIV—XV вв. и др. Литовские летописи, у нас мало известные, дошли в очень ограниченном количестве списков, между прочим, в одном списке 1495 г., написанном каким-то Аврамкою в Смоленске. К сожалению, этот список еще не издан, хотя давно находится в руках здешней Археографической комиссии.¹³² Собственно литовская часть этих летописей, написанная едва ли не в Вильне во второй половине XIV и начале XV в., мало чем отличается от других русских летописей. Язык ее плохой церковнославянский, т. е. в значительной степени сме-

шанный с русским, кое-где, если судить по списку XV в. (Уваровскому), с неправильными формами аориста: *пойдетъ, приведетъ, выидеть, стретить* (вместо *поиде* и т. д.). Но что замечательно в этой летописи, это почти полное отсутствие полонизмов. Мы можем отметить только слово *кмотръ* (кум), как будто польское, но быть может, оно чистое русское.¹³³

Вообще Западная Русь в конце XIII и в XIV в. во всем, что касается литературного языка, держалась традиции и не представляла почти никаких особенностей в сравнении с Русью Московской.

Этого нельзя сказать о XV и первой половине XVI в. В это время начал совершаться переворот, приближение литературного языка отчасти к языку живому западно-русскому, отчасти к языку польскому.

Списки с церковнославянских текстов, сделанные в XV и первой половине XVI в. в каком-либо месте Западной Руси и дошедшие до нас, отличаются крайнею малочисленностью. Мы можем назвать Пролог 1406 г.,¹³⁴ Минею 1487 г.,¹³⁵ Четью, или Сборник житий 1489 г.,¹³⁶ Пролог 1512 г.,¹³⁷ Моисеево пятикнижие 1514 г.,¹³⁸ Евангелие 1539 г. (Слудское),¹³⁹ другие списки не имеют дат. Из последних замечательны: 1) Радзивилловский список летописей второй половины XV в. (Начальная, Киевская, часть Суздальской летописи), хранящийся в Библиотеке Академии наук;¹⁴⁰ 2) список древнего перевода византийского Хронографа Иоанна Малалы с дополнениями и с прибавлением «Александрии» и сокращенной русской летописи, так называемого Летописца переяславского, относящийся к концу XV или началу XVI в. (Архив МИД),¹⁴¹ и 3) сборник XV—XVI в. довольно разнообразного содержания, заключающий в себе, между прочим, сокращение некоторых частей Начальной летописи и повесть о Дракуле.¹⁴²

Малочисленность списков объясняется положением православной церкви в литовско-русском государстве. Великие князья литовские в качестве католиков не обращали внимания на дела православной церкви и ограничивались назначением духовных лиц. При этом они не принимали в соображение ни степени образованности, ни нравственных достоинств будущих митрополитов, епископов, игуменов, а руководились их личными заслугами и услугами, ходатайством знатных вельмож, а всего чаще

денежными подарками. Это началось еще в XIV в., и мы имеем довольно интересный документ — обязательство луцкого еп. Ивана уплатить Ягеллу 200 гривен и 30 копеек за поставление его митрополитом (1398 г.).¹⁴³ Таким образом, епископии и настоятельства в богатых монастырях рассматривались как доходные статьи и отдавались тем дворянам, которые желали иметь пожизненный доход. Отсюда ряд безобразий: мы видим епископов и игуменов совершенно невежественных, нимало не религиозных, живущих с женами и приживающих детей или ведущих безнравственную жизнь. Низшее духовенство, находясь в зависимости, с одной стороны, от пастырей, смотревших на церковь как на источник дохода, с другой стороны, от помещиков или горожан, не чувствовало потребности в каком бы то ни было образовании и в огромном большинстве случаев не шло далее кое-какого умения читать и писать. Само собою разумеется, школы не существовали. Светские люди, более или менее независимые, если хотели иметь образование, искали его в латинском языке и средневековой западной литературе и доходили до Краковского университета. Мы видим русских студентов в Краковском университете в XV—XVI вв., мы знаем даже одного русского профессора в Кракове, магистра Павла с Кросна (Paulus Ruthenus z Krosna), преподававшего там пиитику и писавшего латинские стихи.¹⁴⁴ Но Краковский университет принимал студентов только католического исповедания, и православные русские, чтобы попасть в него, должны были или объявить себя католиками, или перейти в католичество. Большая часть, конечно, делала последнее, превращалась в поляков и пропадала для Руси.

Взглянем на язык этих списков. Большая их часть не отличается по языку ничем от московских книг того же времени, кроме изредка мены *в* и *у* и других мелких особенностей. Но Четья 1489 г. имеет нечто замечательное. Она состоит главным образом из житий и слов, т. е. таких текстов, которые могут быть изменяемы переписчиками с особою свободою. Переписчик четьи, попович Березка из Новгорода литовского, как будто употребил все усилия, чтобы сблизить язык церковнославянских текстов с местным западнорусским. Отсюда огромное количество местных форм, слов, синтаксических оборотов. Тут мы находим очень часто *о* вместо *е* после шипящих, даже

в неударяемых слогах: *чому, видячо, слышавшо*; формы 1-го л. мн. ч. на *-мо*: *есмо, подьмо, празнуимо, будьмо*; слова вроде *багатырьский, гольтай* (голяк), *дбати*. Между ними мы видим некоторое число полонизмов из числа тех, которые успели войти в живой русский язык, вроде *моць, мощно, обещати, полещати*. Церковнославянская грамматика была известна Березке мало, и он, например, форму 3-го л. ед. ч. имперфекта употребил в значении мн. ч.: *родители мои честваше (=яху), родители мои постяшесе* (62, 62 об.).

Малочисленность церковнославянских текстов западнорусского происхождения также позволяет нам предположить, что знание церковнославянского языка в Западной Руси XV и первой половины XVI в. было далеко от процветания. Западнорусские литературные труды этого времени вполне подтверждают наше предположение.

Мы остановимся на главных из них — на Библии Скорины, на Сборнике Залусского XV—XVI в. и на Сборнике познанском.

Перед нами так называемая Библия Скорины, отпечатанная в Праге и Вильне в 1517—1525 гг. Из книг этой Библии две — Псалтырь и Апостол — не что иное, как обычные церковнославянские, подправленные кое-где по чешскому тексту. Остальные книги — почти весь Ветхий завет — представляют перевод с чешского, кое-где с вставкою отрывков церковнославянских текстов (из паримейников), исправленных по чешскому оригиналу. Франциск Скорина, несмотря на свое католическое имя, по-видимому, был православный и родился в Полоцке. Трудно сказать решительно, где он учился, но есть данные, позволяющие думать, что он окончил курс в Краковском университете и получил степень доктора медицины в Падуанском университете. Литературное и религиозное движение у чехов, с которым ему пришлось познакомиться в Праге, и развитие там книгопечатного дела навели Скорину на мысль просветить своих соотечественников и дать им книги св. Писания, отчасти редкие у них, отчасти совсем неизвестные у них в рукописных списках. Хотя новейший исследователь труда Скорины П. В. Владимиров видит в них попытку перевода св. Писания на народный язык, но не подлежит сомнению, что Скорина не имел в виду, так сказать, вульгаризации священных книг и не желал переводить их на народный язык. Напротив,

он оставлял церковнославянский текст церковнославянских отрывков, вставленных им в свой перевод, почти без изменений, да и сам старался переводить с чешского не на русский язык, а на церковнославянский, т. е. на тот язык, который был в богослужебных книгах Западной Руси его времени. Отсюда у него частое употребление форм аориста и имперфекта, в его время уже не существовавших в живом русском языке, форм причастий настоящего времени на *-щий* (вместо русских на *-чий*), изъявительного наклонения 2-го л. ед. на *-ши* (вместо *-шь*), род. ед. ж. р. на *-я* (вместо *ѣ* или *и*). Отсюда у него такие фонетические черты, как отсутствие *j*: *сеатва*, *розсеаль*, *отъ неа же* (Быт. 19 об., 23, 41) и т. п. Многие церковнославянские формы образованы им совершенно правильно, но рядом с ними большое количество таких, которые обличают его слабость в церковнославянском языке. Он, например, никак не может справиться с формами 3-го л. аориста и имперфекта и смешивает одни с другими. Он пишет: *уменьшился вода*, Быт. 19 об. (= *уменьшился*), *поклонихуся*, Быт. 68, *взяху*, 84, *отвратихуся*, 65 об. (вместо *-ша*), *очи болезниве бяше*, Быт. 53 (вместо *-ху*), *имеаша* (вместо *-ху*). Или у него множественное число стоит вместо двойственного: *руку нашихъ*, Быт. 15 об., *отъ руку чловѣчиихъ*, 20, *очию своихъ*, 56 об. Или встречаются какие-то невозможные формы: *пояхъ ю былъ собѣ за жону*, Быт. 25 (вместо *поялъ былъ*, давнопрошедшее), *чародеаниеи*, *волхованиеи* (род. мн.). Русский элемент у Скорины весьма силен и в звуках, и в формах, и в лексике, и, наконец, в синтаксисе. Мена *в* и *у* в Библии — постоянное явление, твердое *р* вместо мягкого — тоже, формы род. ед. ж. р. на *-е* — тоже: *пище*, *темнице* и т. п. Слова вроде *ворожбитъ*, *своробъ*, *калека*, *корогодъ* (хоровод), *тафта*, *бумага* — на всякой странице. Кроме русского элемента мы находим в Библии элементы польский и чешский. Первый вошел в Библию потому, что живой западнорусский язык во время Скорины был уже богат полонизмами. Понятно, полонизмы у Скорины обыкновенно являются без всякой надобности. Тут мы находим обычные полонизмы как в своем польском виде, вроде *моць*, *обецати*, *цалый*, *длугый*, *члопокъ*, *покармъ*, так и переделанные в русском духе *восполокъ* = *wespołek*, *тресла* = *trzesła* (чресла). Тут мы находим сравнительно редкие полонизмы — формы вроде *внег-*

дахъ кричала, Быт. 72, 1-е л. прошедшего сложного; *поставилсь*, 2-е л. прошедшего сложного. Чешский элемент, конечно, не существовал в живом русском языке, и Скорина его внес из своего чешского оригинала. Впрочем, чехизмы настолько близки к полонизмам, что часто их нельзя друг от друга отличить. Можно отметить: *зерцадло* — рус. *зерцало*, пол. *zwiercadło*, чеш. *zrcadlo*; *рысь* — рус. *рысь*, пол. *guś*, чеш. *gus*, -а; *лось* — рус. *лось*, пол. *łoś*, чеш. *lós*, -а; *святица* — чеш. *světice*; *врабець* — рус. *воробей*, пол. *wróbel*, чеш. *vrabec*; *brabec*; *ходиваль*, *седаваль* — *chodívati*, *sedávati*. Кажется, чешский элемент особенно силен в синтаксисе, что естественно: Скорина перелагал библейский текст с чешского слово за словом, где можно, держась оригинала.

Таким образом, язык Скорининской библии, который он желал сделать похожим на церковнославянский, представлял пеструю смесь четырех языков — церковнославянского, русского, польского и чешского с преобладанием русского элемента.¹⁴⁵

Обратимся к другому белорусскому памятнику. Сборник Залусского, относящийся или к концу XV, или началу XVI в., состоит из трех повестей. Это 1) повесть о страстях господних, или переделанное Никодимово евангелие, 2) повесть о трех царях-волхвах, поклонившихся новорожденному Христу, и 3) повесть или житие Алексея божия человека, та самая, которая находится в *Legenda Aurea* Якова де Ворagine.¹⁴⁶ Все эти повести несомненно переведены с польского. Язык их замечателен почти полным отсутствием церковнославянского элемента даже там, где он, по-видимому, должен бы был непременно присутствовать. Переводчик пишет не только *Исусъ*, но и *Езусъ*, не только *Июда*, но и *Июдашъ* (по-польски). Обычные церковнославянские и русские *Вифлеемъ* у него заменяются через *Бетлеемъ*, *Елена* — через *Гелена*, *Израиль* — через *Израгель*, *Иосиф* — через *Иосепъ*, *епископъ* через *бискуп*, *священникъ* или *церей* через *каланъ*, *дьяволъ* через *дьяболъ*, *ангелъ* через *аньелъ*, *крестъ* через *крижъ*. Лишь очень редко мы встречаем: *до Бетании* альбо *до Вифани*, *архиепискупы*, *будущимъ*. Язык повестей — западнорусский с большим количеством местных фонетических черт вроде *в* вместо *у* и местных форм и слов вроде *есми* (1-е л. ед.), *боранокъ*, *матужна*, *бояре*, без аористов, имперфектов, вообще без архаизмов. Но ко-

личество полонизмов огромно. Одни из них являются в чистом виде: *моць, вездь, ганебне, ку сыну, опать, каплица, енже*; другие подправлены в русском духе: *преклятыи*=*przekłęty*, *дятко*=*dziatko*. Большая часть их относится к области лексики, но встречаются и польские формы: *ине божье слуги, службы болванске*. Можно думать, что перевод сделан каким-нибудь русским католиком, но едва ли не вернее видеть в переводчике православного, интересовавшегося церковными легендами, почти не знавшего церковнославянского языка и обратившегося к польской литературе.

Обратимся к третьему западнорусскому памятнику. Познанский сборник дошел до нас в списке конца XVI в., следовательно, относится к тому же времени, что и сборник Залусского. Он заключает в себе литовскую летопись и три повести: 1) о Бове, 2) о Тристане и Изольде и 3) об Аттиле короле Угорском. Из них две первые, по новейшим исследованиям Веселовского, были переведены с латинского или итальянского где-то в Сербии на народный сербский язык, с него в Польше на польский; в Познанской рукописи они являются переведенными с польского. Третья повесть переведена с польского оригинала.¹⁴⁷ Язык двух первых, за исключением нескольких сербизмов вроде *градъ, злато, глава, юнакъ* (молодец), *белегъ* (знак), *неякъ* (слабый), *отокъ* (остров), ничего сербского в себе не заключает. Равным образом в нем нет ничего церковнославянского, и мы имеем дело с чистым русским языком в том виде, как его употребляли в конце XV в. Аористы и имперфекты в нем совершенно отсутствуют; фонетическая окраска его отличается полнотою: тут мена *в* и *у*, твердое *р* (герой называется *Трыштанъ*), *о* вместо *е*, шипящие с *ы*, что делает Познанский сборник весьма важным для истории белорусского наречия. Формальный состав также довольно ярок, но здесь мы не всегда можем отличить русскую форму от польской, так как полонизмы весьма многочисленны. Между ними встречаются такие, как *естэмъ* (я есмь), *если-с рыцарь* (-сь=-ś). Словарный материал, кроме указанных сербизмов, — пестрая смесь русского элемента с польским, впрочем, первый значительно преобладает. Тут мы находим слова не только вроде *палаць* (дворец), *турнай* (турнир), *аръфа*, но и такие, вместо которых можно бы было без всяких затруднений употребить русские: *цудне* (чудно), *слонце, ку той*

ране (=к), *але* (но), *пасати* (поясати). Очевидно, переводчик повестей владел и русским, и польским языком и с трудом определял границу, где начинается один и где кончается другой. Третья повесть, об Аттиле, переведенная с польского, почти не заслуживает названия перевода. Это просто переписанный русским алфавитом польский текст с небольшими фонетическими и другими изменениями, т. е. с заменю польских носовых русскими *у* и *а*, польского *рж* русским *р* и т. п. Такой перевод годился только для тех, которые знали по-польски, но не умели читать латиницы; он мог быть понятен только тогда, когда читатели могли понимать польский оригинал.

Приближение русского литературного языка в Западной Руси к польскому не предвещало ничего доброго. Русский литературный язык, для понимания которого нужно было знать по-польски, был излишним и мог быть свободно заменен польским литературным языком. Так и случилось.

Вторая половина XVI в. ознаменовалась для Западной Руси целым рядом событий. Прежде всего отметим Люблинскую унию, сделавшую из Западной Руси часть польского государства, и Брестскую унию, устроившую соединение православия с католицизмом. Но эти унии важны не сами по себе, а в связи с другими обстоятельствами. XVI век был одним из лучших веков существования Польши. В XVI в. польская культура быстро повысилась, стала значительно выше русской, обязательно для русских. Польская литература расцвела, вошла в свой золотой век и дала ряд замечательных писателей и литературных произведений. Западнорусская аристократия и шляхта, и прежде нуждавшаяся в польском языке, теперь стала употреблять его постоянно и предпочитать его своему родному. Она оставила бедную русскую литературу и стала читать польские книги. Сверх того, XVI век был веком религиозного брожения и религиозной борьбы, Западная Русь во второй половине этого столетия сделалась главною ареною этой борьбы. Здесь столкнулись православие, католичество и разные протестантские секты. Первое время протестанты имели перевес; знатные русские семейства одно за другим оставляли православие; православные и католические храмы переходили в руки протестантов. Но скоро встрепенулись православные и особенно католики. Последние призвали к себе иезуитов,

и этот орден быстро укрепился в Вильне и начал свою пропаганду как среди протестантов, так и среди православных. И те и другие стали терять одного за другим своих членов. Протестантство было быстро сломлено иезуитами, так как было распространено исключительно среди высшего сословия, не отличающегося консерватизмом. Но православие держалось крепко, будучи распространено среди консервативного мещанства и крестьянства и имея себе опору в братствах и монастырях. Тогда иезуиты прибегли к знаменитой унии, которая имела большой успех в Западной Руси и от которой в конце концов избегли лишь немногие. Екатерина II, присоединив Западную Русь к русской империи, нашла в ней ничтожное число православных, и потребовались многие годы, чтобы устроилось дело воссоединения.

Протестантство не имело и не могло иметь большого значения в истории русского литературного языка. Оно явилось в Западную Русь без всякой национальной окраски и выказало здесь уважение и к русскому, и к церковнославянскому языку. Католичество, напротив, несло знамя колонизации и относилось враждебно и к русскому, и — особенно — к церковнославянскому языку, с которым связывалось представление о православии. Конец XVI и начало XVII в. богаты католическими сочинениями, имеющими в виду русских читателей, но ни одно из них не написано по-русски. Детище католичества — уния — шло за католичеством и, хотя употребляло в богослужении церковнославянский язык, постоянно избегало употребления в литературе не только церковнославянского, но даже русского языка. Результаты успехов католичества и унии понятны. Но обратимся к фактам.

Мы не будем останавливаться на списках богослужебных книг западнорусского происхождения, относящихся ко второй половине XVI и началу XVII в. Книгопечатание к этому времени сделало такие успехи, что рукописи стали излишни. Мы не знаем, кто именно возобновил после Скорины издание книг, но во всяком случае не московские печатники Иван Федоров и Петр Тимофеев. Как известно, они должны были бежать из Москвы вследствие недовольства их печатными текстами, но они бежали не с пустыми руками. Они принесли с собою в Литву и шрифты, и снаряды, и московские списки, — словом, все,

что нужно было для типографической деятельности. Люди по-своему образованные, между прочим, хорошо знавшие, по-московски, церковнославянский язык, они были находкою для ревнителей православия в Западной Руси. Поэтому они скоро нашли себе покровителей. Федоров и Тимофеев начали с Учительного евангелия, сборника проповедей, толкующих евангельские тексты, и отпечатали его в именье гетмана Ходкевича Заблудове в 1569 г. Затем Федоров один отпечатал Псалтырь с часословом там же в 1570 г., а Петр Тимофеев, также один, вошел в компанию с виленскими мещанами Мамоничами и выпустил Четвероевангелие и Псалтырь в Вильне в 1575 и 1576 гг. Далее мы видим в роли типографов-издателей мещан Мамоничей.¹⁴⁸ Они стали печатать одну богослужебную книгу за другой, весьма часто перепечатывая московские издания (например, Апостол) и вообще давая церковнославянскому языку книг и в фонетике, и в правописании московскую окраску. Виленские издания тянутся очень долго, они заходят за половину XVII в.

Обратимся к литературным произведениям Западной Руси за вторую половину XVI и начало XVII в.

Перед нами Супрасльский сборник 1580 г. (Публ. библ.), написанный в Супрасльском м-ре и состоящий из статей полемического содержания против протестантов и евреев.¹⁴⁹ Нельзя сомневаться в том, что автор этих статей был православный монах, всего скорее монах Супрасльского м-ря, который в то время был богат и славился ученостью братии. Автор их был довольно начитанный человек, сведущий в св. Писании, которое он читал иногда в польском переводе (ссылка на Апокалипсис польский, с. 2). Он старался писать по-церковнославянски, почему мы у него находим формы аориста и имперфекта, причастия на *-щий*, 2-е л. ед. на *-ши*, род. ж. р. на *-я*, массу слов вроде *егда*, *глаголю*, *аще*, *паки*, *злато*, *градъ*, *древо*, *помощь*. Но он плохо владел церковнославянским языком. Мы видим у него большое количество местных русских звуковых особенностей вроде мены *в* и *у*, постоянно твердого *р* и местные слова: *дорога*, *шапка*, *шелкъ*, *кождый* (каждый), *памятка*. А сверх того мы встречаем довольно значительное количество полонизмов, язык статей как бы пересыпан ими: *речь* (вещь), *посвяцонъ*, *обрацаю*, *пильно*, *частокротъ* (*częstokroć*), *презъ*, *инший*, *напродъ* (*naprzód*), *фигура*, *парсуна*.

Обращаюсь к другому западнорусскому памятнику — это лютеранский катихизис, отпечатанный в 1562 г. в Несвиже.¹⁵⁰ Прежде всего остановлюсь на предисловии. Издатели называют язык своего труда «славным, издавна широко распространенным словенским языком» и рекомендуют любить этот язык и им пользоваться. Церковно-славянский элемент в изложении издателей незначителен, но цитаты из св. Писания почти постоянно приводятся в обычном церковнославянском тексте. Символ веры приведен также на церковнославянском языке, терминология также церковнославянская: *Исусъ, риза, пастыръ, царь*. Сверх того встречаются причастия на *-щий* (редко). Язык может быть назван западнорусским, довольно ярко окрашенным. Тут мы встречаем мену *в* и *у*, постоянно твердое *р*, местные слова вроде *ворожбитъ, корогодъ, калѣка, костыръ, теперечи, бусурманъ* (но нет ни следов аканья, ни *дз* и *ц*). Но среди западнорусских слов и форм мы находим массу полонизмов: *уфати, похлебца* (льстеп), *пожарти, шпегъ* (лазутчик), *читамы* (1-е л. мн.).

Третий памятник гораздо замечательнее. Издатели катихизиса имели в виду вельмож и шляхту русского происхождения и потому не стеснялись употреблять полонизмы, вполне понятные для людей, знакомых с польским языком. Василий Тяпинский выступил с переводом Евангелия на простой западнорусский язык (с разными чертами живого говора, но без аканья и *дз* и *ц*), имея в виду людей простых. Его издание, неоконченное и неизвестно где отпечатанное, вышло в свет или в конце 60-х или в начале 70-х годов XVI столетия.¹⁵¹ Оно состоит из церковнославянского обычного текста Евангелия и из параллельно с ним оттиснутого западнорусского перевода. Последний в высокой степени замечателен. Церковно-славянский элемент в нем вполне отсутствует. Как скоро слово церковнославянского текста редко или вовсе отсутствует в живом употреблении народной речи, переводчик его заменяет соответствующим народным словом. Так, слово *господь* везде заменено через *панъ; церей, священникъ* — через *оферовникъ; слово* — через *мова; царство, царь* — через *королевство, король; сокровище* — через *клад; бисер* — через *перло; отечество* — через *отчизна; сквернити* — через *поганити; усѣкнути* — через *отяти*. Само собою разумеется, слов без полногласия вроде *град, злато* нет, слов с *ц, жд* (вместо *ч, ж*) — также.

Все причастия настоящего времени оканчиваются на *-чий*. Полонизмы нередки, но их число все-таки сравнительно невелико. Мы видим только те польские слова и формы, которые успели в то время проникнуть даже в народную речь: *моцный, моць, вутпнѣти* (сомневаться), *брама* (храм или лице), *ботъ* (сапог), *естомъ* (я есмь = *jestem*), *хотеломъ* (= *chciałem*), *вошолось* (= *wszedłeś*), *естосмы* (= *jestesmy*).

Четвертый памятник также не лишен интереса. Это Учительное евангелие, или сборник проповедей на евангельские тексты, переведенное «с греческого и славянского на русский язык» и напечатанное в Вильне в 1616 г.¹⁵² Оно имеет в виду также «простейших» русских людей, не умеющих славянского языка. Вообще переводчики оправдывают его появление «незнаемостью» и «неумѣтностью» славянского языка. Язык этого произведения — довольно хороший русский, но далеко не такой, как язык Евангелия Тяпинского. Церковнославянский и польский элементы в нем сравнительно сильны.

Мы не будем останавливаться на других произведениях западнорусской литературы XVI и начала XVII в. Можно упомянуть о переводе «Песни песней» с чешского на русский язык с примесью церковнославянского элемента, дошедшем до нас только в одном списке XVII в.¹⁵³ Большая часть западнорусских произведений этого времени только потому может быть названа западнорусскими, что они увидели свет в Вильне. Православные авторы их Стефан Зизаний («Слово Кирилла Иерусалимского об антихристе 1596 г.»), Лаврентий Зизаний («Грамматика словенска» 1596 г.), Леонтий Карпович, Мелетий Смотрицкий были уроженцами Южной Руси и воспитанниками южнорусских училищ, поэтому об языке их мы будем говорить, когда перейдем к Южной Руси.

Из униатов писал по-русски почти один Ипатий Потей, бывший прежде чем сделаться епископом писарем и судьей и потому привыкший к употреблению русского языка. Его сочинения «Уния альбо выклад», 1595 г., и «Посельство до папежа Сикста IV», 1605 г., написаны на западнорусском языке с значительной примесью польского элемента, на том языке, на котором писались западнорусские деловые бумаги.¹⁵⁴ После нескольких сочинений на русском языке и православные, и униаты, не говоря о католиках, перестали употреблять русский язык.

Таким образом, русский литературный язык в Западной Руси во второй четверти XVII столетия прекратил свое существование. Он уступил свое место польскому языку. Этот язык является впервые в русских сочинениях в конце XVI в. На нем написано и издано одно из первых по времени и важности православных сочинений против католичества и унии «Апокрисис» Христофора Филалета (Вильна, 1597),¹⁵⁵ на нем изданы главные труды Мелетия Смотрицкого — «Фриносъ» (Вильна, 1610), на нем напечатано большое количество униатских и католических сочинений против православия, тянувшихся с конца XVI в. через весь XVII век. Русский язык как язык литературы надолго умолк в Западной Руси.

§ 9. Деловой язык Западной Руси XIII—XVII вв.

Подобно тому как в Северо-Восточной Руси литературный язык был отличен от делового, так и в Западной Руси между этими языками была некоторая разница. Иногда западнорусский литературный язык значительно отличался от делового (между прочим, в Библии Скорины, в Евангелии Тяпинского), иногда они почти или совсем совпадали (в Лютеранском катихизисе, в сочинениях Потея).

Западнорусский деловой язык первоначально был чистым русским языком с местною окраскою. Он является перед нами таким в нескольких смоленских документах второй половины XIII в., двух полоцких второй половины XIII в. и одном полоцком самого начала XIV в.¹⁵⁶ Последние относятся ко времени литовского владычества, и один из них выдан Герденем, полоцким князем литовского происхождения. Он отличается от других русских документов этого времени своею начальною формулою: «Князь Гердень кланяется всеь темь, кто видить сую грамоту, тие люди, што ныне живи суть, а темь, кто напосле приидуть, тѣмь вѣдомо буди, какъ мирь есмь створили. . .».¹⁵⁷

Документы литовско-русского государства первоначально также по языку чисто русские. Такова грамота Кестутия и Любарта в Торн, относящаяся к 40-м годам XIV в.¹⁵⁸ Таков договор Евнутия, Кестутия, Любарта и других литовских князей с польским королем Казими-

ром 1350 г.¹⁵⁹ Мы находим в них, особенно в последнем, разные черты местного говора, всего чаще мену *в* и *у*. То же должно сказать о большей части грамот Витовта. По-видимому, его канцелярия употребляла тот русский язык, который употреблялся русскими, поселившимися в Вильне, и который принадлежал не Смоленску, не Псолоцку, не Витебску, а центру нынешней Белоруссии. Непродолжительное управление Ягелла вместе и Литвою, и Польшею и соединение при нем канцелярии литовско-русской с польско-латинскою имело своим результатом введение в западнорусские документы тех формул, которые уже употреблялись в польской канцелярии для русской Галиции. Витовт наследовал эти формулы, и мы их видим почти постоянно в его грамотах: «Мы великий князь Витовтъ чинимъ знаемо [или: знаменито] симъ нашимъ листомъ, кто коли его узритъ или услышитъ чтути». Но полонизмы в грамотах Витовта, дошедших до нас в подлинниках, еще редки и ограничиваются терминологией: *копа*, *грошь*.¹⁶⁰ Но другие документы Витовта уже богаты полонизмами, особенно много их в жалованной грамоте Витовта евреям (жидовѣ) 1388 г., дошедшей, впрочем, до нас в позднем списке. В ней мы находим слова: *нагабати*, *жадный* (ни один), *волати* (кричать), *моць*, *иниий*, *ижъ* (что), а также германизмы и латинизмы: *кзвалтъ*, *фунтъ*, *мынцарь* (münzer), *фальшивый*, *парсуна*, *школа*.¹⁶¹ Документы следующих за Витовтом великих князей литовских окончательно установили деловой язык в Западной Руси.¹⁶²

Он может быть назван с полным основанием русским. В нем много местных фонетических, формальных, лексических явлений. Тут частая мена *в* и *у*, *о* вместо *е*, твердое *р*, формы вроде *есмо*. Церковнославянский язык в нем вполне отсутствует за немногими исключениями. Полонизмы в нем в обилии, особенно часто в словаре, реже в морфологии и фонетике. Тут и чистые полонизмы, тут и переделанные вроде *соймъ* (sejm), *продокъ* (przodek), *водлугъ* (według), *восполокъ* (wespolek), *естомъ* (jestom). Вообще число полонизмов с течением времени как будто вырастает. После, во второй половине XV в. и в следующих столетиях, деловой западнорусский язык как бы окаменеет в своих звуках, формах и лексике. Мы видим повторение одних и тех же формул, одних и тех же выражений, в которых новые фонетические явления белорус-

ских говоров не находят себе отражения. Мы не знаем в них ни *аканья*, ни *dz* и *ц* вместо *д* и *т*. Только в мелких городах местные писари (секретари при судьях) и их подчиненные время от времени случайно вносят особенности местных говоров.

Несомненно, этот язык был понятен для более или менее образованного класса: для шляхты, для той части мещанства, которая исправляла разные должности городской службы. Но крестьяне и большая часть городского населения, вероятно, его плохо понимали. Полонизмы, а вместе с ними германизмы и латинизмы, вероятно, им были непонятны, формулы также представляли затруднения для понимания. Таким образом, деловой западнорусский язык был языком, понятным только для части русского населения Литвы.

Шляхта, богатое мещанство крепко держались за этот русский язык, и Литовский статут предписывает в официальных бумагах употреблять только его и притом в русском письме — русскими литерами.¹⁶³ Таким образом, польский язык и письмо были воспрещены для официального употребления. Это продолжалось до XVII в., когда польский язык вторгся в деловую письменность и мало-помалу достиг исключительного официального употребления.

Я уже указывал на начальную формулу в грамоте кн. Герденя XIII в. Эта и другие ей подобные составляют почти необходимую принадлежность грамот Витовта и его преемников, вообще грамот, вышедших из великокняжеской и других канцелярий. Вот, например, формула одной грамоты Витовта: «Мы великий князь Витовть чинимъ знаемо симъ нашим листомъ, кто коли его узреть или услышитъ чтучи».¹⁶⁴ Они западного происхождения. Их мы находим у немцев, они являются на латинском языке у поляков, на латинском и чешском у чехов. Их мы видим в древнейших документах польских королей, написанных по-русски, и у русских должностных лиц Галиции. Западноевропейское происхождение формул западнорусских документов замечательно, но еще замечательнее тот факт, что слова этих формул те самые, которые мы встречаем в чешских документах, как будто Западная Русь воспользовалась чешскими деловыми образцами.

Западнорусский деловой язык дошел до нас в огромном количестве документов. Это 1) отдельные грамоты,

сохранившиеся в подлинниках или списках, 2) литовская метрика, книги великокняжеской канцелярии, в которые вписывались все выходившие из канцелярии документы, и 3) акты книги, находившиеся при всяком суде, куда вписывались все поступавшие в суд и выходившие из суда бумаги. Кроме того, мы имеем массу так называемых ревизий (описей) и т. п.¹⁶⁵

Сделаем вывод. Литературный западнорусский язык в XV и XVI вв., можно сказать, не установился вполне. Мы то видим в нем церковнославянский элемент, то не видим, то замечаем огромное количество полонизмов, то сравнительно умеренное; он то далек от живого народного языка, то (в Евангелии Тяпинского) близко подходит. Вообще, он представляет много сходства с деловым языком, а в некоторых произведениях, особенно в самых поздних (в «Унии», в «Посельстве до папы Сикста» Потей), доходит до тождества с этим последним. Постепенные успехи полонизации в грамотном западнорусском обществе послужили причиною введения польского элемента в русский литературный язык. Окончательная полонизация этого общества привела к гибели русского литературного языка и к употреблению вместо него польского (только в богослужебных книгах у униатов и у остатка православных сохранился церковнославянский язык).

Деловой западнорусский язык имел ту же судьбу. И он был связан с судьбою грамотной части общества и потому сначала принял в себя польский элемент, потом утратил живость русского языка и наконец уступил место польскому языку.¹⁶⁶

§ 10. Южная Русь в XII—XV вв.¹⁶⁷

Теперь на очереди Южная Русь. Мы уже говорили о Киеве домонгольской эпохи и времени, последовавшего тотчас за монгольским погромом. Оставленный севернорусскими князьями, он попал в руки литовских князей. Мы видим в нем во второй половине XIV в. одного из сыновей Ольгерда — Владимира Ольгердовича, православного и, по-видимому, совсем обрусевшего князя. Он известен своими заботами о благосостоянии православной церкви и поддержкою прогнанного из Москвы

митр. Киприана. Его тридцатилетнее правление кончилось тем, что Витовт за недостаток покорности вывел его из Киева и посадил на его место его брата Скиргайла. Владимир попробовал съездить в Москву, поискать там помощи у Василия Дмитриевича, но не мог ничего получить и должен был смириться. Скиргайло был тоже православным и совсем обрусевшим князем, и литовская летопись называет его «чудным и добрым».¹⁶⁸ После него некоторое время мы не видим в Киеве особого князя, но он находится под управлением Свидригайла, младшего из Ольгердовичей, тоже православного и обрусевшего, жившего главным образом в Луцке. В 1440 г. Киев поступает в удел Александру Владимировичу, сыну прогнанного Витовтом Владимира, зятю московского князя Василия Дмитриевича. Он известен своими симпатиями к Москве, и, между прочим, московский митрополит Иона ему был обязан своею властью над Киевом и вообще литовско-русскими епархиями. Александр Владимирович умер в 1445 г., и с его смертью Киев лишился князей и поступил в управление литовского великокняжеского воеводы или наместника.

Несомненно, за то время, когда в Киеве были свои князья, он значительно оправился. Невзгоды, вроде разгрома Эдигея в 1416 г., конечно, не способствовали его развитию, но и не повели к его окончательному падению. Печерский м-рь продолжал свое существование, хотя и без особого блеска. Эдигей его осадил и сжег, но сын Александра Владимировича Симеон восстановил его здания и обновил главную Успенскую церковь, «украсил ее иконным писанием и обогатив золотом, серебром и сосуды церковными».¹⁶⁹ Рядом с ним стал расти новый Николо-Пустынский м-рь, и мы видим его постепенное обогащение вследствие приобретения разными путями имений. Литературная деятельность в Киеве XIV и XV вв. хотя была далека от процветания, хотя ограничивалась перепискою книг, тем не менее была не ниже, чем в других местах Южной Руси. Погром Эдигея и позднейший погром Менгли-Гирея, не говоря о пожарах позднейшего времени, должны были уничтожить большую часть киевских книг — все-таки до нас дошло несколько рукописей, написанных в Киеве. Это Псалтырь 1397 г., написанная протодиаконом Спиридоном и замечательная своими рисунками.¹⁷⁰ Далее, Евангелие 1411 г., написанное монахом

Никольского м-ря и хранящееся в ризнице этого монастыря.¹⁷¹ Далее, сборник (с патериком Печерским) 1462 г.¹⁷² Далее, Златоструй 1474 г., написанный в Печерском м-ре Андреем Тверитином.¹⁷³ Сверх этих списков киевского происхождения в Киеве в конце XIV в. некоторое время делались летописные заметки, вошедшие в состав литовских летописей.

Названные четыре книги интересны для нас в том отношении, что указывают на тесные связи Киева XIV—XV вв. с Северной Русью. Писец псалтыри Спиридон был, по всей вероятности, временный житель Киева, по-видимому, он прибыл в Киев из Москвы. Язык этой псалтыри ничем не отличается от языка московских книг XIV в. Писец сборника тоже был, по-видимому, выходец из Северной Руси; язык его списка также не отличается от языка московских книг того же времени. Что до писца Златоструя, то он сам назвал себя тверитином, жителем Твери. Язык его произведения, само собой разумеется, не может иметь никаких особенностей киевского говора. Об писце Евангелия нельзя сказать ничего положительного. Он списывал с позднего болгарского оригинала, и его текст представляет пеструю смесь поздних болгарских и русских особенностей. Первые в нем пахотятся в огромном количестве: ѣ вместо я, а; ж вместо а, я; љ или я вместо у (ж) и т. п. Что до русских, то из них нет ни одной, которую бы можно было с достоверностью признать малорусскою или белорусскою. Но, по-видимому, он был белорус или малорус. Это можно заметить из его сравнительной малограмотности и неумения справляться с болгарским текстом, вследствие чего текст его негоден для употребления и вообще неудобопонятен. Севернорусские писцы, списывая болгарские тексты, дают несравненно более исправные и понятные списки.

Конец XV в. ознаменовался для Киева горестным событием. Менгли-Гирей с крымской ордою напал на этот город, взял его, перебил или увел в плен жителей, сжег дома, церкви и Печерскую лавру. Киевская область была вместе с тем жестоко опустошена. После этого погрома Южная Русь без перерыва стала терпеть татарские набеги, и Киевская область, одна из ближайших к Крыму, перестала представлять какие бы то ни было удобства ни для земледелия, ни для промышленности, ни для тор-

говли. Вследствие этого Киев долгое время не мог оправиться, и путешественники XVI в. — Герберштейн, Гваньини, Ляссота, видевшие его или слышавшие о нем, — описывают развалины старого города и сожалеют о его печальной участи.¹⁷⁴ Киев домонгольской эпохи, так называемый старый город, в это время был совсем пуст. Софийский собор представлял развалины, другие храмы и дома тоже. Население жило внизу, на берегу Днепра, на так называемом Подоле, и существовало только благодаря тому, что в то время установился торговый путь из московского государства в Крым и дальше через Киев. Таким образом, Киев стал одной из станций, где останавливались московские купцы с товарами и где они оставались подолгу для отдыха перед трудною дорогою по степи и для поклонения киевским угодникам. При таком положении дел даже списывание книг здесь не могло существовать, и за весь XVI век мы знаем лишь одну книгу, помеченную Киевом, — это Учительное евангелие 1514 г. патриарха Каллиста, написанное каким-то Сергием в Никольском м-ре по заказу киевского мещанина Сильвестра Поповича.¹⁷⁵ Оно не отличается достоинствами. Сергей был, вероятно, западнорусским уроженцем, и в его труде мы видим одну западнорусскую особенность — частое употребление *e* вместо *ѣ* и совершенно непоследовательную произвольную постановку *ѣ*. Сверх того, у него мы находим некоторое количество болгарских особенностей, позволяющих предположить, что оригинал его был списан с болгарского текста.

Обратимся к Волыни с Подолем и Галиции. Хотя мы не имеем никаких известий об состоянии грамотности в этих областях в домонгольскую эпоху, тем не менее можем сказать, что она была здесь не ниже, чем в других русских областях. Мы имеем несколько рукописей XII или первой половины XIII в., которые, по всей вероятности, написаны на Волыни или в Галиции. Это Галицкое евангелие 1144 г., Добрилово евангелие 1164 г., два евангелия без дат, один ирмолой, один октоих (или, точнее, параклитик), один сборник.¹⁷⁶ Язык большинства этих текстов имеет резкое отличие от других русских текстов из других русских областей. Мы видим в нем если не вполне последовательно проведенное, то все-таки весьма частое употребление *ѣ* вместо *e* в тех случаях, где нынешние украинский и галицкий малорусский говоры имеют *i*

вместо *e*, т. е. в словах *пѣчь*, *шѣсть*, *камѣнь*, *камѣнье*, *весѣлье*. Кроме этого отличия некоторые из галицко-волинских памятников имеют (хотя очень редко) *в* вместо *у* и, наоборот, *жч* вместо церковнославянского *жд* (*дожчь*).

Собственно литературная производительность в галицко-волинской земле также существовала. До нас дошла большая Галицко-Волинская летопись, писанная, по-видимому, отчасти в Галиче, отчасти во Владимире Волинском, начинающаяся с самого начала XIII в. и продолжающаяся до самого конца этого столетия.¹⁷⁷ Авторы ее, из них один галичанин, едва ли не светское лицо, показали хорошее знакомство с языком переводной русской литературы, но все-таки внесли в свой труд большое количество русского элемента, между прочим, местных особенностей.

Погром Батыя, конечно, разорил галицко-волинскую землю, но он не был здесь особенно страшен, так как ордынцы очень скоро прошли через эту землю и не успели взять даже некоторых городов. Вследствие этого под управлением умных и энергичных Даниила и Василька Романовичей Юго-Западная Русь быстро оправилась. Она, можно сказать, процвела при их преемниках. Один из них, Владимир Василькович Волинский, известен как любитель книжного дела. Летопись сообщает, что он, сооружая и украшая церкви, часто наделял их богослужebными и другими книгами, между прочим, своего письма. Так, по летописи, во Владимиро-Волинский м-рь свв. апостолов он дал евангелие-апракос и апостол, «самъ списавъ»; в Перемышльскій собор им было дано евангелие-апракос, которое «самъ списаль бяше».¹⁷⁸ После прекращения в Галиции и на Волини княжеского рода Рюриковичей Галиция в середине XIV в. была захвачена королем польским Казимиром и вошла в состав Польского государства, а Волинь, после долгих споров между Польшею и Литвою, осталась за последнею, и в ней уселись князья Гедиминовичи и Ольгердовичи, литовского происхождения, но православные и обрусевшие. Так дело продолжалось до смерти Свидригайла, когда прекратилась в Юго-Западной Руси удельная система и Волинь сделалась областью литовско-русского государства под управлением воевод и старост со всеми теми порядками, которые мы видели в Западной Руси.

Благодаря благоприятным условиям галицко-волинская земля второй половины XIII и XIV в. произвела

довольно значительное количество рукописей, дошедших до нашего времени. К сожалению, ни одна из них не имеет точного указания на место, где она написана. Так, мы имеем Галицкое евангелие около 1266 г., написанное в княжение Льва Даниловича Галицкого,¹⁷⁹ Поликарпово евангелие 1307 г.,¹⁸⁰ Пандекты Антиоха 1307 г.,¹⁸¹ Холмское евангелие XIII—XIV в.,¹⁸² Лаврашевское евангелие XIII—XIV в.,¹⁸³ Хутынский служебник XIII—XIV в.,¹⁸⁴ «Лествицу» XIII—XIV в.,¹⁸⁵ Сборник житий XIII—XIV в.,¹⁸⁶ Луцкое евангелие XIV в.,¹⁸⁷ Путенское евангелие XIV в.,¹⁸⁸ Часослов XIV в.¹⁸⁹ и целый ряд отрывков из богослужебных книг, найденных в Галиции.¹⁹⁰ Язык этих книг не только сохраняет те особенности, которые мы видим в языке Добрилова евангелия 1164 г., но даже увеличивает их число. Тот *ѣ* вместо *e*, который находится на месте малорос. *i*, является в нем как непременная, постоянная принадлежность; мена *в* и *у* становится более или менее частою, начинает попадаться замена *ѣ* как древнего, так и пового через *и*.

О литературной производительности Галицко-Волынской земли за то же время мы не имеем сведений. По-видимому, кроме летописи, доведенной до конца XIII в., не было написано ничего сколько-нибудь значительного. Само собою разумеется, литературный язык этого памятника имеет в себе все те местные черты, которые мы отметили в языке переводных текстов, и некоторые из них остались в Ипатском списке, хотя последний был сделан в XV в. где-то в Новгородской области.

Что до делового языка в Галицко-Волынской земле XIII и XIV вв., то о нем мы знаем крайне мало. Все грамоты Даниила Галицкого и его сына Льва дошли до нас в позднейших копиях, да и большая их часть подложны.¹⁹¹ Грамота Мстислава Даниловича, внесенная в летопись под 1289 г., тоже дошла в списке XV в.¹⁹² и, сверх того, очень коротка. Но все-таки мы можем сказать, что он был чистым русским и, по всей вероятности, отражал в себе с достаточною полнотою черты местного говора.

XV век был тем временем, когда особенности малорусского наречия развились вполне. Большая часть малорусских говоров в это столетие уже имела *i* на месте древнего и нового *ѣ*, *ы* на месте древнего *и*, *у* или близкие к нему дифтонги на месте *о*, частую мену *в* и *у*, много

новых форм в склонении и спряжении, и вместе с тем утратила много древних черт — формы аориста, имперфекта и др. Церковнославянские тексты, несмотря на то что в них вошло много местных черт, все-таки перестали быть понятными в той мере, в какой были понятны прежде. Для основательного знакомства с их языком уже требовалась начитанность или изучение. Но образованность духовенства Галиции и Волыни в XV в. значительно пала. Польские короли и литовские великие князья, смотря на духовные должности как на доходные статьи и сажая за заслуги или деньги кого попало епископами или игуменами, сделали из Южной Руси то же, чем была Западная Русь. Переписка книг почти прекратилась, и мы с трудом можем указать пять южнорусских рукописей, относящихся к XV в. Это Евангелие 1411 г., написанное в Каменке в Галиции,¹⁹³ Толковая псалтырь 1472 г., написанная в Владимире Волынском,¹⁹⁴ поучения Ефрема Сирина 1492 г.,¹⁹⁵ Апостол XV в.,¹⁹⁶ Сборник Румянцевского музея XV в.¹⁹⁷ Из них только Поучения 1492 г. держатся традиции, и их язык испещрен теми малорусизмами, которые составляют обычную принадлежность галицко-волынских текстов XIII—XIV вв., — это вполне объясняется тем обстоятельством, что писец имел перед собой оригинал галицко-волынского происхождения конца XIII в. Что до других рукописей XV в., то они отличаются большим количеством болгаризмов. Евангелие 1411 г., подобно Киевскому евангелию 1411 г., список с позднего болгарского или молдавского оригинала. Количество болгарских особенностей в нем очень велико, и его текст принадлежит к числу неудобопонятных текстов. Апостол XV в. также, вероятно, восходит к болгарскому оригиналу, хотя болгаризмы в нем сравнительно немногочисленны и неярки. О сборнике XV в. можно сказать то же самое. Хотя в этих текстах встречается и *ѣ* на месте современного малорусского *i* из *e*, и смешение *и* и *ы*, и мена *в* и *у*, тем не менее местная окраска их сравнительно с окраской текстов XIII—XIV вв. очень слаба и имеет случайный характер. Болгаризмы названных рукописей указывают, что подобно тому как в Западной Руси XV в. употреблялись привозные московские и новгородские книги, так в Южной Руси были в ходу привозные же болгарские или, скорее, молдавские,

Понятно, никакая литературная производительность в Южной Руси не могла существовать, и мы не знаем ни одного сочинения, кроме ничтожных летописных заметок, которое бы можно было признать написанным в Южной Руси XV в.

§ 11. Деловой язык Южной Руси XIV—XV вв.¹⁹⁸

Обратимся к деловому языку Галиции и Волыни за первое время польско-литовского владычества, т. е. за вторую половину XIV и за XV в.

Польша, к которой была присоединена Галиция, имела в качестве делового языка язык латинский, на нем писались грамоты королей, на нем велись актовые книги. Документы на польском языке не встречаются, изредка в латинских документах мы встречаем отдельные слова или фразы по-польски. Первое время польского владычества Галиция сохранила русский деловой язык, хотя не всегда со старыми чисто русскими формулами, а часто с западноевропейскими, переведенными с латинского. Именно грамоты, выданные галицкими старостами, обыкновенно построены по латинским образцам: «а се я панъ Бенко староста. . . свѣдью то своимъ листомъ каждому доброму, кто на сесь лист узритъ или передъ кымъ будетъ чтюнь, иже пришедъ передъ насъ панъ Гервасъ. . .» (1398 г.).¹⁹⁹ Этот деловой язык был сначала довольно чистым русским языком с большим количеством местных особенностей. Таким он является в купчей 1359 г. (где единственное слово, которое можно назвать полонизмом, слово *панъ*), в купчей 1366 г., закладной 1386 г., судной 1393 г.²⁰⁰ и др., а также в грамоте короля Казимира 1361 г., дошедшей до нас в позднейшем списке.²⁰¹ Но затем сначала в него стали проникать в небольшом количестве полонизмы. Они обычны в документах, выданных официальными лицами Галиции, между прочим, в грамоте русского старосты Оты 1371 г.²⁰² Здесь мы читаем: *съ землею, виштыци, вжитко, войтъ, панъ*. Потом, с появлением на польском престоле Ягайла, когда грамоты королевской канцелярии стали писаться на западнорусском деловом языке, в него проникли, рядом с полонизмами, белорусизмы. Впрочем, русский деловой язык просуществовал недолго. Сейм 1433 г. ввел в Галиции институт польского права, а вместе с ними вошел в Галицию

в постоянное употребление латинский язык. После 1430 г. до самого XVI в. неизвестно ни одного галицкого документа на русском языке. Все актовые книги, все судебное письмоводство за 70 лет XV столетия были ведены исключительно на латинском языке.²⁰³

Деловой язык литовско-русского государства, в состав которого вошла Волынь с Подолем, нам уже известен. Конечно, литовские великие князья начиная с Ягайла и Витовта выдавали грамоты для Волыни и Подоля на этом языке, обычном языке своей канцелярии. Местные князья, их родичи, следовали их примеру, и многочисленные грамоты Свидригайла, датированные то Луцком, то Киевом, то Острогом, имели один и тот же западнорусский язык. Местные южнорусские особенности в них отсутствуют за самым ничтожным исключением. Орфография южнорусских текстов, обычная в галицко-волинских евангелиях XIII—XIV вв., в них не находит применения.²⁰⁴ Писцы их даже не стараются приспособляться к местному говору. Они, например, держатся западнорусской привычки писать *e* вместо *ѣ*, хотя южнорусские говоры требуют различия *ѣ* и *e*; они нередко пишут *e* вместо *ѣ* (*рычеговѣ*) в таких случаях, где южнорусские говоры имеют *я*. Таким образом, западнорусский деловой язык водворился на Волыни и в Подолии прежде, чем исчезли здесь местные князья. После, когда Южная Русь стала в непосредственном подчинении Вильне, этот язык здесь укрепился в употреблении. Он является в местных актовых книгах, на нем ведется все судебное и городское письмоводство, и лишь изредка, случайно писцы местного происхождения вносят в него отдельные черты своих говоров.

§ 12. Письменность Южной Руси XVI—XVII вв.

XVI век в Южной Руси прошел так же тревожно, как и в Западной Руси. Борьба православия с протестантскими сектами и с католичеством имела здесь те же следствия, что и в Западной Руси. Православные вельможи вроде князя Константина Острожского, братства во Львове, Киеве, отдельные духовные лица обратили внимание на церковное благоустройство и стали заботиться о распространении образования. Южная Русь представ-

ляла больше удобств для борьбы с католичеством и унией вследствие отдаленности от центра, могущества и богатства православных, впрочем, уже почти ополчившихся, вельмож, присутствия невежественных, но фанатически преданных православию казаков. Сверх того, здесь во второй половине XVI в. нашли себе приют образованные московские беглецы: кн. Курбский, старец Артемий, печатник Иван Федоров и др.

Курбский явился в Южную Русь (он получил от короля большое поместье на Волыни) во всеоружии московской образованности. Он был прекрасно знаком с тою литературою, которая в его время обращалась в Московской Руси, он великолепно владел литературным московским языком, славянским. То же можно сказать об Артемии, бывшем игумене Троице-Сергиева м-ря, обвиненном в Москве в ереси и сделавшимся в Южной Руси защитником православия.²⁰⁵ Они были поражены южнорусскими церковными нестроениями и малограмотностью и выступили энергично на защиту православия. Курбский завел сношения и переписку с кн. Острожским, с другими православными панами, с братством львовским и виленским и принялся за литературное дело. Греческий язык был ему неизвестен, и ему не у кого было научиться, и он обратился к широко распространенному в то время в польско-литовском государстве латинскому языку. Он сам научился этому языку. Я, рассказывал он,²⁰⁶ немало лет изнурил, уже в седилах, учася латинскому языку. Сверх того, он уговорил своего родственника, московского выходца кн. Оболенского изучить «высшие науки» на латинском языке и для этого, бросив жену и детей, отправиться в Краковский университет на три года и в Италию на два года. Далее он привлек к себе ученика Артемия Марка и еще какого-то «бакаляра», хорошо знакомого с латинским языком. И деятельность закипела. Мы видим Курбского то сидящим над сочинением о Флорентийском соборе, то переводящим со своими сотрудниками «Маргарит» Иоанна Златоуста, толкования того же отца церкви на послания ап. Павла, творения Дионисия Ареопагита, диалог Геннадия Схолариса, всегда спешащим, не щадящим старости, недуга и напасти», не останавливающимся ни перед какими затруднениями. Язык его произведений — московский литературный язык, т. е. довольно искусственный славянский. Плохое понимание этого языка

современниками Курбского в Южной Руси не только не препятствовало ему употреблять этот язык, но как бы побуждало. Курбский проникнут ненавистью к «польской барбарии» и резко порицает всемогущего тогда кн. Острожского за то, что тот, затрудняясь в понимании «вождедѣннаго языка словенского» толкований Златоуста в переводе Курбского, приказал перевести их «на польцизну». «Лучше бы, — говорит он, — если бы вашей милости моя книга не полюбилась, лучше бы ваша милость приказали сжечь ее или отдать какому-нибудь русскому попу».

Пропаганда Курбским московского литературного языка как литературного языка для польско-литовской Руси совпала с деятельностью печатника Ивана Федорова. Его пример не остался без подражания. Между прочим, неизвестное лицо в 1598 г. перевело с латинского на хороший славянский язык московского типа описание Иерусалима голландца Адрихома, по всей вероятности, в Южной Руси, так как два известных списка этого перевода — южнорусские по происхождению.²⁰⁷ Затем, ревность Курбского к славянскому языку отразилась в заботах первых южнорусских училищ о распространении знания этого языка.

Но обратимся к печатнику Ивану Федорову. Деятельность печатника Ивана Федорова шла в том же направлении. Мы его видели уже в Западной Руси. Мы не знаем, что побудило его перейти в Южную Русь, но вскоре после бегства его из Москвы мы видим его во Львове. Обстоятельства не благоприятствовали ему здесь на первое время. Не имея средств возобновить деятельность, я, говорит он,²⁰⁸ «обтицахъ многащѣ богатыхъ и благородныхъ въ мѣрѣ, помощи прося отъ нихъ, и метание сътворяя, колѣномъ касаяся, и припадая на лица земномъ», но «не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ многослезнымъ рыданнемъ». Не оказалось никого «милующаго ниже помагающаго», только «мали нѣщцы» из иерейского чина и иные «не славные въ мѣрѣ» оказали ему содействие и помогли напечатать во Львове в 1574 г. Апостол. Наконец, на вопль Ивана Федорова откликнулся кн. Острожский и вызвал его в Острог. Устроенная здесь прекрасная типография открыла действия в 1580 г. изданием Псалтыри и Нового завета (в одной книге),²⁰⁹ за которыми последовала полная Библия. Она была напечатана по

тексту, полученному Острожским из Москвы от царя Ивана Грозного и исправленному по греческому оригиналу. Эта знаменитая Острожская библия 1581 г., со всеми особенностями московского славянского языка, была последним большим трудом Федорова.²¹⁰ Исполнив его, он возвратился во Львов и здесь умер в бедности. Его станок и шрифт были заложены им еврею и потом приобретены Львовским братством. Устроенная им Острожская типография продолжала дело без него. И пока был жив князь Острожский, и вскоре по его смерти, в конце XVI и начале XVII в., она успела напечатать довольно значительное количество книг на славянском языке, между прочим, слово Максима Грека о крестном знаменнии, книгу Василия Великого о постничестве и «Маргарит» Иоанна Златоустого.²¹¹ Максим Грек был одним из тех людей, которые пользовались особенным уважением Курбского, «Постничество» Василия Великого высоко ценилось тем же Курбским, «Маргарит» был переведен им. Очевидно, эти сочинения были переданы Острожскому Курбским как достойные напечатания. Их язык, обычный язык московских славянских текстов, совершенно чуждый тех малорусских особенностей, которые были довольно многочисленны в галицко-волинских списках богослужебных и иных книг XIII—XVI вв., сделался образцом для южнорусских писателей конца XVI и XVII в. и предметом изучения в училищах.²¹²

Низшие элементарные училища, где преподавалась детям грамота и дети выучивали главные молитвы, появились в Южной Руси не позже начала 70-х годов XVI в., но они не могли иметь большого значения. Иное дело были училища, заведенные сначала князем Острожским в Остроге, потом Львовским братством во Львове. Острожская «академия», как его величали современники, получила свое начало около 1580 г. и просуществовала недолго. Мы не знаем, кто были в ней преподаватели и что в ней преподавалось. Ректор ее Герасим Смотрицкий, отец Мелетия, известен как автор нескольких книжек. Один из учителей, грек Кирилл Лукарис, был в свое время известен ученостью. Современник униат хвалит это училище и говорит, что в нем преподавался не только славянский язык, но также «греческие и латинские науки». Он рассказывает также, что здесь были ученики не только из простого звания, но и из русской аристократии. Из этого

училища вышли гетман запорожский Сагайдачный, Мелетий Смотрицкий и, вероятно, некоторые другие из известных деятелей первой половины XVII в.²¹³

Львовское училище открылось в 1586 г. и продолжало свое существование довольно долго. Первый ректор его был ученый грек Арсений Елассонский, два брата, Зизаний и Кирилл Транквиллионы, были одними из первых его воспитанников (как показывают их греческие и латинские фамилии). В нем же получил образование киевский митрополит Иов Борецкий, печерский архимандрит Захария Копыстенский и, вероятно, двое братьев Берынд, румынов по происхождению. Большая часть этих лиц — Зизаний Транквиллион, Иов — по окончании учения были учителями в львовских училищах.²¹⁴ Предметы обучения в этом училище были довольно многочисленны. Славянский, греческий и латинский языки занимали между ними видное место, и учителя были обязаны приучать своих учеников говорить на этих языках и смотреть, чтобы ученики не беседовали между собою на народном языке.

Пример кн. Острожского и Львовского братства не остался без подражания, и скоро появились новые большие училища: в Вильне Виленского братства в конце XVI в., в Киеве Киевского братства около 1615 г., в Киеве же Петра Могилы в 1631 г. Последнее училище — знаменитая Киево-могилянская академия. Предметы преподавания были в них, по-видимому, те же, что в Острожском и Львовском училищах, во всяком случае славянский язык был необходимым, обязательным предметом классных занятий.

Обучение славянскому языку в Остроге, Львове, Вильне и Киеве повело к составлению и изданию грамматик и словарей этого языка. Первая грамматика была напечатана в Вильне в 1586 г.²¹⁵ Вторую грамматикой была довольно курьезная львовская грамматика, составленная Арсением Елассонским и переведенная его русскими учениками. Она была напечатана во Львове в 1591 г. на греческом и славянском языке.²¹⁶ Это — грамматика греческого языка, переведенная буквально, вследствие чего славянский язык сильно потерпел; между прочим, в нем не оказалось местного падежа: его форма была помещена вместе с формой дательного под дательным падежом. Третья грамматика представляет труд самостоя-

тельный, хотя влияние греческой грамматики сильно чувствуется. Она составлена Лаврентием Зизанием и напечатана в Вильне в 1596 г. К ней автор приложил небольшой словарь славянского языка с толкованиями под названием «Лексисъ». ²¹⁷ Четвертая грамматика, которую завершили труд южнорусских ученых над славянской грамматикой, была составлена Мелетием Смотрицким и в первый раз напечатана в 1619 г. ²¹⁸ Эта грамматика была потом издаваема в разных местах много раз, между прочим в Москве, и из нее целый ряд поколений научился формам славянского языка. Взглянем в нее. Тип славянского языка, который в ней признается нормальным, московский, за немногими исключениями. ²¹⁹ Разнообразие форм, которое можно заметить в поздних московских текстах, утратилось здесь вполне. В Москве в XV и XVI вв. употребляли, например, две формы род. ед. *мрежа* и *мрежи*, *юноша* и *юноши*, одну славянскую, другую позднюю великорусскую. Обе эти формы из московских текстов попали в грамматику Смотрицкого, причем от слова *мрежа* была признана правильною одна славянская форма на *-я*, а от слова *юноша*, наоборот, была признана правильною одна форма русская на *-и*. Или в Москве XV—XVII вв. формы имен.-вин. мн. были довольно разнообразны, так что писали и *пияници*, и *пиянициы*, и *пияница* с *-а* или *-я*. Мелетий признал их все правильными, но распределил их употребление. Форма на *-и* была им определена как форма имен. мн. муж. р., форма на *-ы* как вин. мн. муж. р., форма на *-а* (*-я*) как форма имен.-вин. мн. ж. р. Благодаря такому распределению форм мы без особого труда можем указать, кто из авторов южнорусских учился славянскому языку по Смотрицкому и кто изучил его из книг или другого какого-нибудь источника. Наконец, мы должны упомянуть о довольно большом «Лексиконе славяно-русском» Памвы Беринды, изданном в Киеве в 1627 г. ²²⁰

Обратимся к литературному языку южнорусских писателей и переводчиков, к языку тех произведений, которые были написаны южнорусскими уроженцами в конце XVI в.

Герасим Смотрицкий, согласно обычаю своего времени, снабдил Острожскую библию 1581 г. стихами на герб князей Острожских и стихотворным предисловием. ²²¹ Язык этих произведений — славянский, с аористами и т. п. Местные особенности, кроме полонизмов, отсутствуют,

даже такое местное окончание, как окончание 3-го л. на *-тъ*, здесь не встречается, и форма 3-го л. всегда оканчивается на *-тъ*, как в московском литературном языке XVI в. и в западнорусском деловом языке.

Другой острожский деятель, вероятно учитель Острожского училища, Андрей Рымша написал и напечатал в Остроге в 1581 г. 12 двустий, долженствующих характеризовать 12 месяцев года.²²² Язык их — западнорусский деловой язык со множеством полонизмов. Местные особенности, т. е. малорусизмы, отсутствуют, и мы читаем, между прочим, *о* в *ужо* (малорус. *вже*), *е* вместо *я* (*въ томъ месецы*), *е* вместо *ѣ* (несколько раз), форму им. мн. на *-е* — *чужоземъские* (малорус. *-и*). Церковнославянизмы равным образом не встречаются.

Послания патриарха Иеремии к русскому народу, кн. Острожскому и киевскому митрополиту были переведены и напечатаны в 1584 г., вероятно, в Остроге.²²³ Язык перевода — славянский, но не отличающийся чистотою. Переводчик старался писать на чистом славянском языке, но очевидно не мог. Он постоянно пишет *жд*, *щ* на месте русских *ж* и *ч*, форма род. ед. у него обыкновенно оканчивается на *-я*: *благочестивыя вѣры*; словарный материал — славянский, но рядом с славянизмами у него много русизмов, таких, которые обычны в западнорусском деловом языке. Это частая постановка *е* вместо *ѣ*, совершенно несогласная с фонетикою малорусского наречия, *о* вместо *е* (*нашою* и т. п.), *е* вместо *а* (*свещенство*), твердое *р* (*смираетъ*), формы 3-го л. на *-тъ*. Впрочем, рядом с последними нередки формы на *-тъ*, единственный несомненный отголосок местного говора.

Некий Василий, вероятно учитель Острожского училища, написал и издал несколько статей против католичества в 1588 г. в Остроге.²²⁴ Язык его труда — славянский, по-своему недурной. Мы находим в нем формы аориста, имперфекта и т. п. Но автор то и дело сбивается на западнорусский деловой с *е* вместо *ѣ*, с *о* вместо *е*, с формами 3-го л. на *-тъ*, с полонизмами в словаре. Лишь изредка, без всякой последовательности, у него попадаются малорусизмы вроде *и* вместо *ѣ* (*дианий*), *ѣ* вместо *и* (*Францѣшекъ*), форм 3-го л. без *-тъ* (*пише*, *мови*) или с *-тъ* (*вѣсть*).²²⁵

Неизвестное лицо, вероятно, один из наставников или учеников Львовского училища, перевел две грамоты пат-

риарха Иеремии. Перевод был напечатан во Львове в 1591 г.²²⁶ Язык его славянский, с аористами и т. п., но совсем плохой. Мы видим в нем множество полонизмов и в словаре, и в морфологии из числа тех, которые обычны в западнорусском деловом языке: *зацный, ведле, презъ, друковатисмы, рассказали*. Западнорусские особенности нередки вроде *-е* в форме имен.-вин. мн. (*многие безчиния*) или *-тъ* в форме 3-го л. (*сутъ, празнуютъ*), но малорусизмы почти совсем отсутствуют. Можно указать: *всеи России* (род. ед.).

Ученики Львовского училища поднесли митр. Михаилу Рогозе, посетившему Львов, стихотворный панегирик *Προσφωγημα*, напечатанный во Львове в 1591 г.²²⁷ Он был написан греком-учителем на греческом языке и переведен учениками. Язык этого перевода — пестрая смесь. Славянизмы в нем — обычное явление, полонизмы весьма часты, западнорусизмы сравнительно малозаметны (но всегда в форме 3-го л. *-тъ*), местный малорусский элемент встречается в небольшом количестве в виде *ѣ* вместо *и* (*иѣгды*), форм имен.-вин. мн. ч. на *-ьи* (*темныи, кривыи*), форм повелительного наклонения с *ѣ*: *будѣте, скорбѣте, восходѣте*.²²⁸

Возьмем еще три издания XVI в. Перед нами «Слово» (казанье) св. Кирилла Иерусалимского, переведенное и истолкованное Стефаном Зизанием в обличение католикам. Оно напечатано в Вильне в 1596 г. на двух языках — русском и польском.²²⁹ Зизаний учился, вероятно, во Львове и был там некоторое время учителем; его живой язык — малорусский, и малорусизмы сравнительно нередки. Это кое-где *ѣ* вместо *і* по-малорусски (*от створѣня, пѣчѣ, увѣлѣ, вѣвѣлѣ, нѣкому*), *я* вместо *е* (*угля распали-тия*), род. ед. ж. р. на *-и* (*моци божее, пречистой дѣвицѣ, новой землѣ*), им.-вин. мн. на *-ѣ=і* (*мучителѣ, женцѣ, душѣ*), повелит. с *ѣ* (*зберѣте, звязѣте*). Но они нигде не возведены в правило, они исключение, и общий тип языка — западнорусский с массою полонизмов и кое-где со славянизмами.

Перед нами «Отписъ на листь Ипатия Поцѣя», напечатанный в Остроге в 1598 г.²³⁰ Он написал «въ школѣ грецкой Острожской». Язык его не имеет даже претензии быть славянским. Это западнорусский деловой с небольшим количеством малорусизмов (*зѣлье, наиздѣ, з'исте, невмыслои гордости*), употребленных без всякой последовательности.

Перед нами, наконец, Ekthesis, повествование о Брестском соборе, напечатанное в Кракове в 1597 г.²³¹ Хотя этот труд составлен православным русским в защиту православия, но язык его польский.

Теперь мы сделаем обобщение замечаний о языке южнорусских сочинений и переводов конца XVI в.

Мы видим в одновременном употреблении три литературных языка — славянский, западнорусский деловой и польский. Первый употребляется южнорусскими деятелями в особо торжественных случаях. Это сочинения учено-богословского характера, переводы патриарших грамот и т. п. Западнорусский язык является там, где автор или переводчик рассчитывает на большое распространение своего труда между православными русскими и, следовательно, имеет в виду не одну Южную Русь, но и Западную. Польский язык употребляется, когда имеется в виду не только русская, но и польская публика, когда автор желает найти обширный круг читателей.

Живой язык Южной Руси не имеет в Южной Руси конца XVI в. литературного употребления. Он находится в пренебрежении у ученых людей, и они только случайно, неумышленно допускают в свои произведения отдельные в более или менее незначительном количестве малорусские черты. Последние вместе с полонизмами и западнорусизмами хотя не всегда, но часто сообщают особую окраску славянскому языку Южной Руси и отличают этот язык от славянского языка Москвы. Они же иногда кладут свой оттенок на западнорусский язык южнорусских трудов и дают нам возможность узнать в них южнорусские, а не собственно западнорусские произведения.

Здесь уместно сделать маленькую оговорку. Вторая половина XVI в., кроме названных, дала нам еще три памятника. Это, во-первых, Пересопницкое евангелие в списке 1561 г. В нем мы имеем дело с переводом евангельского текста с чешского на живой русский, тем самым переводом, с которым мы познакомились в западнорусском печатном Евангелии Тяпинского. Разница между Евангелием Тяпинского и Пересопницким только та, что в первом русский язык имеет чистую белорусскую окраску, а во втором он окрашен малорусским наречием. Впрочем, в Пересопницком евангелии встречаются и славянизмы, и западнорусизмы. Малорусизмы его принадлежат одному из северномалорусских говоров, отличающихся употреб-

лением в известных случаях *y* и *ю* на месте великорусского *o* и *e*, украинского *i*, и потому мы читаем: *нюслъ* = *нес*, *по ской* и *по туй сторонѣ*, *женцюмъ* (дат. мн.), *оплюль*, *слувъ* = *слов*.

Затем, во-вторых, Хорошевское евангелие 1581 г.²³² Это перевод евангельского текста с польского социнианского перевода на русский, сделанный в с. Хорошеве на Воляни. Переводчик ограничился простою заменою польских букв русскими и изменением польских носовых в русские *y* и *a*, польских мягких *dz* и *s* в русские *д* и *т* и т. п. Все прочее у него то же, что в польском оригинале.

Наконец, в-третьих, описание Иерусалима голландца Адрихема, переведенное с латинского около 1598 г. Перевод, судя по тому что единственные известные нам два списка его южнорусского происхождения, сделан в пределах Южной Руси. Язык его — прекрасный славянский, вроде языка переводов Курбского, свободный от полонизмов. Позволительно думать, что этот перевод сделан кем-нибудь из кружка Курбского, одним из его сотрудников московского происхождения.²³³

Эти три памятника стоят совершенно особняком, и мы отметили их только потому, что они представляют хотя одинокие, но любопытные явления.

Возвратимся к южнорусскому литературному языку и перейдем в первую половину XVII в.

Труды оригинальные и переводные, важные в религиозном отношении, но назначенные для образованных православных читателей, в первой половине XVII в. постоянно пишутся на славянском языке. При этом наблюдается следующее явление. Обычные посвящения в прозе и стихах, хотя бы они принадлежали перу того самого лица, которое написало славянский текст, являются неизменно на западнорусском языке с огромным количеством полонизмов, изредка с малорусизмами.

Так, мы имеем «Книгу о священстве» Иоанна Златоустого, переведенную на славянский язык и напечатанную во Львове в 1614 г.²³⁴ Язык перевода — отличный славянский, с аористами, имперфектами, двойственным числом и т. п., но вследствие близости к греческому подлиннику несколько темный. То же должно сказать о языке жития Иоанна Златоустого. Но посвящение в прозе от имени львовского епископа Иеремии Тисаровского и несколько стихотворений исполнены на западнорусском языке с ог-

ромным количеством полонизмов и с малорусизмами вроде *сѣмъ, о котруй, з друкувъ, розбоювъ, поставивъ* (=лъ), *цо*.

Или перед нами «Беседы» Иоанна Златоуста, переведенные иеромонахом Киприаном, исправленные в Киево-Печерской лавре и напечатанные в Киеве в 1623 г.²³⁵ Язык перевода — славянский, не без кое-каких малорусизмов, язык главного предисловия от имени архимандрита Лавры Елисея Плетенецкого и второго предисловия от имени Захария Копыстенского тоже славянский. Стихи на Беседы Златоуста и на ап. Павла опять-таки на славянском языке, но два посвящения — кн. Четвертинскому от имени Захария Копыстенского и Федору Копыстенскому от имени Памвы Берынды — сделаны на западнорусском языке с многочисленными полонизмами и малочисленными малорусизмами вроде род. ед. на *-ои*.

Или еще мы имеем Толкование на апокалипсис Андрея Кесарийского, переведенное Захарием Копыстенским и напечатанное в Киеве в 1625 г.²³⁶ Его язык — отличный славянский, главное предисловие написано на славянском языке, но стихи на герб Григория Далмата и посвящение ему исполнены на западнорусском языке с неизменным обилием полонизмов. Этого мало. При «Толковании» напечатано «Слово» Ефрема Сирина — оно на западнорусском языке с порядочным количеством малорусизмов: *взвѣлъ, камѣн'е, приступѣмъ, отъ неи* и т. п.

Поучения или проповеди пишутся редко на славянском языке. Этот язык употреблен Кириллом Транквиллионом в сборнике поучений, изданном под названием Учительного евангелия в 1619 г.,²³⁷ едва ли не потому, что другие учительные евангелия (переводные), в то время популярные, были на славянском языке. Впрочем, в языке Транквиллиона немало белорусизмов, малорусизмов и особенно полонизмов. Вообще славянский язык в его труде далек от чистоты. Посвящение Кирилла написано на западнорусском языке.

Учебники также редки на славянском языке. Мы можем назвать только один славянский. Это грамматика Мелетия Смотрицкого; Впрочем, посвящение и в ней написано на западнорусском языке.²³⁸

Сочинения, имевшие в виду широкий круг публики — всех православных Польско-литовского государства, обыкновенно пишутся на западнорусском языке с огромным количеством полонизмов и нередко с малорусизмами.

Этот язык употребляется для поэтических произведений, и мы видим его в «Плачи альбо Ляментѣ» на кончину пана Желиборского, Львов, 1615 г.,²³⁹ в «Везерункѣ цноть. . . Елисея Плетенецкаго», Киев, 1618 г.,²⁴⁰ в «Вѣршахъ» на погребение гетмана Сагайдачного, Киев, 1622 г.,²⁴¹ в «Евхаристирионе», Киев, 1632 г.,²⁴² в «Евфонии веселобрмячей», Киев, 1633 г.,²⁴³ и т. п. Далее, на том же языке написаны проповеди Леонтия Карповича, Мелетия Смотрицкого, Захарии Копыстенского, Петра Могилы («Крест Христа», Киев, 1632 г.).²⁴⁴ Наконец, мы видим тот же язык в популярных и полемических сочинениях, между прочим в учебном катихизисе «Собрание об артыкулахъ. . . вѣры» (Киев, 1645 г.)²⁴⁵ и в «Лексиконе славянорусском» Берынды.

Рядом с западнорусским языком, наполненным полонизмами, мы видим в литературном употреблении в Южной Руси первой половины XVII в. чистый польский язык. Им пользуются южнорусские авторы, когда желают очень широкого распространения своих произведений. Его мы видим в стихах, поднесенных учениками Киевской академии Петру Могиле «Mnemosyne sławу», 1633 г., в проповедях, между прочим в проповеди Петра Могилы при бракосочетании Януша Радзивила «Mowa duchowna», 1645 г., но особенно часто в популярных и полемических сочинениях. В переводе на него издан Киево-Печерский патерик в 1635 г.,²⁴⁶ на нем изложена первоначальная история Киевской академии, «Eхegesis» Сильвестра Косова, 1635 г., на нем впервые издан в свет краткий православный катихизис Петра Могилы. Его мы видим во многих полемических сочинениях православных против католицизма и унии, между прочим в «Фриносе» Мелетия Смотрицкого и в «Лифосе» Петра Могилы. Живой малорусский язык, кроме отдельных черт, проникавших случайно в славянские или западнорусские тексты южнорусских произведений первой половины XVII в., не имел литературного употребления.²⁴⁷

§ 13. Южнорусская письменность со времени присоединения Украины к Москве

В самом начале второй половины XVII в. Южная Русь вместе с Киевом присоединилась к Москве. Часть ее потом отошла опять под власть Польши, но Киев и вся восточная

не знают, чему учат». ²⁴⁸ Любопытно то обстоятельство, что митр. Петр Могила, составляя православный катихизис и совещаясь с южно- и западнорусскими учеными и с греческими архиереями, не счел нужным посоветоваться с московским патриархом, хотя находился с ним в сношениях. Но Москва отличалась консерватизмом, привязанностью к старине, считала себя хранительницей истинного, чистого православия, столпом неповрежденной Христовой веры. Сверх того, сила и внешний авторитет были на стороне Москвы, она имела у себя политического главу Южной Руси и патриарха. Ясно, что при столкновении литературных языков — обычного южнорусского и московского — победа должна была остаться за Москвою. Так и случилось.

Взаимные отношения южнорусских ученых и Москвы начали слагаться задолго до подданства Малороссии Москве, и характер этих отношений определил характер последующих, когда Киев поступил под власть царя.

Патриарх Филарет, живя в литовском плену в первое время действия унии, имел возможность присмотреться к юго-западнорусской церкви. Он, между прочим, увидел, что там многие называющие себя православными молятся за папу. Вследствие этого он обратил внимание Московского собора 1620 г. на «бѣлорусцев», т. е. русских подданных польско-литовского государства, и поставил вопрос, как поступать с ними, если они будут являться в Москву. Собор приговорил: если белорусец придет в Московское государство и станет называть себя православным, то испытывается, как он верует и как он крещен — в три погружения или через обливание. Если он скажет, что в их земле обливают, а не погружают, то, принимая в православную церковь, вновь крестить его в три погружения. Этот приговор о белорусах, напечатанный в Требнике 1639 г., повел к тому, что в Москве стали крестить не только православных мирян, приходивших из Южной Руси, но также монахов, священников, игуменов, коль скоро они сознавались, что крещены через обливание. Был случай, что в Москве окрестили даже одного южнорусского архиепископа, впрочем униата, Афиногена Крыжановского. ²⁴⁹ Такое отношение Москвы к «белорусцам», казалось, должно бы было удержать южнорусских деятелей от сношений с нею. Но Москва была сильна,

богата и православна, она не знала уни, и православие в ней не подвергалось никакой опасности. Южнорусские деятели видели в ней патрона, который может оценить их труды, у которого они могут найти сбыт своим произведениям, к которому они могут прибегнуть в случае надобности за защиту. Митр. Иов Борецкий завел довольно частые сношения с царем и патриархом. Он доставлял в Москву разные сведения, посылал напечатанные в Киеве книги и просил «милостыни». Митр. Петр Могила продолжал их. Южнорусские архиереи, игумены, братства следовали их примеру. В Москве относились с вниманием к просьбам южнорусского духовенства и братств: давали подарки, денежное жалованье, дорогие материи для облачений, книги московской печати, но, конечно, не отличались особенною доверчивостью.

В 1626 г. прибыл в Москву известный южнорусский деятель, одна из южнорусских знаменитостей того времени, протопоп Лаврентий Зизаний. Он привез с собою обширное сочинение — Катихизис — и представил его патриарху Филарету с просьбою исправить и напечатать. Просьба об исправлении, сделанная Зизанием, вероятно единственно из приличия, была немедленно исполнена. Написанное на западнорусском языке сочинение Зизания было немедленно переведено на славянский язык и затем поступило в цензуру к двум московским справщикам, подверглось исправлениям и уже в исправленном виде было напечатано в 1627 г. Патриарх велел передать его Зизанию и при этом переговорить с ним об исправлениях. Произошло нечто вроде диспута, отчет о котором, составленный московскими справщиками, сохранился до нашего времени.²⁵⁰ Он нам сообщает, что было изменено или выпущено из текста Зизания. Оказывается, что московские цензоры нашли в нем порядочное количество неудачных выражений, не вполне православных мыслей и лишних сведений, которым, по их мнению, неприлично быть в катихизисе, сведений о планетах, знаках зодиака, грома, молнии и т. п. После диспута, в котором Лаврентий должен был согласиться с оппонентами, он уехал, но его катихизис не был выпущен в свет. Все дошедшие экземпляры его не имеют заглавного листа, где обыкновенно помещалось указание на благословение книги патриархом. Очевидно, патриарх не хотел довериться «белорусцу», хотя его труд и был исправлен.

Тотчас по рассмотрении катихизиса патриарх велел рассмотреть Учительное евангелие Кирилла Транквиллиона, привезенное в Москву в количестве около 60 экземпляров, очевидно, для продажи. Московские цензоры нашли много ересей и погрешностей в этом труде. Язык его, церковнославянский, не отличается чистотою, и мы находим в нем довольно значительное количество белорусизмов, малорусизмов и полонизмов. Местные особенности в церковнославянском языке Транквиллиона не были поняты, или, вернее, были поняты цензорами по-своему. Они ужаснулись, когда прочли у Транквиллиона, что Христос был прибит гвоздями *до креста*, а не *ко кресту*; они увидели противоречие обещанию спасителя, что «слова Господня не прейдут», в словах автора, что Христос есть применитель всех речей, хотя автор употребил слово *речь* в его польском значении «вещь, предмет». Получив от цензоров «свиток укоризнен», царь Михаил Федорович и патриарх Филарет приказали собрать экземпляры Учительного евангелия и других сочинений Транквиллиона и их «на пожарѣхъ» сжечь и воспретили покупать книги литовской печати или письменные. Далее последовало отобрание книг литовской печати из московских церквей и от частных лиц.²⁵¹

Таким образом, южнорусская ученость и литература возбудили к себе в Москве полное недоверие. Но оно скоро ослабло, и когда московский патриарший престол был занят Иосифом, некоторым южнорусским сочинениям даже посчастливилось. В 1644 г. была издана в Москве впоследствии знаменитая «Кириллова книга». Это не что иное, как сборник южнорусских сочинений, переведенных на славянский язык, с прибавлением нескольких статей московского происхождения. Первые главы «Кирилловой книги» состоят из слова Кирилла Иерусалимского, переведенного, истолкованного и изданного Стефаном Зизанием в 1596 г., следующие главы взяты из «Книги о вере единой» Захарии Копыстенского, напечатанной в Киеве в 1619 г.; далее помещен Острожский сборник 1598 г., далее другой Острожский сборник 1588 г.²⁵² В 1648 г. в Москве была напечатана «Книга о вере». Это не более не менее, как славянский перевод рукописного труда киевского игумена Нафанаила, написанного на западнорусском деловом языке.²⁵³ В 1649 г. здесь напечатали славянский перевод краткого учебного

катихизиса, изданного в Киеве, «Собрание краткия науки объ артикулахъ вѣры». Сверх того, в Москве в 1648 г. в первый раз перепечатали грамматику Смотрицкого, написанную на славянском языке самим автором.

Кроме печатных южнорусских произведений, около половины XVII в. в Москве обращались рукописные списки южнорусских сочинений, изданных на польском языке, как православных, так и униатских. Мы знаем списки с *Perspectiv*'ы униата Кассиана Саковича, с *Λίθος*'а Петра Могилы. Они представляют перевод южнорусских сочинений на славянский язык.²⁵⁴

Москва сторонилась от обычного южнорусского литературного языка, сторонилась от польского языка и хотела оставаться при своем славянском языке.

По присоединении Киева к Москве южнорусским ученым пришлось разрешить дилемму: или писать по-прежнему на обычном языке, но не претендовать на распространение своих сочинений в Москве, или обратиться к тому языку, к которому они прибегали редко, — к церковнославянскому.

Большая часть южнорусских деятелей, которые писали в 60-х, в 70-х, отчасти в 80-х годах XVII в., получили воспитание и усвоили литературные привычки во время господства поляков в Киеве и вообще в Южной Руси. Естественно, им было трудно резко изменить преданию, но все-таки в их трудах мы находим значительные новшества сравнительно с трудами предшественников. Наиболее верным преданию остался Иоанникий Галятовский. Главные его труды — «Ключ разумения», или собрание проповедей с наставлением, как составлять проповеди, напечатанный в первый раз в 1659 г., «Небо новое», или собрание рассказов о чудесах богородицы, напечатанное в первый раз в 1665 г., «Мессия праведный», сочинение против евреев, напечатанное в первый раз в 1669 г., — все имеющие более или менее популярный характер, написаны и изданы на западнорусском языке с примесью, довольно значительною, малорусизмов вроде *що*, *ei* (род.), *камѣня* (имен. ед.), *учитель*, *церковныѣ* (имен. мн.), хотя *ѣ* не выдержал: *девица*, *въ малженстве*. Полонизмы у Галятовского в необыкновенном изобилии, даже такие непереланные, как *вонтпиль*, *найпенкнѣй*. Некоторые из названных сочинений и несколько других полемического содержания («Старая церковь», «Беседа белоцерковская»)

были написаны и изданы Галятковским на польском языке. Церковнославянский язык Галятковским не был совсем употребляем.²⁵⁵

Его современник Лазарь Баранович, архиепископ черниговский, бывший в частых сношениях с московскими государями и пользовавшийся от их щедрот, был более внимателен к московским требованиям. Два огромные сборника его проповедей — «Меч духовный» и «Труба словес», изданные впервые в 1666 и 1674 гг., написаны на церковнославянском языке с небольшою примесью южнорусских особенностей и полонизмов.²⁵⁶ Тот же язык в панегирике Лазаря в честь царей Иоанна и Петра и царевны Софьи, изданном под названием «Благодать и истина Иисусъ Христомъ бысть» в 1683 г. Западнорусский язык был также употребляем Барановичем. На нем он написал и издал в 1677 г. описание чудес от Черниговской иконы божьей матери с нравоучениями, историческими параллелями и т. п. под названием «Чуда пресвятой дѣвы Марии». О польском языке должно сказать то же. Его мы находим в обширном полемическо-богословском трактате, направленном против католичества и унии, «Nowa miara starej wiary», 1676 г., и в целом ряде стихотворных трудов — в «Житиях святых, воспеваемых Аполлоном», 1670 г., в «Лютне Аполлоновой» 1671 г., в «Наияяснѣйшей неба и земли царицѣ» 1683 г.

Современник Галятковского и Барановича — Иннокентий Гизель. Мы знаем два его труда: богословское сочинение «Мир с богом человеку» 1669 г. и известный Синописис 1674 г., первый печатный труд по русской истории. Оба они изданы на церковнославянском языке.²⁵⁷

Из других южнорусских деятелей второй половины XVII в. можно упомянуть об Феодосии Сафоновиче, авторе сочинения «Выклад о церкви...» 1677 г., содержащего в себе популярные объяснения о том, что такое церковь, что означают разные священнодействия и т. п. (оно на западнорусском языке с малорусизмами и полонизмами),²⁵⁸ об Антонии Радивилковском, авторе книги, изданной сперва под названием «Огородок Марии Богородицы» 1676 г., потом под названием «Венец Христов» 1688 г. и заключающей в себе проповеди на западнорусском языке с малорусизмами и огромным количеством полонизмов;²⁵⁹ наконец, о неизвестном по имени авторе школьной пьесы об Алексее, человеке божьем, написанной в честь царя

Алексея Михайловича и напечатанной в 1674 г. также на западнорусском языке. В ней интересны речи мужиков, говорящих на малорусском языке, хотя и не особенно чистом.²⁶⁰ Сверх того, мы отметим небольшой словарь, относящийся ко второй половине XVII в. и дошедший до нас в рукописи. Это словарь западнорусского делового языка, наполненного полонизмами, в котором западнорусские слова объясняются церковнославянскими словами. Очевидно, этот словарь был составлен для того, чтобы человек, привыкший владеть западнорусским языком, мог писать по-славянски.²⁶¹

Следующее поколение южнорусских ученых действовало уже в то время, когда Киев и вся московская часть Южной Руси вошли в состав московского патриархата и для киевлян открылась дорога в Москву на видные места в московской иерархии, когда борьба с католичеством и унией почти прекратилась, когда православию в Киеве не угрожали опасности.

Старший из них — Иоанн Максимович, архиепископ черниговский, после митрополит тобольский — писал исключительно на славянском языке. Его сочинения и переводы, поступавшие в печать одно за другим, — то прозаические, то стихотворные. Назову из них два: «Алфавит», или стихи в честь святых, расположенных в алфавитном порядке, 1705 г., и «Богородице дѣво», или стихи в честь богородицы с описанием чудес от ее икон, 1707 г. Конечно, славянский язык их не свободен от малорусизмов, вообще не особенно чист.

Другой южнорусский писатель, современник Петра I Димитрий Савич, после митрополит ростовский, также писал по преимуществу по-славянски. Первый его труд — «Руно орошенное», описание чудес Черниговской иконы божьей матери с беседами, нравоучениями и т. п., напечатанный в первый раз в 1680 г., имеет порядочное количество местных черт: *монастырѣ, пастырѣ, утварѣ, образѣ еи, постыгаю, работою грѣхѣ казнено*. Другой труд, начатый им в Южной Руси, Четьи Минеи (первая часть 1689 г.), имеет уже более чистый славянский язык. Другие труды Димитрия принадлежат уже Северной Руси.²⁶²

Обратимся к Стефану Яворскому и Феофану Прокоповичу. Первый, закончивший свое образование в Польше, имел большую склонность к употреблению польского языка. Он славился как поэт и был удостоен в Киеве лав-

ров. Все его панегирики написаны или на польском, или на латинском языке. Польский язык мы видим в «Эхо вопиющего в пустынь», в честь Мазепы, 1689 г., в «Арктось», в честь митр. Варлаама Ясинского, 1690 г., в «Полноте хвалы», в честь того же Ясинского, 1691 г. На латинском языке им написан «Hercules post Atlanten», также в честь Ясинского, 1684 г. Русский язык является лишь в одном произведении Яворского за все время пребывания его в Южной Руси, в проповеди при свадебном венчании племянника Мазепы Обедовского, напечатанной под названием «Виноград Христов» в 1698 г. Он обычный западнорусский с малорусизмами и славянизмами, но стихи на герб Мазепы, помещенные при проповеди, написаны на славянском языке.²⁶³

Феофан Прокопович, завершивший свое образование в Риме, не мог иметь большой привычки к польскому языку. Польский язык является в его сочинениях редко.²⁶⁴ Обыкновенно мы видим во время жизни Феофана на юге язык славянский. Он является в его разговорах, в его драме «Владимир», в его проповедях по случаю Полтавской победы и в честь Меншикова и не отличается особою чистотою. Замечательно, что у Прокоповича даже селянин, т. е. мужик, говорит по-славянски.²⁶⁵

Большая часть литературной деятельности Яворского и Прокоповича, как известно, принадлежит северу. Они первые из южнорусских ученых достигли высшего сана в русской иерархии. За ними последовали другие, и южнорусские ученые, прежде умиравшие на юге в сане архимандритов и игуменов, быстро заняли видные и выгодные места епархиальных архиереев. Московская Славяно-греко-латинская академия быстро перетянула к себе лучших преподавателей Киевской академии. Южнорусская литературная производительность быстро уменьшилась. XVIII век беден южнорусскими, в частности киевскими, сочинениями. Наиболее замечательные из тех, которые до нас дошли, принадлежат преподавателям пиитики в Киевской академии — это драмы и интермедии.²⁶⁶

Перед нами «Иосиф патриарха» Лаврентия Горки, драма, представленная в Киеве в 1708 г. Язык славянский, довольно чистый, с небольшим количеством малорусских особенностей и полонизмов. Перед нами «Милость божия Украину свободившая» 1728 г. И здесь мы видим

славянский, хотя не особенно чистый, язык.²⁶⁷ Перед нами «Комическое действие на рождество Христово» и «Властотворный образ человеколюбия божия» Довгалева, представленные в 1736 и 1737 гг.²⁶⁸ Язык их славянский, но в интермедиях мы иногда встречаем народный малорусский язык. Эти интермедии — юмористические и сатирические сцены, в которых действующими лицами являются малорусы-мужики, казаки, литвины (т. е. белорусы), москали, поляки, цыгане, жида. Каждый из них говорит на своем языке, со своими особенностями: малорус говорит по-малорусски, белорус по-белорусски, москаль по-великорусски, поляк иногда по-польски, цыган и жид по-малорусски, но со своими особенностями в произношении. Малорусы у Довгалева говорят чистым малорусским наречием; белорус акает, дзекает и цоклет (*тобѣ, гавариць, дзѣткамъ*); москаль также акает (*какъ тие завутъ, гавари, вить мнѣ не далеко*); поляк употребляет польский язык (*добрже згаднилъ, мостпане, же я естемъ крыжакъ*); жид ставит *ц* вместо *ч*, *з* вместо *ж*, *с* вместо *ш* и т. д.

Перед нами, наконец, «Воскресение мертвых» известного Конисского, представленное в 1747 г. Самая пьеса на славянском, не особенно чистом языке, интерлюдии к ней одного характера с интерлюдиями Довгалева, т. е. в них действующие лица говорят своим народным языком, и, между прочим, малорусы, мужики и казаки употребляют малорусское наречие.²⁶⁹

Но рядом с этими произведениями по преимуществу на славянском языке мы имеем некоторое количество стихотворений, отчасти светских, но по преимуществу религиозных, относящихся к первой половине XVIII в. и составленных то на языке, близком к западнорусскому деловому, но заключающем в себе больше элементов малорусских, то на смеси славянского с малорусским. Это стихотворения монаха Климентия с полонизмами и славянизмами в языке,²⁷⁰ казака Семена Климовского (в том числе «Ихав козак за Дунай»)²⁷¹ и разных неизвестных авторов, вошедшие в старые сборники и нередко ходящие до сих пор в народе (псалмы). Из них те, которые подражают народным песням, или переделки народных песен имеют сравнительно чистый малорусский язык.

Вторая половина XVIII в., когда получили известность первые деятели новой русской литературы Ломоносов,

Тредиаковский, Сумароков, была тем временем, когда южнорусские авторы приняли великорусский литературный язык. Произведения киевского протопопа Леванды по языку ничем не отличаются от произведений московских и петербургских авторов. Вот, например, его стихи 1789 г.:

Ну, проняла зима и нас та холодами!
Да что ж? Очаков взят, так и зима с плодами,
Не видно знамянца с луною на валу,
Пошел Гюссейн-паша защитник в кабалу.
Довольно зрелой плод, но для Стамбула кисел;
Шестое декабря он вычернит из чисел.²⁷²

Харьковский философ Сковорода также употребляет великорусский литературный язык, хотя у него много славянизмов и встречаются малорусизмы.²⁷³

Таким образом, Южная Русь приняла великорусский язык, и он стал общерусским литературным языком. Но не вся. Та часть ее, которая не была присоединена Екатериною II и не вошла в состав Русского государства, Галиция, долгое время продолжала пробавляться то славянским языком, то смесью западнорусского с малорусским и польским, то польским. Мы знаем несколько проповедей, составленных в Галиции во второй половине XVIII в. Язык их — пестрая смесь разных элементов. Мы знаем небольшую летопись, составленную в Сатановском униатском м-ре в конце XVIII в., она написана на польском языке.²⁷⁴

§ 14. Деловой язык Южной Руси XVII—XVIII вв.

Мы не будем распространяться о деловом языке Южной Руси в XVII и XVIII вв. Он был в XVII в. тот же, что и в XVI в., т. е. это был западнорусский язык с многочисленными полонизмами и изредка, случайно с малорусизмами. Этот язык мы находим в актах, составленных южнорусским духовенством, с одной стороны, и в актах, составленных запорожцами — с другой. Первые, например протестация киевского духовенства 1610 г., не имеют церковнославянского элемента. Вторые, например протестация запорожцев 1610 г., не имея славянского элемента, имеют очень малое количество малорусского элемента (*видимость, смилъ, мисце, мили*).²⁷⁵ Южнорусские

писатели, даже те, которые иногда употребляли славянский язык, в деловых бумагах и в переписке между собою пользовались западнорусским языком или даже польским. Западнорусский язык употреблен в документах Петра Могилы, в письмах Димитрия Ростовского. Позже, при московском владычестве, в отошедшей к Москве части Южной Руси западнорусский деловой язык сохранился благодаря тому, что Москва не коснулась местных судов и местного самоуправления, так что он был в ходу не только в XVII, но и в XVIII в. Только екатерининские реформы, а потом введение свода законов, уничтожившего до известной степени действие Литовского статута и других законов литовско-польского происхождения, положили конец употреблению западнорусского делового языка и повели к употреблению великорусского наречия.²⁷⁶ В польской части Южной Руси он был мало-помалу, кажется, еще в XVII в. вытеснен польским языком.

§ 15. Письменность Москвы во второй половине XVII в.

Возвратимся к московскому литературному языку. Мы видели, что литературным языком в Москве XVI в. был язык славянский и что лишь в немногие литературные произведения был допущен живой великорусский язык по московскому говору, т. е. без новгородских или каких иных провинциальных особенностей.

XVII век остался при старом литературном языке. Его мы видим в первой половине XVII в. в печатных книгах вроде «Кирилловой книги», в сочинениях Авраамия Палицина,²⁷⁷ сочинениях князя Шаховского,²⁷⁸ в небольшом количестве вновь составленных житий святых. Его мы видим и во второй половине, когда в Москве водворились южнорусские ученые Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, но в это время он, и без того искусственный и тяжелый, принимает еще более искусственный характер, становится еще более тяжелым. Причина такого изменения заключалась во влиянии южнорусских ученых и южнорусской славянской грамматики.

Один из южнорусских ученых, Симеон Полоцкий, вышел из Киевской академии хотя и со знанием славянского языка, но без привычки им владеть. Первые его

литературные труды были на западнорусском языке, или, как он говорит сам:

Писахъ въ началѣ по языку тому,
Иже свойственный бѣ моему дому.

Но сношения с Москвою, от которых он ждал себе много выгод, а потом переезд в Москву заставили его обратить внимание на литературный язык Москвы. И вот он начал учиться чистому славянскому языку:

Взяхъ грамматику, прилежахъ читати,
Богъ же удобно даде ми ю знати. . .
Тако славенскимъ рѣчемъ приложихся;
Елико далъ Богъ, знати, научихся;
Сочинение возмогохъ познати
И образная въ славенскомъ держати.²⁷⁹

Его многочисленные труды — и богословские, и ораторские, и поэтические, и драматические, — все написаны одним «чистым» славянским языком, по всем правилам грамматики Смотрицкого. Этот язык, во многом отличный от языка церковных книг, тяжел, лишен живости и простоты и как этими качествами, так и правильностью резко отличается от славянского языка московских грамотеев, хорошо знакомых с церковными книгами и привыкших к употреблению языка этих книг.²⁸⁰

Другой южнорусский ученый, Епифаний Славинецкий, гораздо лучше владевший славянским языком, чем Симеон, был знатоком греческого языка и много переводил с этого языка. Он старался быть как можно ближе к оригиналу, и его буквральность доходила до странностей: он передавал глагол *σταυρόω* не через обычное *распяти*, а через *укрестовати*, название *Ρώμη* не через обычное *Римъ*, а через *Ромъ*. Привычка писать по-славянски с греческою конструкцією отразилась на его немногочисленных оригинальных произведениях-проповедях; они тяжелы по изложению и страдают неправильностями в синтаксисе и расположении слов.²⁸¹

Ученики Епифания шли по его следам. В то время как умный и талантливый ученик Симеона Сильвестр Медведев, держась славянского языка, писал на нем довольно легко, лучше своего учителя, ученики Епифания монах Евфимий, Карион Истомина и др. взяли за образец труды Епифания, и их язык отличается тою же тяжестью, как и язык их наставника.²⁸² Этот язык является в важ-

нейших произведениях второй половины XVII в. Его мы видим в официальных изданиях московских патриархов: в «Остне», в «Щите веры», в «Увете духовном»,²⁸³ в переводах сочинений Лихудов, в трудах, по преимуществу переводных, Евфимия, «Имени новом» и в «Букваре» Кариона Истомина.

Конечно, другие писатели второй половины XVII в., не бывшие под влиянием Симеона или Епифания, писали на более простом славянском языке. Таков неизвестный автор сборника проповедей «Статира»,²⁸⁴ таковы авторы житий, таковы некоторые из писателей только что начавшегося раскола. Один из них, известный протопоп Аввакум, писал на плохом славянском языке, который был близок к живому говору, но который замечателен по своей живости, силе и ясности. Это явление единственное в своем роде.²⁸⁵

Но все-таки идеальный славянский язык, к употреблению которого стремились русские авторы второй половины XVII в., отличался крайнею тяжестью, был далек от живого языка и, следовательно, малопонятен. Между тем число грамотных людей в это время было уже весьма значительно, потребность в чтении была велика, и читатели не хотели ограничиваться старыми поучениями и житиями. Они хотели иметь «повести» не только религиозного, но и светского характера, все равно оригинальные или переводные. Спрос на повести повел к появлению целого ряда повествовательных произведений.²⁸⁶

Старшие из них — повесть о Савве Грудцыне и о безумной Соломонии, — относящиеся, вероятно, к концу первой половины XVII в. и отличающиеся строго религиозным характером, написаны на славянском языке, довольно плохом, т. е. сбивающемся на живой русский. То же должно сказать о повести о купце Басарге, светского содержания.²⁸⁷ Из более поздних мы обратим внимание прежде всего на огромный сборник повестей религиозно-чудесного содержания «Зерцало великое». Он был переведен с польского в 1677 г. по повелению царя Алексея Михайловича, следовательно, под руководством или Симеона Полоцкого, или Епифания. Понятно, язык его имеет ученый характер и, несмотря на простоту содержания повестей, довольно тяжел. Переводчики поставили себе задачею везде, где можно, употреблять славянские слова и формы и избегать русских. Отсюда многочислен-

ность редких славянских слов, славянские формы вроде *избавль*, *начать*, славянские искусственные обороты.²⁸⁸

Другой сборник повестей религиозно-чудесного характера, переведенный в Москве с западнорусского простолудином Никитою, «Звезда пресветлая», также имеет славянский язык, недурной, но и не такой искусственный, как в «Зерцале». Находящиеся при «Звезде» добавочные повести русского сочинения изложены на славянском языке.²⁸⁹

Третий сборник повестей, уже исторического характера, переведенный с польского, — знаменитые «Римские деяния» (*Gesta Romanorum*), также на славянском языке с полонизмами и белорусизмами.²⁹⁰

Четвертый сборник повестей исторического и философского характера, переведенный с польского, — «Апофтегмата», опять-таки, несмотря на вполне светский характер, на довольно недурном славянском языке, впрочем с полонизмами.²⁹¹

Пятый сборник повестей, уже юмористическо-сатирического характера, переведенный с польского, «Фацецы, или Жарты польский», несмотря на свое не только вполне светское, но также не совсем скромное содержание, все-таки написан на славянском языке, правда очень плохом, не свободном от полонизмов и белорусизмов, но изобилующем аористами, имперфектами и т. п. Вот образец:

«Един нѣкий гражданин имѣ гладкую у себѣ жену, самже бѣ пьяница великий, и втаковѣмъ своемъ пианстве приведе жену до сего, иже возлюби некоего юношу и симъ недостаток мужний къ себѣ исполнила. . . Нѣкоего времени мужу не вельми пиану бывшу, нача сго жена из дому выживати. Онъ же помысли въ себѣ, яко не туне сго жена изъ дому женеть, и сие мысля, положи еже изъ дому изыти и не пити».²⁹²

Здесь мы имеем рядом славянские слова и простонародные (вульгарные) русские, славянские обороты вроде дательного самостоятельного и русские идиотизмы.²⁹³

Если мы обратимся к отдельным повестям, романам и драматическим произведениям, переведенным во второй половине XVII в. по большей части с польского или немецкого, то и в них встретимся с тем же славянским языком, с аористами, имперфектами, причастиями на *-щий* и т. п. Сюда принадлежат: Повесть о бражнике,²⁹⁴ повесть о Шемякином суде,²⁹⁵ роман о семи мудрецах,²⁹⁶

роман о Мелюзине,²⁹⁷ роман о Петре Прованском Золотые ключи,²⁹⁸ о Василии Златовласом.²⁹⁹ Нельзя сказать, чтобы язык их был правилен, переводчики их иногда обращались со славянскими формами и оборотами довольно бесцеремонно. Но неправильности вместе с русскими простонародными словами и выражениями придают им особый колорит и не лишают язык их известной живости. Сюда принадлежат все драматические пьесы, переведенные при царе Алексее Михайловиче и представленные на придворном театре под руководством пастора Грегори. Их язык, славянский, таков, что позволяет подозревать участие в переводе Симеона Полоцкого. Вероятно, он переделывал в славянский тот более или менее чистый русский язык, на который переводили пьесы переводчики Посольского приказа.³⁰⁰

Рядом с ними мы имеем несколько произведений повествовательного характера, светского содержания на более или менее чистом русском языке. Это сказка о Еруслане Лазаревиче, повесть о Фроле Скобееве и сатирическая челобитная монахов Колязина м-ря.

Сказка о Еруслане (или как герой назван в старшем списке XVII в. — Уруслане) принадлежит к числу исключительных явлений. Это, по-видимому, изложение татарского пересказа одного эпизода известной персидской поэмы Шах-наме, того эпизода, отрывок которого нам хорошо известен из сочинений Жуковского. Лицо, составившее сказку, нам неизвестно. По-видимому, оно трудилось в половине XVII в. Чистота русского языка, т. е. свобода от церковнославянских форм и слов, замечательна (можно отметить лишь одну форму аориста *изъѣде* и одно *щ* вместо *ч*: *хощу*). Народные слова и обороты на каждой строке: тут мы находим слова *шоломя*, *толды*, *потчивати*, формы *собя*, *хошь*, обороты вроде именительного с неопределенным. Вот маленький отрывок: «И князь Залазарь закручинился и домой пришолъ добрѣ не весель. И вышелъ встрѣчати противъ его сынъ его Урусланъ и говорить такъ: батюшка, государь князь Залазарь! Доселева ты, государь, отъ царя прихаживаль весель и радостень, а нынѣ домой пришолъ еси невесель: пецто не по тебѣ, государь, у царя честь была? али не по тебѣ царь слово молвить?»³⁰¹

Повесть о Фроле Скобееве принадлежит к числу оригинальных русских сочинений второй половины XVII в.

Язык ее чистый русский, очень похожий на тот, какой мы встречаем в документах, т. е. на деловой, подьяческий. Это позволяет предположить, что автор принадлежал к числу приказных. Главная особенность его языка — живость и вместе простота. Периоды его состоят по преимуществу из кратких главных предложений и из самых обыкновенных придаточных. Церковнославянский элемент ничтожен, и мы встречаемся только с теми особенностями славянского языка, которые тогда уже вошли в обыденный язык московского образованного общества. Вот образец языка: «И стала та мамка говорить госпожѣ своей Аннушкѣ: полноте, дѣвицы, играть! я вамъ объявлю другую игру, какъ мы смолоду игрывали. И та Аннушка не стала преслушна воли мамки своей и стала говорить: ну, мамка, какъ твоя воля на всѣ наши дѣвичьи игры». Или вот еще место: «И Ловчиковъ сталъ въ великом сумнѣнии и сказалъ ему: настоящий ты плут! Что ты надо мною сдѣлал? Добро! Какъ могу, буду предстательствовать». ³⁰²

Челобитная монахов Калязина м-ря представляет подражание обыкновенным челобитным и старается, понятно, воспользоваться обычным деловым языком своего времени. Церковнославянский элемент, понятно, очень слаб, он ограничивается тем, что вошло в постоянное устное употребление грамотных людей того времени. Вот отрывок: «Жалоба намъ, богомольцам твоимъ, того же Колязина монастыря на архимандрита: живетъ опъ негораздо, забывъ страхъ божий и монашеское обѣщание, и досажает намъ, богомольцамъ твоимъ, вельми; научилъ онъ, архимандрить, пономарей плутовъ не во время въ колокола звонить, въ доски колотить». ³⁰³

Сверх того, как ранее «Иконописный подлинник» был составлен на русском языке, так в XVII в. стали являться на этом же языке кое-какие переводные учебники по разным наукам. Язык их хотя русский, но не особенно чистый. Вот известная задача из арифметики XVII в.: «Летѣло стадо гусей, въ стрѣчу имъ 1 гусь и рече: Богъ въ помочь летѣти сту гусей. И гуси ему сказали: не сто насъ гусей въ семь стадѣ летить; насъ летить стадо, а какъ бы къ намъ еще столько, до полстолька, да четверть столька, да ты гусь и то было бы сто гусей». ³⁰⁴ Впрочем, обыкновенно и в медицинских, и в математических, и в других сочинениях ученого или учебного характера мы видим и

славянский язык. Космография, например, была переведена Епифанием Славинецким.³⁰⁵

Наконец, мы имеем в списках XVII в. несколько произведений народной словесности, записанных, вероятно, во второй половине этого столетия: сказок и басен, иногда целиком, иногда в переделке. В первом случае мы также имеем чистый русский язык, иногда со славянизмами. Так, в народной поэме о Горе-Злочасти, записанной в XVII в., чистый русский язык,³⁰⁶ в сказании о семи богатырях³⁰⁷ мы находим несколько славянизмов (*аще* и т. п.).

Итак, Москва XVII в. обыкновенно употребляла славянский язык, т. е. язык церковных книг, то более искусственный, как у Симеона, Епифания и их учеников и последователей, то более простой, более близкий к живому русскому, как в повестях и романах. Идеалом литературного языка был язык Симеона и Епифания, тяжелый, понятный только для хорошо грамотных людей. Рядом с этим языком стал понемногу расширять свое употребление живой русский язык. Он является то в оригинальных повестях светского характера, то в учебной литературе, — вообще он становится уже заметным.

В то же время московский деловой язык расширял свое употребление.³⁰⁸

Прежде чем начать говорить о литературном языке Петровской эпохи, мы должны сказать несколько слов о великорусском живом языке конца XVII и начала XVIII в.

Мы уже видели, что, несмотря на отсутствие организованных школ, грамотность в Московской Руси уже в XVII столетии была довольно распространена. Когда Москва оправилась от бедствий междуцарствия, она по отношению к грамотности пошла вперед. Вторая половина XVII в. была уже сравнительно богата грамотными людьми разных сословий. Кроме духовенства, грамотного поголовно за самыми незначительными исключениями, кроме очень многочисленного класса приказных мы видим довольно большое количество грамотных среди бояр и дворян, даже среди простолюдинов, и притом не только между мужчинами, но и женщинами.³⁰⁹ Царь Алексей Михайлович получил для своего времени порядочное образование и был весьма любознательным человеком, охотником до чтения; его старшие сыновья обучались, как известно,

под руководством Симеона Полоцкого, и из них Федор не только любил стихи, но и сам слагал их; мы знаем его епитафию Симеону.³¹⁰ Сверх того, он знал польский язык. Царевна Софья была не только грамотная, но по-своему образованная девушка. Даже Петр, и тот, несмотря на смутные времена своего детства и на свое положение при дворе при Федоре и Софье, получил сносное воспитание.

Первоначально, конечно, живой язык грамотного и неграмотного был один и тот же, так что речь грамотного ничем не отличалась от речи неграмотного. Но с течением времени, когда в Москве и других городах Московской Руси грамотные пошли поколение за поколением и когда сложились кружки грамотных людей, например приказных, то грамотность мало-помалу повела к изменению живого языка. Это изменение выразилось не в переходах звуков один в другой и не в образовании каких-нибудь форм: звуки и формы у грамотных остались те же, что и у неграмотных. Оно произошло от внесения в живой русский язык церковнославянского элемента.

Мы должны припомнить, что обучение грамоте в старой Руси происходило не иначе как по церковным книгам, обыкновенно по часослову или псалтыри,³¹¹ что церковные книги при этом заучивались наизусть, что почти вся литература была на церковнославянском языке, что человек, сколько-нибудь любивший чтение, должен был привыкнуть к употреблению церковнославянских слов. Вследствие этого язык грамотных людей в его обычном повседневном употреблении принял в себя значительное количество славянизмов и отчасти заменил ими соответствующие им русские слова, отчасти пополнил ими русский словарный материал. Это произошло уже в XVI—XVII вв. Таким образом, в живом русском языке явились слова, употребляемые теперь нами и находящиеся в современном нашем литературном языке как чистые русские, вроде *возвращать*, *развращать*, *наслаждаться*, *заблуждаться*, *смуцать*, *учреждать*, *рассуждать*, *подтверждать*, *понуждать*, *надежда*, *одежда*, *странный*, *влажный*, *глава*, *главный*, *краткий*, *мрачный*, *призрак*, *превратный*, *чрезвычайно*, *враг*, *равный*, *разный*, *распря*, из которых одни стали употребляться в одном значении с русскими, рядом с ними: *смуцать* и *смучать*, *понуждать* и *понужать*, *враг* и *ворог*, *равный* и *ровный*; другие в другом значении, как слова отличные от русских: *развращать* и

разворочать, странный и сторонний, превратный и переворотный. Сверх того, в живом русском явилась масса церковнославянских причастий на *-щий* и других, чуждых русскому языку.³¹² Язык неграмотных, целыми поколениями находившихся под очень слабым влиянием церковнославянского языка, если не остался вполне свободным от церковнославянизмов, то все-таки принял их чрезвычайно мало.

Церковнославянизмы обособили язык грамотного, или, пожалуй, образованного общества Москвы от языка неграмотного люда и положили начало тому различию между литературным языком и народным, точнее, простонародным языком, которое так чувствуется в наши дни. Сверх того, еще одна особенность легла между языком грамотных и неграмотных. Это аканье. Так как Москва, центр образованного общества, в XVI—XVII вв. акала не менее, чем теперь, подобно другим местностям московского государства с южновеликорусским наречием, то аканье сделалось одною из принадлежностей языка этого общества, хотя бы его члены жили среди окающего населения, например в Новгороде, и хотя бы они были уроженцами окающих мест. Мы не знаем, насколько сильно аканье было распространено среди грамотных людей окающего Севера, но мы имеем доказательства его существования в рукописях XVII в. Перед нами список так называемой II Новгородской летописи, сделанный, вероятно, в Новгороде лицом местного происхождения. Последнее видно из довольно частого употребления им *и* вместо *ѣ* и *е* вместо *я*: *старийший, в Киеви, на двори, скорийший, похоронѣша, хоти, деревеный, с уличены.*³¹³ Но мы находим в нем довольно много следов аканья. Переписчик, плохой грамотей, нередко пишет то *а* вместо *о*, то *о* вместо *а*: *золужи, зарожень, подоша, зогорѣся, провади, царь Ардинский, полтараста, по воластемъ, лапатъку, мазовишеса, наворотжные.*

Этот полный славянизмов и акающий язык образованного общества первое время не находил себе отражения ни в литературном, ни в деловом употреблении: собственно литературные произведения писались на языке славянском; деловые бумаги разных наименований писались по установившимся образцам, в одних и тех же выражениях, так, как писались прежде, до появления особого языка в образованном обществе, следовательно, на старом, еще

чуждом славянизмов русском языке. Только немногие произведения второй половины XVII в. написаны на языке образованного общества, не на славянском и не на чистом русском языке, — это повесть о Фроле Скобееве да, пожалуй, повествование о России Котошихина.³¹⁴ Зато в Петровскую эпоху этот язык выступил в довольно видной роли.

§ 16. Письменность Петровской эпохи

Как известно, Петровская эпоха была эпохой разных реформ, между прочим, она была эпохой реформ в литературе. То, что называется теперь публицистикой, до Петра было почти неизвестно. «Куранты», которые существовали при Алексее Михайловиче, имели в виду не публику, а царя, и сохранились только в одном экземпляре, изготовленном в Посольском приказе.³¹⁵ Единственная вещь, имеющая публицистический характер и изданная при Алексее Михайловиче, это лист о сошном письме.³¹⁶ («Уложение», конечно, к числу публицистических изданий не относится). Обыкновенно объявление царских распоряжений публике происходило в XVII в. при помощи посылки из Москвы указов воеводам, которые тем или иным путем устно сообщались находившимся под их управлением царским подданным. При Петре у нас появились печатные ведомости, сначала в Москве, потом в Петербурге,³¹⁷ стали издаваться разного рода манифесты, реляции, вообще правительственные объявления, пошли в ход книги публицистического характера вроде «Рассуждения» о войне со шведами Шафирова, «Правды воли монаршей» Феофана Прокоповича.

Сверх того, как известно, Петр создал немало новых учреждений вроде Сената, Синода, коллегий, адмиралтейства. Новые учреждения с совершенно неизвестными прежде делами не могли пользоваться старыми образцами и вместе старым языком, да известные всем симпатии царя к иностранщине понуждали к заимствованию иностранных деловых образцов. Вследствие этого последовало введение разных «проmemорий», «репортов» и т. п., которые заменили старые «выписки», «отписки».

Естественно, новые виды литературной и деловой письменности должны были ввести в литературное употребление новый литературный язык. Царь желал объявлять

публике о том, что происходило в государстве; конечно, он должен был желать, чтобы объявления писались на языке, для публики достаточно понятном. Последний, по его мнению, был тот, которым говорил он сам, царь, и которым говорил весь грамотный люд. Понятно, он приказывал писать на языке образованного класса. Равным образом царь желал видеть вполне удобопонятное дело-производство. Естественно, он приказывал писать бумаги на том языке, которым говорил он сам.³¹⁸

Так явился новый литературный язык, смесь двух прежних языков — вполне русский в звуковом, почти вполне русский в формальном отношении, но далеко не вполне русский в словаре.

Но обратимся к памятникам.

Славянский язык, бывший в огромном употреблении в XVII в., не мог исчезнуть из употребления в самом начале XVIII в., тем более что целый ряд писателей были не великорусского происхождения, следовательно, не владели языком московского образованного общества; они могли писать для всей России только на славянском языке. Понятно, его мы видим в Петровскую эпоху в огромном большинстве и оригинальных, и переводных произведений — и в начале царствования Петра, и в конце.

Искусственный славянский язык не только с аористами, имперфектами, *егда, аще, иже, понеже* и т. п., но и с редкими и малопонятными славянскими формами и словами мы видим прежде всего у ученика Лихудов и друга монаха Евфимия, учителя Славяно-греко-латинской академии Федора Поликарпова в предисловиях к составленным им тремя языками букварю и тремя языками словарю.³¹⁹ Далее, мы встречаемся с ним у новгородского митрополита Иова в его ответе на подметное письмо о рождении антихриста 1707 г. Тут мы находим слова вроде *молвотворецъ*.³²⁰ Далее мы встречаемся с этим языком в «Пращице» Питирима 1721 г., сочинении против раскольников. Тут мы находим, например, такое слово, как *вознепщевати*.³²¹

Гораздо более был в ходу славянский язык сравнительно простой и вполне удобопонятный, без прикрас. Аористы, имперфекты, дательные самостоятельные в нем были в полном употреблении; слова вроде *аще, егда, понеже, яко, убо, обряцу, хоцу* — его непременная при-

падлежность; формы вроде *волцы, царие, нозѣ, о грѣсѣхъ* — также. Этот язык употреблялся авторами и переводчиками, и людьми московского происхождения, и южнорусскими выходцами. Его мы видим в проповедях и других произведениях Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского.³²² У Феофана он доходит до значительной простоты: и в проповедях, и в Духовном регламенте, и в объяснении евангельских блаженств Феофан, стремясь к живости и ясности речи, иногда как бы забывает о существовании славянских форм и употребляет вместо них русские. Вот отрывок из его проповеди: «Вопросимъ естественнаго разума. Ты ктолибѣ еси, имѣешь невольныя рабы, или и вольныя служители, скажи же, молю тебе, когда служащему тебѣ велишь: подай пить, а онъ шапку принесетъ, угодно ли? знаю, что скажешь: и вельми досадно. Чтожъ, когда велишь ему на село ѣхать осмотрѣть работниковъ, а онъ ниже мыслить о томъ, но стоя предъ тобою кланяется тебѣ, и хвалить тебе многими и долгими словами, сие уже и за нестерпимую укоризну тебѣ почитать будешь».³²³ Как можно видеть из этого отрывка, Феофан находил возможным писать *велишь*, а не *велиши*, *подай*, а не *подаждь*, *пить*, а не *пйти*, *когда*, а не *егда*.

Остановимся на некоторых отдельных произведениях.

Как известно, в Петровскую эпоху у нас появилось довольно большое количество произведений, по большей части переводных, вполне светского характера. Первые из них были напечатаны славянским шрифтом в Амстердаме неким Коппиевским или Коппиевичем. Между ними мы находим и «руководение» в арифметику 1699 г., и панегирик в стихах «Слава торжеств и побед Петра» 1700 г., и «Езоповы басни» 1700 г., и «Книгу морского плаванія» 1701 г.³²⁴ Коппиевский, по-видимому западнорусский или южнорусский уроженец, довольно порядочно знакомый с славянским языком, переводил на этот язык. Кажется, в Книге морского плаванія и Арифметике он мог бы обойтись без славянщины, но он не мог обойтись без аористов, *егда, иже, хошу* и т. п. Вот для образца одна фраза: «Учение исхождения въ море есть умѣлость, еюже корабль отъ единого порту или пристанища къ другому или иному привождаетъ». Само собою разумеется, текст басен или панегирика наполнен славянщиною. Вот, например, несколько стихов из панегирика:

О бы можно, Орфей, тебе воскресити
И съ гуслими твоими къ себѣ упросити,
Ихъ же сладкопѣниемъ весело скакаша
Древа всякия. . .

За амстердамскими изданиями последовал ряд изданий того же рода в Москве то славянским шрифтом, то вновь введенным по образцу заграничных шрифтов русским гражданским.

В 1708 г. была напечатана в Москве интересная в своем роде книга «Приклады како пишутся комплементы», т. е. образцы, как писать вежливости.³²⁵ Она — не что иное, как перевод с немецкого языка. Перед нами так называемый «письмовник», т. е. образцы писем: как писать потентату к потентату, как писать поздравление с рождением сына, как отвечать на такое поздравление, как писать студенту к отцу, как поздравлять с новым годом и т. д. Напыщенный немецкий текст прикладов был переведен у нас почти буквально, и потому строй речи в них немецкий; но не в этом дело. Мы ожидали бы видеть здесь сколько-нибудь простой язык, но переводчик не уберегся от славянизмов. Молодой человек в «просительном» письме к «женскому полу» об устройстве свидания пишет: «понеже вы тако побожны, что васъ нигдѣ индѣ кромѣ церкви видѣть не получаю»; или студент, получив от отца деньги, уведомляет его: «никому ни шелегомъ не долженъ есмь»; или поздравитель с новым годом просит бога многие иные «послѣдующие новые годы въ непремѣнномъ благословении видѣти и счастливо окончати да сподобить».

В 1709 г. была напечатана книга о троянской войне средневековой латинской компиляции Гвидо да Колумны. Она могла быть переведенною на русский язык, но ее язык испещрен славянизмами, как можно видеть из заглавия: «Историа, въ ней же пишетъ о разорении града Трои Фригийскаго царства, и о создании его, и о великихъ ополчителныхъ бранехъ, какъ ратовашася о ней царие и князи вселенныя и чего ради толико и таковое царство Троянскихъ державцовъ низвержеся и въ полѣ запустѣния положися».³²⁶

В 1720 г. была напечатана книга Полидора Виргилия «О изобретателѣхъ вещей» исторического содержания. Это перевод с латинского. Здесь мы имеем дело с аори-

стами, имперфектами и прочими принадлежностями славянского языка.³²⁷

В 1724 г. был издан «Театрон, или Позор исторический» Стратемана, большой труд по всеобщей истории начиная с сотворения мира и кончая 1680 г. Это тоже перевод с латинского. Здесь опять обычная славянщина.³²⁸

Кроме большого количества печатных книг светского содержания, в Петровскую эпоху появилось порядочное количество романов, повестей, драматических пьес также светского содержания, не увидевших света в печати и известных по рукописям. Большая их часть — переводы, отчасти с польского, но главным образом с западноевропейских языков.

Перед нами оригинальная повесть о российском матросе Василии, составленная, вероятно, в конце Петровской эпохи, когда русские уже вполне освоились с «маршировками» за моря «для наук арифметических и разных языков». Язык этого произведения довольно живой, не свободен от славянизмов: аористов, имперфектов, *егда*, *понеже*, *аще*, *отвѣщати* и т. п.: «оной дворянинъ въ великую скудость прииде и не имѣяше у себя пищи», «выслушавъ отецъ его и даде ему благословение», «аще возвратитесь, то васъ всѣхъ побью». Впрочем, этих славянизмов немного, и автор дает иногда целые страницы на языке образованного общества.³²⁹

Перед нами ряд пьес, переведенных при Петре с немецкого в Посольском приказе. Язык их резко отличается от языка пьес, переведенных при Алексее Михайловиче. Аористы, имперфекты в нем отсутствуют, и он может быть назван языком образованного общества, но славянизмы в нем встречаются все-таки часто — как в речах серьезных, так и в речах шутовских. Так, мы читаем: *ты вотще боишися, почемъ меня мочно узнати, азъ готовъ, аще я съ ними поговорю, давай людямъ покой, ты бо ихъ не знаешь, той иже руку свою осквернилъ, тебя чаяли быти охотникомъ.*

Перед нами шутовские сцены крайне неприличного содержания. Вероятно, они принадлежат к числу тех, которые давались в Москве на, так сказать, частных театральных сценах для простого народа и о которых упоминают бывшие в Москве иностранцы. Они написаны рифмованною прозою, и язык их отличается живостью и простотою, но время от времени даже в нем встречаются сла-

вянизмы: *явиши милость, что печалишися и поеши унывно, повѣждь ми, господине мой, хощу погулять, что хоцешь взять.*³³⁰

Итак, литературный язык собственно литературных произведений Петровской эпохи — или славянский, или русский, испещренный славянизмами. Очевидно, вековая привычка к употреблению в литературе славянского языка была очень сильна, и нужно было пройти порядочному количеству времени, чтобы от нее освободиться.

Обратимся к публицистике.

Начну с двух известных произведений Петровской эпохи — с оправдания нового закона о престолонаследии, составленного Феофаном Прокоповичем под названием «Правда воли монаршей», 1722 г., и с «Рассуждения» о шведской войне, написанного П. Шафировым и изданного в 1717 г.

Язык первого в общем не отличается от языка других трудов Феофана, проповедей и книги о блаженствах, но он более прост. Аористы, имперфекты отсутствуют, но славянизмы не редкость: *человѣцы, аще, реци, хоцешь, дщерь, ушеса.*

Во втором мы имеем дело с трудом светского человека, не привыкшего к писанию проповедей. Шафиров был в полном смысле homo novus. Он себя называл сыном московского дворянина, но особенности языка выдают в нем западнорусского выходца. Его язык — тот язык, которым он говорил, язык образованного общества, но замечательно, что в нем много славянизмов, несомненно не бывших в живом употреблении. Между ними мы находим *обаче, азъ, еже, хощу, отрещи, аще.*

Перейдем к официальным правительственным бумагам. Перед нами «Юрнал» о взятии Нотебурга 1702 г.³³¹ Язык его не имеет ничего общего с деловым языком прежнего времени, это язык образованного общества. Славянизмов, таких, каких не могло быть в живом употреблении, крайне мало, можно отметить *понеже.*

Далее перед нами «Манифест, или Объявление о вероломном разрыве мира салтана турецкого Ахмета» 1711 г. Здесь мы имеем дело с тем же языком. Славянизмы есть: *егда, понеже,* формы неопределенного накл. на *-ти*, но их очень мало.³³²

Наконец, возьмем газеты. «Ведомости» петровского времени, сообщавшие о разных происшествиях в России

и за границей, писались на том же языке, опять с небольшим количеством славянизмов.

Сделаем вывод. Деловой язык петровского времени — живой язык образованного класса того времени, класса, к которому принадлежал царь и его двор. Он не был чистым русским языком, таким чистым, каким был деловой язык в Москве XV—XVII вв. Он заключал в себе довольно много славянизмов, из которых большая часть (едва ли не все) остаются в живом языке нынешнего образованного класса. Сверх того, в нем было небольшое количество славянизмов, едва ли встречавшихся в живом употреблении, принадлежавших исключительно письменному языку. Одни произведения публицистического и делового характера имели их больше, другие меньше. Вообще, язык их был недалеко от литературного, и нередко при сравнительно значительном количестве славянизмов в публицистическом труде и незначительном в литературном оба языка, деловой и литературный, совпадали. Так, можно назвать почти тождественными язык «Рассуждения» Шафирова и язык драматических пьес, переведенных при Петре.

Оба языка — и литературный, и деловой, в особенности деловой, — имели две частности, отличавшие их от прежних языков Москвы. Это 1) латино-немецкий склад речи и 2) варваризмы.

Латино-немецкий склад речи встречается в XVII в. крайне редко и представляется до известной степени случайным. Теперь он входит в моду, и длинные предложения с сказуемыми на конце и с определениями перед определяемыми встречаются весьма часто. Замечательно, что он является и у киевских выходцев, и у московских уроженцев. Его мы находим у Феофана, его мы видим в проповедях Феофилакта Лопатинского и Гавриила Бужинского, с ним мы встречаемся в публицистике, но он чужд языку митр. Иова, архиеп. Питирима, переводным и оригинальным повестям, даже драматическим пьесам.

Нельзя сказать, чтобы он способствовал ясности речи. Напротив, он крайне затрудняет непривычного читателя. Вот начало «Рассуждения» Шафирова: «Хотя при начатии сея войны межъ импернемъ Российскимъ и короною Шведскою со обоихъ странъ многия деклярации, манифесты и упиверзалы псьменные выдаваны суть,

однако жъ, понеже оны токмо по каждой страны интересу. . . въ краткихъ опредѣленяхъ были сочинены». Или вот начало манифеста о разрыве мира с Турцией 1711 г.: «Понеже безъ сумнѣнія всѣму свѣту явно, коимъ образомъ нынѣ владѣющий салтанъ турскій Ахметъ постановленный съ его царскимъ величествомъ от брата его салтана Мустафы предъ десятию лѣтами и отъ него самого прошлаго 1710 году подтвержденный и чрезъ грамоту къ его царскому величеству писанную клятвенно предъ всевышнимъ Богомъ утвержденный тридесатолѣтний миръ безъ всякой данной ему отъ е. ц. в. причины разорвалъ и войну въ Царѣградѣ прошедшего 1710 году публично объявилъ и потомъ его царскаго в. чрезвычайнаго посла тайнаго совѣтника господина Толстого противно всенародныхъ правъ варварски обезчестя въ заключение Ежкунъ нареченное посадить повелѣлъ. . .».

Что до варваризмов (латинизмов, германизмов и т. п.), то они, крайне редкие до Петра, при Петре вводились усиленно и не безъ успеха. Несомненно, к концу царствования Петра множество ихъ было усвоено более или менее близко стоявшими к двору людьми, а после Петра значительная ихъ часть вошла в обиход образованнаго общества и черезъ рядъ поколений перешла к нам.³³³ Но массе грамотныхъ Петровской эпохи они были малопонятны, и потому мы встречаемъ в изданияхъ этой эпохи любопытное явление: иностранные слова с переводомъ ихъ. Передъ нами манифестъ 1711 г. В немъ мы находимъ: *симъ манифестомъ или объявленіемъ, карловицкаго армистиція или перемирія*. Или передъ нами «Рассужденіе» Шафировъ 1717 г. Варваризмы в немъ в чрезвычайномъ изобилии, но почти при каждомъ изъ нихъ в скобкахъ мелкимъ шрифтомъ напечатанъ его переводъ: *апликація (речение), порт (пристанище), фортеца (крѣпость), куриозный (любопытный), патриотъ (отечества сынъ), амбиція (честолюбие), министръ (бояринъ), актъ (записка), трибутарій (данникъ), дивулгованъ (разглашенъ), штилизованъ (сочиненъ)*.

Конечно, труды Федора Поликарпова, митр. Иова, Питирима свободны отъ варваризмовъ, но Стефанъ Яворскій, Гавриилъ Бужинскій и особенно Феофанъ Прокоповичъ были не прочь вставить иностранное слово вроде *баталия, викторія*. Повести ими изобилуютъ. Повесть о матросе

Василии, несмотря на свои аористы, не гнушается варваризмами. Тут и такие, как *матросъ, флотъ, галера, персона, фронтъ, маршировать*, и такие, как *терминъ* (срок), *квартира, арфия, кавалеръ*. Петр, как известно, был любитель подобных слов, и потому они встречаются в официальных бумагах в огромном количестве. Некоторые из них, конечно, были необходимы. Они обозначали такие предметы или понятия, для которых мы не имели соответствующих слов. Таковы мореходные, инженерные и тому подобные термины. Но значительное большинство их было излишне. Они, войдя в язык русского образованного общества, обременили его излишними синонимами и много способствовали его отделению от народа, лучше сказать, сделали его малопонятным для простого народа. Между ними вошли и те глаголы на *-ировать*, которые служат образцами даже в наши времена для новейших заимствований из иностранных языков. Первоначально глаголы на *-ировать* были переделкою немецких глаголов на *-igen*, которые в свою очередь заимствовали окончания у французских глаголов на *-ir*. Но потом стали придавать это окончание почти всем иностранным глаголам, и мы имеем теперь *игнорировать, телеграфировать, ориентироваться* и др.

Славянский язык, как ученый, с редкими славянскими словами и с обилием славянских форм, так и простой, с одними аористами, имперфектами, доживавший при Петре свои последние дни в общерусской литературе, продолжал процветать в литературе раскольнической. Старообрядчество, несмотря на суровые преследования до Петра и при Петре, сумело организовать и сосредоточиться в нескольких центрах. Особенное значение было получено северным центром на реке Выге благодаря тому, что здесь поселились два ученых по-своему человека, братья Денисовы. Один из них, Андрей Денисов, отличался большим умом и литературным талантом. Денисовы усвоили себе не только старорусскую начитанность, но и то, что было введено в Москве киевскими учеными, между прочим стихи. Их произведения «История об отцах и страдальцах Соловецких» и «Виноград российский» в своем роде весьма замечательны. Разумеется, писали они на славянском языке, очень цветистом, изобилующем редкими славянскими словами и потому не особенно понятном. Они имели приемников, и раскольничьи

произведения тянутся до наших дней, обязательно на славянском языке, хорошем или худом. Таким образом, славянский язык у раскольников остается до сих пор литературным языком.

§ 17. Судьбы литературного языка в XVIII в.

Прежде чем перейти к Третьяковскому, Ломоносову, Сумарокову и к так называемой реформе литературного языка, мы скажем несколько слов о литературном языке в промежуточную эпоху от смерти Петра до начала царствования Елизаветы Петровны.

Перед нами обширная драма, представленная в Славяно-греко-латинской академии по случаю восшествия на престол Елизаветы Петровны «Стефанотокошь». Она ничем не отличается по языку от пьес Петровской эпохи, т. е. написана на славянском языке.³³⁴

Перед нами питомец Петра Татищев. Как известно, он писал довольно много, но центр его деятельности приходится на время после смерти Петра. Несомненно, в это время вполне определился его литературный язык. Он — тот язык, которым он говорил, язык образованных людей его времени, в нем также встречаются славянизмы вроде *яко*, *понеже*, сказуемые в конце предложений, но количество варваризмов умеренно, и можно думать, что все употребленные Татищевым варваризмы были в его время в живом обращении в обществе.³³⁵

Петр сделал первые шаги к сближению России и ее литературы с Западною Европою и западноевропейскими литературами. Многочисленные книги, переведенные при Петре с латинского, голландского, немецкого, итальянского языков в значительном большинстве имели специальный учено-учебный характер и не требовали особого внимания к своему языку. Переводчики, переводившие с живых языков, обычно были люди совсем незнакомые с литературою тех народов, языком которых они владели, взявшись за дело перевода единственно по царскому указанию. Это были главным образом подьячие и служилые иноземцы, усвоившие русский язык. Конечно, они не могли сделать никаких выводов об отношении литературного языка к живому в Западной Европе, тем более они не могли применить эти выводы к русскому языку. Дальнейшее сближение России с Западом было

произведено самими русскими. Небольшая группа русских усвоила себе вполне тот или другой иностранный язык и ознакомилась более или менее обстоятельно с иностранными литературами. Ей кинулась в глаза близость, почти тождество литературного языка на Западе с живым, а вместе с тем живость литературного языка Запада. Деятельность этой группы в России на поприще русской литературы, естественно, имела своим предметом сознательное сближение литературного русского языка с живым, т. е. с тем языком, который был в употреблении у образованного русского общества.³³⁶

Во главе этой группы можно поставить Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова. Из них Сумароков имеет сравнительно мало значения, так как он в сущности только продолжил дело Тредиаковского и Ломоносова. Эти последние, как известно, воспитались на славянском языке. Тредиаковский рассказывает о себе, что он прежде на славянском языке «не только писал, но и разговаривал со всеми» и хотел себя показывать «особым славенским речеточцем».³³⁷ Ломоносов учился в московской Славяно-греко-латинской академии и здесь, конечно, упражнялся в славянском языке не раз. Но они оба были занесены волею судьбы за границу, Тредиаковский — во Францию, Ломоносов — в Германию, усвоили себе один французский, другой немецкий язык и ознакомились с французскою и немецкою литературами. Первые их литературные опыты по своей принципиальной стороне уже резко отличались от того, что было в русской литературе при Петре: задача их заключалась в отделении славянского языка от русского.

До Петра название московского литературного языка «русским» почти совсем не встречается, обыкновенно он именуется «славянским». При Петре мы находим новое название «славенороссийский», — так переводчики вроде Бужинского, переводившие на славянский язык, определили национальность этого языка. Сверх того, при Петре встречается и название «русский». Копиевский говорит об одном своем переводе, что он сделан на «великороссийский диалект», но эти названия придаются языку, очень мало отличному от языка «славенороссийского», т. е. языку со славянизмами.³³⁸ Теперь Тредиаковский и Ломоносов начинают разграничивать два языка — славянский и русский. Первый они находят

в церковных книгах, для них славянский язык то же, что язык церковных книг, русский для них — живой язык образованного общества, в основании которого лежит московский народный говор.

Первый опыт Тредиаковского — перевод с французского «Путешествия» или, как он выразился, «Езды на остров любви». В предисловии к нему мы читаем следующее: «Не извольте погневаться, что я оную не славянским языком перевел, но почти самым простым руским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учил следующих ради причин. Первая: язык славенской у нас есть язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многия его наши, читая, не разумеют; а сия книга есть сладкия любви; того ради всем должна быть вразумительна».³³⁹ Язык «Езды на остров» действительно с полным основанием может быть назван русским. Тредиаковский употребляет русские слова и формы, избегая славянщины. Но последняя все-таки не отсутствует. Переводчик настолько привык к славянскому языку, настолько усвоил себе многое из того, что употреблялось до него, что не избег ни неопределенного наклонения на *-ти*, ни род. ж. р. на *-ья, -ья*: *сладкия любви, своя помѣщицы*; ни слов вроде *понеже, недоваѣтъ*. Следующие поэтические труды Тредиаковского, даже позднейшие, не представляют существенных изменений в языке, автор не может освободиться от славянщины.³⁴⁰ Вот, например, ода на взятие Данцига в тонической перделке — здесь мы читаем *гласъ, зритъ, днесъ, се*. Но прозаические труды вроде рассуждений и ученых исследований отличаются большою чистотою русского языка, впрочем, формы род. на *-ья*, слова вроде *понеже* в них также находятся. В общем язык Тредиаковского очень похож на язык манифестов и ведомостей Петровской эпохи с тою разницею, что мы не замечаем в нем латино-немецкой конструкции, хотя зато видим довольно неприятную, на наш взгляд, вычурность в выборе и расстановке слов и выражений, смесь тех элементов, которые Ломоносов назвал высокими и низкими. Вообще язык Тредиаковского показывает отсутствие чувства изящного в авторе. Язык его был одною из главных причин той дурной репутации, которою пользовался Тредиаковский у своих современников и которая следует за этим далеко не бездарным тружеником даже в наши

дни. Естественно, он не мог иметь большого влияния, и трудно найти русского писателя и переводчика, который бы взял себе за образец язык Тредиаковского.

Иное дело Ломоносов. Ломоносов посвятил языку два труда. Один — его грамматика русского языка. Нельзя сказать, чтобы славянский элемент не проник в русскую грамматику Ломоносова, но нужно иметь в виду, что даже мы, знакомые с историей русского языка, зачастую затрудняемся сказать, какие из лингвистических явлений исключительно славянские, какие вместе с тем и русские.

Другой труд — рассуждение «О пользе книг церковных в российском языке», или попытка определить, в каких литературных произведениях может иметь место славянский элемент и в чем должен заключаться этот элемент.

Ломоносов делит литературные произведения на высокие, средние и низкие и вместе с ними делит литературный язык на три стиля: высокий, средний и низкий.³⁴¹ По его определению, ода, поэма, ораторская речь требуют высокого стиля; трагедия, сатира, элегия, эклога, прозаическое описание дел достопамятных — среднего; комедия, песня, эпиграмма, прозаическое описание обыкновенных дел, письма — низкого. Те славянские слова, которые редки и малопонятны, вроде *овогда*, *обаваю*, признаются совсем негодными для русского литературного языка и в него не допускаются. Прочие славянские слова, т. е. те, которые понятны для всех грамотных людей, но в обыкновенной речи не употребляются, вроде *отверзаю*, *взываю*, *насажденный*, напротив того, признаются необходимыми для высоких произведений и в приличных случаях допускаются в средние. Низкие произведения освобождаются от славянского элемента.

Ломоносов вполне следовал своей теории. Если мы возьмем его оду, поэму, ораторскую речь, мы увидим много последовательно проведенного славянского элемента. Вот в поэме «Петр Великий»: *град*, *гласить*, *дщерь*, *брег*, *един*. Если мы возьмем его письмо, то в нем совсем не найдем славянины. Вообще, славянские слова и очень немногие славянские формы вроде род. ж. р. на *-ья* являются у него по преимуществу в стихах. Большая часть прозаических произведений свободна от славянского элемента. При этом наблюдается постоянное равновесие

между славянским и русским элементом, умеренность в пользовании первым. Эстетически чуткий Ломоносов тщательно избегает употребления славянских слов рядом с вульгарными русскими, и у него нет в одах ни одного места со сколько-нибудь, на наш взгляд, смешным сочетанием слов. Вообще его язык даже в стихах отличается большою естественностью и простотою, большою близостью к живому языку, и только латино-немецкая конструкция в виде длинных предложений с глаголами на конце несколько портит впечатление, но она бросается в глаза в его речах. Сумароков видел в этой конструкции заимствование самого Ломоносова и обвинял его в том, что он «влечет в Германию российскую Палладу»,³⁴² но едва ли не должно видеть в ней дань Ломоносова прежнему времени — Петровской эпохе, когда, как мы видели, латино-немецкая конструкция была явлением обычным. Сверх этого, мы отметим у Ломоносова две особенности: он не употребляет в литературной речи местоимения *этот*, мы находим у него только *сей* и *оний*. Далее, он обычно произносит *ё* как *е* и потому рифмует *влечет* и *побѣд*, *подкреплен* и *снабдѣн*, *в ревь* и *в чрѣвѣ*, *рев* и *гнѣ*. Произношение *ё* и рифмовка с *о* у него редкость и встречается только в ранних или в низких произведениях вроде послания о пользе стекла (*горшок—мог, несчетно—охотно*). Наконец, можно отметить частое употребление Ломоносовым в стихах нечленных прилагательных, они чужды ломоносовской прозе, хотя бы в высоком стиле.³⁴³

Благодаря Ломоносову русский литературный язык явился в трех видах. Первый вид соответствует допетровскому и петровскому искусственному славянскому языку, он употребляется в наиболее важных литературных произведениях, главным образом в торжественной поэзии. Он сохраняет в себе славянский элемент, но не в большом количестве и притом не формы, не аористы, имперфекты и проч., а отдельные слова из числа понятных, вроде *град*, *брег*. Само собой разумеется, высокий стиль языка Ломоносова представляет собой большой прогресс сравнительно с прежним искусственным славянским языком. Второй вид соответствует прежнему плохому славянскому, т. е. русскому с аористами, имперфектами. Он является по преимуществу в прозаическом повествовании, отчасти в легкой поэзии.³⁴⁴

Последователи Ломоносова несколько видоизменили его теорию.³⁴⁵ Три вида литературных произведений и видов литературного языка были ими сохранены, но распределение произведений получило несколько иной вид. Поэтические и стихотворные произведения, все без различия — и ода, и поэма, и трагедия, и песня — были отнесены к числу высоких, и славянский элемент допускался в них в значительном количестве.³⁴⁶ Только комедия в стихах и басня относились к низкому слогу, т. е. по мере возможности имели живой русский язык. Прозаические повествования, все равно о важных или неважных предметах, попали в средний вид, т. е. стали писаться языком с некоторою примесью славянского элемента. Письма, речи комических лиц в комедиях, юмористические сцены в сатирических журналах остались при низком стиле, т. е. при чистом и живом русском языке.

Обратимся к авторам. Перед нами Сумароков. Язык его трагедий принадлежит несомненно к высокому стилю, хотя Ломоносов отнес трагедию в средний. Мы в нем находим слова вроде *дщерь*, *глас*, *град*, *драгой*.³⁴⁷ Его эпистолы, несмотря на некоторую живость языка, столь же богаты славянщиною: *принять*, *внемлю*, *мню*. Впрочем, заметно, что она является в них не по прихоти автора, а по требованию размера и рифмы.

Обратимся к Державину. Я не буду распространяться о его одах — они изобилуют славянщиною. Но вот его анакреонтические произведения. Мы ожидали бы в них чистоты языка, т. е. простоты, но мы находим в них *зрѣть*, *чело*, *глава*, *драгой* и т. п. Напротив, его «Записки» свободны от славянщины, хотя написаны очень тяжелым, неуклюжим языком.

Перед нами Фонвизин. Речь комических лиц его «Бригадира» и «Недоросля», письма для сатирического журнала, письма из-за границы написаны прекрасным живым чистым русским языком, но едва автор заставляет говорить добродетельных лиц вроде Стародума, Правдина, Милона, едва он начинает повествовать или переводить повествования, как язык его становится тяжелее и выше, т. е. начинает принимать в себя славянский элемент и латино-немецкую конструкцию.³⁴⁸

Перед нами И. Богданович. Его легкая «Душенька», 1783 г., не нуждалась в высоком слоге, тем не менее в ней

куча славянщины: *зрѣть, содѣтель, ниже, паче, претворить, чайть*.³⁴⁹

Перед нами сатирические журналы.³⁵⁰ Их проза хороша, пока мы имеем дело с сатирическим письмом, юмористическим описанием, но как скоро мы читаем рассуждение или описание, мы беспрестанно наталкиваемся на славянские слова и встречаем латино-немецкую конструкцию.

Перед нами журнал Академии наук «Ежемесячные сочинения».³⁵¹ Статьи этого журнала, исторического содержания по преимуществу, имеют формы род. ед. на *-ья* (*собранныя церкви*) и такие слова, как *заклатъ, понеже, паче, ниже*.

Возьмем произведения, оригинальные и переводные, малоизвестных и неизвестных авторов. Вот роман «Приключения маркиза Г.», первая часть в переводе Елагина, 1756 г.³⁵² На первых страницах первой части мы читаем *премѣна владѣнія* (=перемена), *рождающаяся любовь, понеже, посредствомъ неизреченныхъ прилежности, уповала, паче*. Для ознакомления с конструкцією я приведу одно предложение: «Я не прошу читателя, чтобъ важныя приключения моей жизни, которыя я рассказывать стану, благосклонно от него приняты были. . .». Две последние части романа были переведены Лукиным, 1764 г. Тут мы читаем: *тамо, обрѣтши, достигающихъ* и т. п.

Вот роман Ф. Эмина «Непостоянная фортуна» в издании 1763 г. В нем мы читаем *понеже, от гладной смерти* и т. п. Конструкция нередко латино-немецкая: *несчастное сердце въ безпрестанныхъ унынностяхъ терзалось*.

Вот роман Фильдинга «Повесть о Томасе Ионесе» в издании 1767 г.³⁵³ В нем мы находим: *титулъ пожилыхъ дѣвицы, сея повѣсти, подлыя твари, гласомъ повелительнымъ, въ древесахъ, рождшуюся, истоцаваетъ*. Конструкция нередко латино-немецкая.

Вот юмористические рассказы известного Эйленшпигеля, переведенные с польского под названием «Похождения нового увеселительного шута Соведрала» в издании 1788 г.³⁵⁴ Мы читаем: *сея открытыя вещи, вашей воли, новыя должности, без всякия пощады, не отречется, злато*. Конструкция опять-таки латино-немецкая: «Который порядочно жить и учтиво с его кухаркою обходиться будет».

Подведем итог сказанному. Благодаря Тредиаковскому и особенно Ломоносову русский язык сделался единственным языком литературы. Но он не вполне освободился от славянщины. Ее было много в высоком слого — в поэзии, она была необходимою принадлежностью поэтического языка. Она то в большем, то в меньшем количестве нашла себе место также в среднем слого — в прозаическом повествовании, между прочим в романе и повести. Только низкий слог — речи комических действующих лиц, сатирические письма и описания — был чистый русский язык. Сверх того, конструкция прозаической речи нередко была латино-немецкою. Лучший в XVIII в. литературный язык по удачному сочетанию славянского элемента с русским и по изяществу речи принадлежит Ломоносову. Ни один из его последователей до Карамзина не только не выказал сравнительно с ним прогресса, но даже не сравнялся с ним. Язык Сумарокова, хотя его многие современники ставили выше Ломоносова, далек от ломоносовской правильности и по неудачному соединению славянского с русским нередко напоминает язык Тредиаковского. Язык од Державина, даже лучших, ниже языка Ломоносова; он не отличается ни правильностью, ни простотою выражения. Только один писатель может быть поставлен близко к Ломоносову, это малоизвестный Хемницер, некоторые басни которого так сходны по языку с баснями Крылова, так живо и просто изложены, что их трудно отличить от басней Крылова.³⁵⁵

Кроме славянщины и латино-немецких оборотов, язык XVIII в. до Карамзина кажется нам устаревшим. Конечно, речи Простаковой, Митрофанушки и т. п. почти ничем не отличаются от речей героев и героинь современных пьес, это показывает, что живая речь половины XVIII в. и наших дней почти не имели различия. Но язык романов, повестей, серьезных статей имеет довольно большое количество слов и чисто русских оборотов, которые теперь или совсем не употребляются или употребляются в других значениях. Это слова и обороты, обращавшиеся в литературной речи и малоизвестные в речи живой, разговорной. Из них некоторые, без сомнения, перешли в XVIII век из литературного языка XVII в., другие — неудачно переведенные и потому не укрепившиеся в употреблении слова. Укажу несколько таких слов и оборотов: *сужнение, любовник, любовница* (тот или та, кого любят,

возлюбленный), *способный ходить* (удобный), *езда* (поездка), *опричь сего*, *непредосторожные речи* (осторожные), *благодарить кому*, *любить смертельно*, *препроводить три месяца в городе*, *повелевать над кем*, *удовольствие* (удовлетворение). Затем должно упомянуть о *сей* и *оний* и о сравнительной степени вроде *сильняе*, *полняе* по-северновеликорусски. Подобные формы в XVIII в. встречаются у многих, между прочим у Сумарокова.

§ 18. Карамзин и последующее развитие литературного языка

Мы переходим к эпохе Карамзина, т. е. к концу XVIII и началу XIX в. Она ознаменовалась двумя параллельными течениями в русском образованном обществе: стремлением, с одной стороны, еще более сблизить литературный язык с живым и попыткой, с другой стороны, усилить в литературном языке славянский элемент. Во главе людей, желавших ввести более живости в литературную речь, стоял Карамзин, во главе противной партии — Шишков.

Так называемая «реформа Карамзина» в сущности не заслуживает названия реформы. Карамзин, подобно Ломоносову, отличался хорошим эстетическим чутьем и потому стремился к изяществу в литературном языке и гармонии его составных элементов. Его стихи — оды, песни, так же как и стихи его друга и соратника Дмитриева, почти не отличаются от стихов Ломоносова. И Карамзин, и Дмитриев не объявляют себя врагами славянских высоких слов и даже в сентиментальных песенках не стесняются их употреблять в небольшом количестве.³⁵⁶ Вот ода «К Волге» Карамзина, мы в ней читаем: *Орды Златые, цветущия природы, берегов, грады, веси, древле. злато, серебряный, глад*; видим произношение ё как е в рифмах: *осетр—ветр, ревом—гневом, зарей—своей*. Или вот песня «Веселый час», тут мы находим: *младость, осребрать*.³⁵⁷ Карамзин составил себе имя в истории русского литературного языка прозой своих оригинальных и переводных повестей, писем, исторических рассказов и журнальных обозрений.³⁵⁸ Он выкинул из языка их все славянизмы, не бывшие в живом употреблении, дал обыкновенную конструкцию и сверх всего этого ввел в упот-

ребление французское изложение. Оно отличается от изложения XVIII в. и от современного нашего своим многословием, сообщающим языку особого рода мягкость и женственность.³⁵⁹ Кроме того, Карамзин перестал употреблять много чистых русских слов и оборотов, бывших до него не неизвестных живому языку, и ввел небольшое количество новых слов, отчасти им сочиненных совершенно новых, вроде *промышленность*, отчасти старых, но с новым значением, вроде *развитие*, *развивать*.³⁶⁰ Но в похвальном слове Екатерине и еще более в своей «Истории государства Российского», где он находит нужным употреблять высокий слог, он остается при старине, даже при род. на *-ья*. Так, в слове Екатерине мы читаем: *герой вселенных, единый из вас, предрала, престол, здравая*. Правда, у него меньше славянизмов, чем у Ломоносова в его торжественных речах, правда, у него нет сказуемых на конце, но зато он часто ставит прилагательное определение после существительного определяемого несогласно с живым употреблением.

Современники, сторонники Карамзина, вроде Владимира Измайлова, князя Шаликова,³⁶¹ не были также врагами славянского элемента вообще: они не хотели видеть в литературном языке редких, неупотребительных славянских слов и считали неуместным в простой речи слова вроде *брег*, *град*. Их стихи и стихи Батюшкова заключают в себе немалое количество славянизмов вроде *брег*, *град*, *глас*, а также нечленные прилагательные, местоимение *сей*.

Как видно из сказанного, язык Карамзина и его последователей настолько беден нововведениями, что против него не было основания вооружаться даже людям консервативного образа мыслей. Но стремление Карамзина к сближению литературного языка с живым шло в разрез с стремлением небольшой партии людей, державшихся противоположного взгляда. Увлекаясь высоким слогом, Елагин, Захаров, Якимов, Станевич³⁶² и другие хотели расширить область этого слога, т. е. перенести его из поэзии и ораторской речи в обыкновенную повествовательную речь. Таким образом, они хотели до некоторой степени возвратиться к доломоносовскому времени, впрочем, без аористов и тому подобного. Захаров, Елагин, Станевич в конце XVIII и начале XIX в. дали несколько сочинений и переводов на ославяненном рус-

ском языке: между прочим, Елагин свое повествование о России, Шишков выступил с теоретическим сочинением о литературном языке — с наделавшим в свое время много шума «Рассуждением о старом и новом слоге», 1803 г. Оно имеет по преимуществу полемический характер. Воинственный автор ругает против французского влияния, против галлицизмов, против вновь введенных в употребление русских слов, вообще против «нового слога» Карамзина и его последователей и указывает на важность языка церковных книг и на красоты в сочинениях Ломоносова, Хераскова, Державина. Отрицательная сторона рассуждения довольно сильна. Шишков набрал в сочинениях разных второстепенных подражателей Карамзина (редко у него самого) небольшое количество довольно странных выражений, по преимуществу галлицизмов, и удачно разгромил их. Но положительная сторона доказательства важности славянского элемента ему не удалась, и, кроме людей одних с ним взглядов, Шишков не нашел никого, кто бы пленился рекомендованными им словами вроде *брашно, требище, рясна, наитствовать* и ввел их в употребление. Равным образом ему не удалось заменить новые русские слова Карамзина старыми славянскими, и слова *развитие* и тому подобные остались в литературном языке, не были вытеснены шишковским *прозябанием*.

Как известно, «Рассуждение» Шихкова вызвало литературный раздор значительных размеров. Молодежь встала за Карамзина и его новый слог, старики окружили Шихкова и вместе с ним образовали «Беседу любителей русского слова» для пропаганды своих идей в обществе.³⁶³ Она естественно не имела успеха, и из молодых авторов, действовавших в первые два десятилетия XIX в., нельзя назвать ни одного сколько-нибудь известного, который пошел бы за Шихковым. Даже те из авторов этого времени, которые не благоволили к карамзинистам и были не прочь соединиться против них с Шихковым, вроде Грибоедова, Катенина, Милонова, даже они уклонились от славящины и в сущности в главном последовали за Карамзиным.³⁶⁴ Жуковский и Пушкин прямо встали в ряды карамзинистов, и их язык почти совсем не отличается от карамзинского. Стихи Жуковского, баллады, лирические произведения, оригинальные и переводные, столь живые и свежие даже для нашего вре-

мени, вовсе не чуждаются славянских слов, как и стихи Карамзина. Вот «Людмила»: *перси, взирать, бразды, хладен*, краткие прилагательные. В других произведениях мы можем найти *злато, вран, глад, прынуть*, формы род. ж. р. на *-ья*, постоянно *сей* вместо *этот*. Проза Жуковского — подражание прозе Карамзина и ничем существенным от нее не отличается. Пушкин в своих романтических произведениях также следует традиции. Поэтический язык его, легкий и изящный, включает в себе немало славянских слов, даже в тех случаях, где они не нужны ни для размера, ни для рифмы, вроде *елень* вместо *олень*, немало нечленных прилагательных, местоимение *сей*, а сверх того иногда и формы род. ед. на *-ья*. Ни «Евгений Онегин», ни сравнительно поздний «Медный всадник» не свободны от славянизмов, и мы в них найдем и *злато*, и *град*, и *перси*, и *перст*, и *хладный*. А в «Цыганах» упоминаются даже *издранные шатры*.³⁶⁵ Проза Пушкина также очень недалеко от прозы повестей Карамзина и Жуковского, она, подобно прозе его современников Марлинского и Полевого, отличается карамзинскою тягучестью, хотя, впрочем, Пушкин пишет более сжато, чем Карамзин.³⁶⁶

Далее Лермонтов. Его стихи — то же, что стихи Пушкина, он в литературном языке последователь Пушкина. Он не стесняется употребления славянских слов, отсутствующих в живом языке, вроде *глава*. Но проза его — в «Герое нашего времени» — представляет значительный прогресс сравнительно с прозой Карамзина. Лермонтов и Гоголь довели язык художественной прозы до тождества с языком живым, и у их преемников — Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского, не говоря о более мелких авторах и покойных, и здравствующих, — литературная речь ничем, кроме сравнительной правильности, не отличается от речи повседневной.

После Лермонтова, последнего нашего крупного поэта, почти на наших глазах, но незаметно для нас, современников, наш поэтический язык уклонился от употребления славянских слов. Полонский, Некрасов, Фет уже не дают нам, за редкими исключениями, ни слов вроде *брег, град*, ни нечленных прилагательных, ни род. ж. р. на *-ья*, ни *сей*, и их поэтический язык отличается от прозаического и повседневного не словарным составом, не грамматическими формами, а сочетанием слов. Современные

нам поэты-стихотворцы не делают попыток возвращаться к языку Пушкина, и даже высоко настроенный Фофанов только в крайности, ввиду размера и рифмы, следовательно, очень редко, прибегает к словам вроде *златой*. Мы живем в век тожества литературного языка с живым языком нашего общества, образованного общества.

Итак, мы сказали, что современный литературный язык есть не что иное, как язык русского образованного общества и что в основании его — народный московский, следовательно, великорусский говор. Точно так же мы заметили, что литературный язык, язык образованного общества, отличается от народного московского говора, а равно и от других русских говоров присутствием, во-первых, церковнославянского элемента, который в него вошел в XVI—XVII вв., и, во-вторых, иностранных слов, вошедших в довольно значительном количестве в Петровскую эпоху, входивших понемногу после Петра и входящих, тоже понемногу, даже в наши дни.³⁶⁷

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Начальная летопись сообщает, что Ярослав I «собрал многих писцов» и с ними «перекладывал» книги с греческого языка на славянский.

Это сообщение — в своем роде единственное в наших памятниках.¹ Оно позволяет предполагать, что переводы произведений греческой литературы с греческого языка на славянский делались на Руси не только при Ярославе, но и при его преемниках, вообще в домонгольскую эпоху, так как в эту эпоху не могло быть у нас недостатка в людях, способных переводить с греческого на славянский, и так как переводы на славянский язык грамот греческих патриархов к русским князьям и сочинений русских митрополитов-греков уже несомненно принадлежат русским.

Но как отличать переводы с греческого, сделанные в домонгольской Руси, от переводов, сделанных у южных славян, и что можно считать переведенным на Руси?

Как известно, церковнославянская литература получила свое начало на славянском юге и ее литературным языком был один из говоров древнеболгарского языка — так называемый церковнославянский язык. Все почти, что было переведено свв. Кириллом и Мефодием, их учениками и преемниками последних у южных славян при царе

¹ Единственный текст, о переводе которого в России мы имеем ясное свидетельство, это — Послание папы Льва (или «Сказание римския епископа»), переведенное для князя Николы Святоши Феодосием Греком. Его словарь свободен от ярких русизмов; на основании *того цѣща* = ради того можно думать, что Феодосий прибыл в Россию со знанием церковнославянского языка.

Симеоне, т. е. все обращавшиеся у греков богослужебные книги и значительное количество произведений византийской духовной литературы, после крещения Руси перешло к нам и легло в основание древнерусской литературы.

Язык церковнославянских книг, в общем достаточно понятный русским X—XI вв., подвергся сравнительно немногим изменениям под пером русских переписчиков. Именно, некоторые церковнославянские звуки были заменены соответствующими русскими, одни везде (ж через у, а через я), другие кое-где, то чаще, то реже (жд через ж, ц через ч и т. п.); некоторые церковнославянские формы уступили место русским формам, одни везде (формы сильного аориста, формы повелительного наклонения *биямъ, бияте* и т. п.), другие кое-где, то чаще, то реже (*добруму* было заменено через *доброму, ведѣаше* через *ведяше, ведяше* и т. п.); что же касается до словарного материала, то он остался неприкосновенным, за немногими исключениями.² Этот несколько обрусевший церковнославянский язык, иначе — церковнославянский язык русского извода, стал употребляться русскими авторами и переводчиками и сделался таким образом русским литературным языком. Он — то более, то менее чистый, т. е. то с большим количеством русизмов, то с меньшим — находится во всех памятниках древнерусской переводной литературы; на нем писаны летописи, Житие св. Феодосия Печерского, Житие свв. Бориса и Глеба, слова Кирилла Туровского, «Слово о полку Игореве». Он должен находиться также во всех тех произведениях, которые были переведены с греческого русскими переводчиками.

Итак, язык переводов, сделанных у южных славян и переписанных русскими переписчиками, и язык переводов, сделанных на Руси, в общем один и тот же — церковнославянский язык русского извода.

² Ввиду существования этих исключений мы не имеем права основываться на одиночных данных, какие бы они ни были, и должны решать вопрос на основании ряда данных по их совокупности. Должно заметить, что заменять церковнославянские слова русскими без помощи греческого оригинала было нелегко: русские не знали точного значения ряда церковнославянских слов (т. е. не знали, например, что церковнославянское *бисъръ* = русск. *жъньчюгъ*); да сверх того замена высоких церковнославянских слов простыми русскими не была во вкусе книжников старого времени; мы обыкновенно наблюдаем замену простых слов высокими.

Ввиду этого мы не всегда в состоянии отличить переводы, сделанные на Руси, от переводов, сделанных на славянском юге, в тех случаях, когда переведенные произведения имеют незначительный объем. Но мы почти всегда имеем возможность отличить переводы, сделанные на Руси, от переводов южнославянских тогда, когда произведения отличаются более или менее значительным объемом.

Данные, которыми мы для этого располагаем, относятся не к области фонетики и морфологии, за немногими исключениями,³ а к области лексической. Переводчики, зная достаточно хорошо главные церковнославянские звуковые и формальные особенности, не всегда находили в своем запасе церковнославянских слов и выражений все, что им было нужно для передачи разнообразных греческих слов и выражений, и потому бывали вынуждены прибегать к русским словам и выражениям.

Иначе говоря, мы можем отличать переводы, сделанные в Древней Руси, от переводов, сделанных у южных славян, на основании словарного материала переводных текстов.

В этом материале особенное значение имеют для нас три группы слов.

1. Слова славянские по происхождению с специальными значениями: названия должностных лиц, монет, мер веса и расстояния, судов, одежд, напитков и т. п. вроде: *посадникъ, староста, гривна, куна, рѣзана, насадъ, кожухъ*. Большая часть подобных слов совсем не встречается в церковнославянских текстах южнославянского происхождения; меньшая встречается, но в других значениях. Так, *гривна* в них встречается в значении ожерелья и не встречается в значении монетной или весовой единицы; или *пиво* в них встречается в значении «напиток вообще», «питье» и не встречается в значении определенного хмельного напитка.⁴

³ Формы 3-го л. ед. ч. зориста вроде *бы, я, възя, нача* (не обычные церковнославянские *бысть, ятъ, възятъ, начатъ*), употребленные сколько-нибудь последовательно, по нашему мнению, указывают на русское происхождение перевода. То же можно сказать о причастиях на *-тъ*: *битъ, мытъ, крытъ* (при обычных церковнославянских *биенъ, мѣвенъ, крѣвенъ*).

⁴ Переводные церковнославянские тексты западнославянского происхождения дают несколько своеобразный подбор словарного материала, иногда совпадающий с русским. Таковы Римский патерик, Номоканон Иоанна Схоластика, Мучение Климента папы рим-

2. Слова, заимствованные русским языком из других языков, между прочим из греческого, с самыми разнообразными значениями, вроде *тиунъ*, *шелкъ*, *пругъ*, *женчугъ*, *уксусъ*, *скамья*, *кадь*, *керста* или *корста* (ящик, гроб), *пъря* (парус), *обезьяна*.⁵ Подобные слова или совсем неизвестны в церковнославянских текстах южнославянского происхождения, или известны в других значениях.

3. Названия городов, народов и т. п., хорошо известных русским и неизвестных или малоизвестных южным славянам, названия, отличные от названий, употреблявшихся греками, вроде *Корчева*, *Сурожъ*, *Судъ τὸ Στενον*, *мурманинъ* (норвежец, нормани), *обезъ* (грузин).

Кроме слов, принадлежащих к этим трем группам и имеющим решающее значение в вопросе о месте перевода, не лишены важности многие другие слова и выражения, которые или совсем не встречаются в церковнославянских текстах южнославянского происхождения, или встречаются редко⁶ и которые вместе с тем находятся в памятниках несомненно русского происхождения или в живых русских говорах, т. е. слова и выражения вроде *хвостъ*, *глазъ*, *пирогъ*, *коверъ*, *думати* (советоваться), *учити грамотѣ*, *въ то чина* (в то время) и т. п.

Если мы обратим внимание на подобные словарные данные, то мы будем вправе признать за переведенные в Древней Руси следующие произведения.

1. Житие Андрея Юродивого,⁷ дошедшее, между прочим, в списке XIV—XV в. Моск. Типогр. библ. № 378,

ского и др.; «Беседы» папы Григория имеют *гривна* с значением drachma.

⁵ Ср. церковнославянские *свила*, *рало*, *бисъръ*, *оцьтъ*, *опица*.

⁶ К этим словам должно присоединить и те немногие слова, которых значения в несомненно русских текстах, с одной стороны, и в церковнославянских южнославянского происхождения, с другой, различны: *село* (в древнерусском языке в значении «селение», в церковнославянском — «поле»), *сѣно* (в древнерусском языке всегда в значении «сухая трава», в церковнославянском обыкновенно в значении «трава вообще»), *скотъ* (в древнерусском языке в значении не только «скот», но и «деньги», в церковнославянском лишь в значении «скот», «животное»), *лаяти* (в древнерусском в значении «брехать», «бранить», в церковнославянском в значении «подстергать»), *страдати* (в древнерусском в значении не только «страдать», но и «работать», в церковнославянском в значении только «страдать»), *пискати* (в древнерусском в значении «пищать», в церковнославянском в значении «играть на музыкальном инструменте») и т. п.

⁷ Небольшие отрывки из этого жития — в начале Киевской летописи по Ипатскому списку (по изд. Археографической комиссии

многочисленные отрывки которого находятся во всех русских списках Пролога XIII и XIV вв. В языке его находятся слова: 1) *староста* (старшина); 2) *скалва* (весы), *керста* (ящик), *женчугъ*; 3) *клюка* (хитрость; ср. «Слово о полку Игореве»), *близокъ* (родственник; ср. запись Остромирова евангелия), *видокъ* (свидетель; ср. Русскую Правду), *тяжа*, *коверъ* (ср. Начальную летопись), *хвостъ*, *голка* (шум; ср. Житие Бориса и Глеба), *лагодити* (быть пристрастным; ср. Поучение Мономаха), *зобати* (есть; ср. «Русскую Правду»), *возникъ* (кучер), *горшекъ*, *горшечекъ*, *грунь*, *груница* (бег; ср. Летописец переяславский, по изд. кн. Оболенского: *на грунахъ*, 89), *лавица* (лавка), *ладенъ* (равен), *мошница* (кошелек), *мясникъ*, *налѣзу* (найду), *улѣзу* (уйду), *насочити* (найти), *пожаръ*, *рукавъ*, *синець* (эфеоц), *скрипати* (скрипеть), *трепастокъ* (обезьяна), *тѣснутися* (стараться), *тулитися*, *улица*, *уравнитися* (рано встать), *дивіе и удобъ и легко* (хорошо; ср. Слово Даниила Заточника) и др. (очень много).⁸

Формы 3-го л. ед. ч. аориста (по списку Макарьевских миней) почти всегда без *тѣ*, *тѣ*: *бы*, *нача*, *взя*, *запя* и т. п. Южнославянизм (?) *голѣмо*.

2. Пандекты Никона Черногорца, дошедшие, между прочим, в списке XII—XIII в. и в списке 1296 г. В них слова: 1) *посадник*, *гривна* (мера веса), *резана*, *вѣверица*, *вѣкша* (монеты); 2) *жъньчюгъ*, *капуста*, *ларь*, *шелкъ*, *дешевъ*; 3) *крънути* (купить), *лагодити*, *медуша*, *обѣдати*, *старица* (ср. Русскую Правду), *паволока*, *рѣзъ* (процент), *доспѣти* (сделать), *лаяти* (бранить), *хорошавъ* (величав), *щюпати*, *укропъ вѣзижъный*, *въ вѣсъ въ полъ полу гривны*.⁹

1871 г. с. 189, 195). Все житие издано в Четьих-Минях митр. Макария, под 2 октября. Мы пользуемся этим изданием. Кроме этого перевода, у нас широко распространенного, существует другой, позднейший, южнославянского происхождения, находящийся в южнославянских и молдавских списках (Гильферд., № 41 и др.). См. также описание рукописей Хлудова ([*Попов А.* Описание рукописей А. И. Хлудова. М., 1872], с. 478—479).

Св. Андрей жил в X в. Житие его написано в конце X или в начале XI в. Память его в греческих синаксарях встречается не ранее XII в. (*Архиеп. Сергий*. Св. Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова пресв. богор. — Странник, 1898, № 9—12).

⁸ Смотри еще у Срезневского (Сведения и заметки, № LXXXVII).

⁹ Еще у Срезневского (Сведения и заметки, № LV), и в «Опис. ркп. Сян. библ.» (II, 3, 23). Автор, монах из-под Антиохии, жил во второй половине XI в.

3. Устав монастырский, так называемый Студийский, дошедший, между прочим, в списке XII в. Моск. Син. библиот. № 330; Отрывки Устава находятся в Кормчей около 1282 г. и в Требнике XIV в. О-ва древн. письм.¹⁰ В нем слова: 1) *кожухъ*; 2) *капуста, лохань, укусъ, наполома* (ср. «Слово о полку Игореве»), *сума, орницъ* (название ткани; ср. Киевскую летопись); 3) *рядъ* (договор), *урождъ* (порция; ср. Русскую Правду), *зобъ* (корм), *людинъ* (простолудин), *коверъ, прибоженокъ, вариво, вежа, волога* (жир), *клий* (клей), *муха, пирогъ, полѣно, ривифъ прясень, рыба просолена, сѣно* (сено), *чашка*.¹¹

4. Христианская топография Козмы Индикоплова, дошедшая в списках не ранее XVI в. (отрывки которой находятся в Кормчей около 1282 г.).¹² В ней слова: 1) *насадъ*; 2) *женчугъ, лохань, плугъ, шатеръ*, 3) *хвостъ, разноличный* (ср. Начальную летопись), *валъ* (в море), *гребецъ, дикий, ладенъ* (равен), *попона, приладитися* (приравняться), *руда золотая, рубль* (кусочек металла), *сырая кожа, тоземецъ* (туземец; ср. Ипатский список летописи, по изд. 1871 г., с. 578), *научитися грамотѣ*.

5. История Иудейской войны Иосифа Флавия (семь слов), дошедшая в списках не ранее XV в., в которых язык сохранил немало архаизмов.¹³ В нем слова: 1) *керстица*

¹⁰ Этот Требник издан ОЛДП (фотолитографией).

¹¹ Устав Студийской в этой редакции принадлежит константинопольскому патриарху Алексию (1025—1043 гг.). Опис. ркп. Син. библиот., III, 248; Тр. Киевск. дух. акад., 1895, № 12, с. 636, статья Дмитриевского. Относительно Устава мы читаем в Начальной летописи под 1051 г.: Феодосий «нача искати правила чернецкаго, и обрѣтесе тогда Михаилъ чернецъ монастыря Студийскаго, иже бѣ пришелъ изъ грекъ съ митрополитомъ Георгиемъ. И нача у него искати устава чернецъ студийскихъ, и обрѣтъ у него и списа». Житие Феодосия рассказывает, что этот святой послал одного из братьев в Царьград к проживавшему там печерскому постриженнику Ефрему внуху, «да весь уставъ Студийскаго монастыря, исписавъ (=переведя), пришлетъ ему», что тот и сделал. Итак, один перевод Устава на церковнославянский язык был сделан Ефремом внухом, вероятно греком по происхождению, бывшим потом на Руси митрополитом. О нем см. у Макария (История русской церкви, с. 11, 55, 57, 61). Другой перевод, ждущий еще исследователя, сохранился также в древнем списке (Моск. Типогр. библиот.).

¹² Издана по списку XVI в. ОЛДП. Мы пользуемся этим изданием [вып. 127. СПб., 1886]. Об этом произведении у Срезневского (Сведения и заметки, № XI). Автор жил в VI в.

¹³ Древнейший список с годом — 1468 г. — внесен в Макарьевские минеи. — Мы пользуемся Кирилло-Белозерским списком № 64-1303.

(ящнк), *пря* (парус; ср. Начальную летопись); 2) *сватьба* (соглашение; ср. ту же летопись), *вшанинъ* (житель деревни; ср. Киевскую летопись), *наймитъ* (ср. «Русскую Правду»), *разноличный*, *думати*, *потяти* (убить), *страдати* (работать), *дѣтинецъ* (замокъ), *кашель*, *костерь*, *ладно* (согласно), *лаяти* (бранить), *острогъ*, *плотникъ*, *порочникъ* (метатель камней), *раскатораніе*, *тулитися*, *тѣснутися*, *щепка*, *заведе ротѣ* (привел к присяге).¹⁴

Греческие слова с некоторыми особенностями позднего греческого произношения: *Олумбъ*, *Тандалъ*.

6. Александрия псевдо-Каллисфена, дошедшая в в списке XV в., с особенностями древнего перевода,¹⁵ и в ряде списков позднейших (в хронографе). В ней слова: 1) *староста*, *гривна* (мера веса); 2) *женчугъ*, *корстица*, *пря* (парус), *шатерьъ*; 3) *вшанинъ* (житель деревни), *голка*, *дыня*, *зобати*, *клюкавъ*, *конюхъ*, *кормилецъ*, *лаяти* (о собаке), *лагодити*, *мячь* (мячик), *пуце* (хуже), *свадьба*, *солъ* (посол), *стопа* (чара), *скотъ* (деньги), *посулити*, *трепястокъ*, *товаръ*, *хвостъ*.

7. Толкование Никиты Ираклийского на Слова Григория Богослова, дошедшее в нескольких полных списках XIV в. (между прочим, Сип. библ. 954).¹⁶ В нем слова: *лимень* (пристань), *лохань*, *пѣря* (парус), *обезьяна*, *сабля*, *телѣга*, *волотъ*, *гобино*, *закупъ* (ср. Русскую Правду), *кузнецъ* (ср. Ипатский список летописи, по изд. 1871 г., с. 558), *ладенъ* (равен), *льгота*, *морянинъ* (мореход), *огородникъ*, *погоничъ* (погонщик), *поручитися*, *потѣснутися*, *пороча* (праща), *сватьба*, *стягъ* (знамя), *улица*.¹⁷

¹⁴ Еще у Срезневского (Сведения и заметки, № LXXXIV).

¹⁵ Издана по этому списку В. М. Истриным [Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893]. Мы пользуемся этим изданием.

В статье П. А. Лаврова: «Где была переведена Александрия первой редакции?» (Почетъ. Сборник статей, посвящ. М. С. Дринову. Харьков, 1908) указываются некоторые данные орфографии и ударения списка XV в., будто бы говорящие за болгарское происхождение перевода этой редакции.

¹⁶ Им мы пользуемся. Отрывки Толкования находятся в Сборнике XIII в. имп. Публ. библ., Q п I 18; *Никольский Н. К.* О литературных трудах Климента [Смолятича писателя XII в. СПб., 1892], с. 24 сл.

¹⁷ Еще в «Опис. рки. Сип. библ.», II 2 85. Слова Григория Богослова, находящиеся при Толковании, известны не только в пере-

Формы 3-го л. аориста *бы* и причастия: *скрытъ*.

Южнославянизмы: *источникъ воды угасящю пламень*, л. 37 об., *рѣснаго*.

8. Пчела, дошедшая, между прочим, в списках XIV (Библи. Моск. архива Мин. иностр. дел) и начала XV в. (имп. Публ. библи.).¹⁸ В ней слова: *тиунъ*, *капъ* (мера веса), *лимень*, *ларь*, *тавлеи*, *нѣмецъ* (=βάρβαρος), *близокъ*, *солка*, *гудецъ*, *думати*, *думца*, *желудокъ*, *клякати* (обманывать), *лаяти* (бранить), *конюхъ*, *лагодный*, *отруби*, *испортити* (потерять; ср. Мстиславу грамоту 1130 г.), *отруби*, *пуце* (хуже), *разноличный*, *рѣшето*, *рѣзъ*, *солъ*, *сольба*, *свадебный*, *своакъ*, *сѣно* (сено), *трепастокъ*, *тѣснутися*, *урядити имѣнье*, *ладити гусли*, *изъ оконецъ выниюще*.¹⁹

Формы 3-го л. аориста: *отда*, *прия*, *потя* и др.

9. Чудеса св. Николая Чудотворца, дошедшие все вместе в списке XIV в. Троицк. л. № 9,²⁰ а частями в списках XII (в так называемом Златоструе имп. Публ. библи.)²¹ и XIV вв. (Чудова м-ря № 20 и Хлудова).²² В них слова: *пря* (парус), *бродити в море* (плавать), *доволь* (кошель), *коверъ*, *кыдати*, *сѣкърчитися*, *лаяти* (о собаке), *мѣшекъ*, *пропасть*, *товаръ*, *ушьвъ* (шапка; ср. Кирилла Туровского, по изд. Калайдовича, с. 110); *бѣжащим гостем по морю Понетъскому*.

Формы 3-го л. аориста обыкновенно без *-тъ*, *-ть*: *бы*, *изя*, *поя*.

писанном в России южнославянском, но также и в исправленном в России переводе. Автор Толкования жил в XI в.

¹⁸ По последнему издана В. А. Семеновым [Древнерусская Пчела по пергаментному списку. СПб., 1893]. Мы пользуемся этим изданием. — О «Пчеле» в этом переводе см. исследование М. Н. Сперанского «Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности» (М., 1904, особенно с. 295 сл.). «Пчелу» цитирует автор Киевской летописи под 1189 г. (там же, с. 314).

¹⁹ Еще в Опис. ркп. Син. библи., II, 3, 540 (по Синодальному списку).

²⁰ Изданы по этому списку архим. Леонидом в «Памятниках» ОЛДП [СПб., 1888].

²¹ Два чуда изданы отсюда Срезневскимъ въ «Сведениях и заметках», № XXXII.

²² Извлечения из этого списка у Андрея Попова в его описании Хлудовских рукописей. Здесь же отрывок из южнославянского перевода чудес. Одно чудо, с патриархом Феостириком, по поздним спискам, издано Х. М. Лопаревым в «Памятниках» ОЛДП [№ 94. СПб., 1893].

Южнославянизмы: *хусити* (грабить), *хусарь* (пират), *войска* (ж. р.). По списку Златоструя: *разбиямъ* (повелит. накл.), *отъ пазуху матеру, узьру* (1-е л. ед.), *вечеру* (вин. ед.), *князу* (дат.).²³

10. Сказание о перепесенни мощей Николая Чудотворца в Бар, дошедшее, между прочим, в списке XIV—XV в.²⁴ В нем слова: *градъ мурманьскъ нѣмцескыя области, венецици* (венецианцы; ср. «Слово о полку Игореве»), *лимень* (пристапь).

11. Житие св. Стефана Сурожского, дошедшее в поздних списках, с интерполяцией из Жития св. Иоанна Златоустого, Георгия Александрийского.²⁵ В нем слова: *женчугъ, Керчева* (Керчь), *Сурожъ, горшекъ, думу*

²³ По-видимому, чудеса первоначально состояли из двух групп, смешанных в Троицком списке, — менее апокрифической (она почти вся находится в Прологе) и более апокрифической (находящейся в Румянцевском сборнике, № 181), и каждая группа была переведена особо.

Переводчик одной группы был современником чуда 6-го (по Троицкому списку) о ковре, случившегося въ Константинополе, при патриархе Михаиле (1043—1059 гг.); он в свой рассказ о нем вставил слова: «. . . чудо сътворъшееся тогда при моей худости въ Цариградѣ». Он же составил чудо 7-е (по Троицкому списку), в конце которого мы читаем: «. . . азъ, грѣшный и недостойный имени своего писанию предати, написахъ чудо (одно!). . . Николы. . .». Русские чудеса св. Николая, судя по находящемуся в них особому введению, написаны независимо от обеих групп греческих чудес и лишь с течением времени были присоединены к переводу последних Архим. Леонид думает, что переводчиком всех чудес был митр. Ефрем (переводчик Устава Студийского).

Группа менее апокрифическая (из нее чудеса в Златоструе XII в.), может быть, переведена у южных славян и лишь исправлена в России.

²⁴ Издапо И. А. Шляпкиным в «Памятниках» ОЛДП [вып. 19. СПб., 1881]. Сказание обыкновенно считается оригинальным русским сочинением, но напрасно: подробность, что турки воевали «объ онъ поль моря», от Корсуня поля до Антиохии, ясно показывает, что автор жил в Константинополе. Переводчик вставил в текст Сказания русскую дату перенесения мощей: в княжение Всеволода в Кіеве и Владимира (Мономаха) в Чернигове, в 1087 г. Праздник «прѣнесеіе мощемъ светаго Николи» под 9 мая упоминается, между прочим, в Сербской псалтыри XV в., собрания Погодина № 87; но вообще ни грекам, ни южным славянам неизвестен. Сокращение Сказания — в Прологе по спискам XIV в.

²⁵ Издапо *Василевский В. Г.* Русско-византийские исследования. II. [СПб., 1889]. Мы, конечно, пользуемся данными лишь самого жития (по изд. В. Г. Василевского), оставляя в стороне интерполяцію.

думати, кисть, раскѣпати (ср. «Слово о полку Игореве»), *хвостъ*.

12. Огласительные поучения Феодора Студита, дошедшие, между прочим, в рукописи Моск. дух. акад. XIV в. № 4—52, числом 124. В них слова: *тиунъ, тиунство, калижникъ, плугарь, конюхъ, клюшникъ, прясло*.²⁶

13. Житие Феодора Студита, дошедшее, между прочим, в Выголексинском сборнике XII—XIII в. (Румянц. муз.). В нем слова: *кърчевьскъ* (керченский), *готьскъ, гѣлка, мусѣя, ножикъ, обѣдати, тѣснуги, потѣснутися, бѣчела любострадна, сѣно посѣчено, наступъ* (вместе), *въ то чина, за полуѣтора лѣта*.

Южнославянизмы: *вѣку недѣлю, котерый* (который). Они, по-видимому, принадлежат писцу одного из древнейших списков. Поздний грецизм: *Олюмбъ*.

14. Сказание о создании храма св. Софии в Царьграде, дошедшее в списках не ранее XV в.²⁷ В нем слова: *женчугъ* (рядом с *бисер*), *мусея, мастеръ, наймитъ, корыто, ѣздокъ*.

Форма 3-го л. аориста: *нача*.

15. Физиолог второй славянской редакции, дошедший в списке XVI века (Царского=Уварова).²⁸ В нем слова: *вдодъ, дятелъ, осочити, птаха, хвостъ*.

²⁶ Основываемся на мнении П. В. Владимирова (Древняя русская литература киевского периода XI—XIII вв., 1901, с. 27). По словам Владимирова, «перевод — несомненно русский, и никаких следов болгаризмов не замечается». Так как Феодосий Печерский был почитателем Феодора Студита, можно считать перевод поучений Феодора сделанным в Печерском м-ре.

Несколько замечаний о поучениях — в «Опис. ркп. Соловецкого м-ря», I [Казань, 1881], 409.

²⁷ По Уваровскому списку XV в. издано архим. Леонидом в «Памятниках» ОЛДП и по списку XVI в. [вып. 79, СПб., 1889], Н. С. Тихопрвовым в его Летописях. — Сказанию посвящено исследование С. Г. Виллинского в «Летописи Истор.-филол. о-ва при имп. Новорос. унив.», кн. VIII [1900]. Здесь изданы: 1) сербский список библиотеки Новороссийского университета, № 104, XVI в., восходящий к русскому оригиналу и имеющий вставку из Повести о взятии Царьграда латинами (в I Новгородской летописи), и 2) сербский список той же библиотеки, представляющий южнославянский перевод, отличный от русского.

Мы не находим возможным относить русский перевод к монгольскому периоду.

²⁸ Издан Карнеевым в его исследовании о Физиологе (ОЛДП) [СПб., 1890, вып. 92].

16. Послание Петра Антиохійскаго об опреспоках, дошедшее в списке XIV—XV в.²⁹ В нем слова: *ладенъ* (согласен), *тѣснутися*.

Форма 3-го л. аориста *бы*.

17. Книга Есфирь, дошедшая, между прочим, в двух списках XIV в.³⁰

Здесь слова: *тиунъ*, *шьлковъ*, *капъ* (мера веса), *лептугъ* (пурпур), *пѣстунъ*, *приставъ*, *староста*, *ушьвъ*, *разноличъ*, *лапъ* (ср. Даниила Паломника), *охвота*, *ухвотитися*, *охвотнѣмъ сьрдцѣмъ ать*.

18. Апокрифическое Житие Моисея (или Исход Моисеев), дошедшее в поздних списках.³¹ В нем слова: *скала* (весы), *плугъ*, *шатерьъ*, *думца*, *омуть*, *плотъ* (на реке), *пѣстовати*, *синець*, *сочити* (искать), *стеркъ* (аист), *уранити* (рано встать), *въбрѣде въ воду*, *царь перея славу ихъ* (ср. Начальную летопись), *доспѣша полату*, *оли и до вечера*.

Формы 3-го л. аориста: *поя*, *взя* и т. п.

19. Апокрифические рассказы о Соломоне (Соломон и Китоврас, Суды Соломона), дошедшие в составе одной из редакций Толковой палеи, в списках не ранее второй половины XV в.³² В них слова: *тиунъ*, *ворожити*, *ожиритися* (разбогатеть), *жюковина* (перстень), *загадка*, *вскрутитися* (одеться), *розквелити* (огорчить), *нелюбие* (ср. «Слово о полку Игореве»), *отрубяный*, *паробокъ*, *пискати* (пищать), *осочити* (найти), *чересъ* (кошелек), *играти свадьбу*, *пустити кровь*, *косити сѣно*, *дѣлити на поля*.

Форма причастия: *выпитъ*.

²⁹ Издано Андреем Поповым: Полемиические сочинения против латинян. [М., 1875]. Мы пользуемся этим изданием. Был еще южнославянский перевод, дошедший, между прочим, в южнославянских списках. Автор жил в XI в.

³⁰ Мы пользуемся списком имп. Публ. библ. О том, что эта книга переведена с греческого (а не с еврейского), смотри в нашем труде: Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 433.

³¹ Издано Тихонравовым в «Памятниках отреченной русской литературы» и в Макарьевских минеях под 4 сентября. Мы пользуемся изданием Тихонравова [М., 1863].

³² Изданы Тихонравовым в тех же «Памятниках». Мы пользуемся этой публикацией.

20. Апокрифическое Житие Макария Римлянина, дошедшее, между прочим, в Паисиевом сборнике XIV—XV в.³³

В нем слова: *гладити*, *грозитися*, *распрятати* (оправить), *трепьятокъ*, *чреда* (стадо), *хоботъ* (о змее), *камо ся дежю*.

Форма 3-го л. аориста: *бы*.

21. Повесть об Акире, дошедшая, между прочим, в списке XV в. Московского Общества истории и древностей росс.³⁴ В ней слова: *тивунъ*, *скотъ* (деньги), *кнутъ*, *бумага*, *извѣсть*, *задница* (наследство), *конюхъ*, *лаяти* (лаять), *опѣшати* (сделаться пешим), *орь* (жеребецъ), *проскѣпъ*, *портити*, *посунутися*, *прѣсный медъ*, *синецъ* (эффиоп), *умотчати* (замедлить), *умникъ* (умный человек), *хвостъ*, *вытиду* (1-е л. ед.), *выведъ* (проч.).

Формы 3-го л. аориста: *бы*, *вда*.

22. Повесть о прекрасном Девгении, краткая, известная пока только в одном очень позднем и неполном списке, с текстом, пострадавшим от времени.³⁵ Здесь слова: *фарь*, *фарижъ* (породистый конь), *кметъ* (удалец), *братаничь*.

23. Повесть об иверской царице Динаре, дошедшая во многих списках конца XVI и XVII вв.³⁶ Здесь слова: *бесерменьский законъ*, *блюдо лальное*, *броня*, мп. (ср. Начал. летоп.).

24. Повесть об царе Адарьяне, дошедшая, между прочим, в списке XV в. (Троицк. л., 729).³⁷ Здесь слова: *нелюбие*, *покладъ*, *выступити*.

Форма 3-го л. ед. аориста: *прия*.

³³ Издано Тихонравовым в тех же «Памятниках». Мы пользуемся этим изданием. Был еще южнославянский перевод этого жития, отрывок которого находится в русском сборнике моск. Публичного музея, № 1548, XIV в.

³⁴ Отрывки изданы Буслаевым в его «Исторической хрестоматии» [М., 1861]. Мы пользуемся списком XV в. Тексты повести в поздних списках, русских и сербских, по-видимому, восходят к древнерусскому переводу.

³⁵ Издана в «Памятниках старинной русской литературы». Другая повесть о Девгении, пространная, отрывок из которой находится в позднем сборнике Тихонравова, также, по-видимому, переведена в домонгольской Руси.

³⁶ Издана там же, и сверх того в «Ученых записках» по I и III отд. Акад. наук, кн. I, и в «Bulletin» Акад. наук, отд. истор.-филол., IX, № 19.

³⁷ Издана по позднему списку в тех же «Памятниках». Мы пользуемся списком XV в.

25. Повесть о двенадцати снах Шахаиши, дошедшая, между прочим, в списке XV в.³⁸ Здесь слова: *орь, звезда хвостатая, щенята, вылѣсти, болозѣ* (хорошо).

Сверх этих произведений, должны быть признаны за переведенные в домонгольской Руси также: Пролог (или Синаксарь) в своей основной части (краткие жития святых),³⁹ изречения Менандра,⁴⁰ Чудо св. Иоанна Богослова с гусарем (находящееся в Прологе по спискам XIV в.), Чудо св. Дмитрия Солунского с двумя девицами (находящееся в Прологе по списку XIV в. и в Троицком сборнике XIV в. № 39),⁴¹ Чудеса св. Георгия (о сыне попове, о бесноватом отрочати и об иконе, простреленной сарацинином), находящиеся все вместе в Румянцевском прологе 1484 г., № 527, под 23 апреля,⁴² Чудо св. Георгия с болгаринном,⁴³ Чудо Козмы и Дамиана в Корсуне,⁴⁴ Толк священнического чина св. Василия, дошедший в Кормчей около 1282 г.,⁴⁵ Повесть об Авгаре и перуковтвенном образе.⁴⁶

По всей вероятности, при более тщательном исследовании, чем сделанное нами, окажутся переведенными в России домонгольского времени также толкования на послания ап. Павла неизвестного автора (дошедшие

³⁸ Издана Веселовским в «Сборнике» Акад. наук, т. XX (по списку XV в.) и А. В. Рыстенком (Сказание о двенадцати снах царя Мамера в славяно-русской литературе. Одесса, 1904). Мы пользуемся изданием Веселовского. — Сербские списки повести (о которых см. в труде Рыстенка) восходят, по нашему убеждению, к русскому оригиналу.

³⁹ Два перевода, оба известные в списках начиная с XIII в. По архиеп. Сергию (Полный месяцеслов Востока. I. Изд. 2-е [СПб., 1878], с. 303—306), один перевод сделан с греческой редакции Или и Константина Мокисийского, живших в конце XI и начале XII в., а другой восходит к греческой новой, дополненной, редакции. Древние южнославянские списки восходят к русскому оригиналу.

⁴⁰ Изданы В. А. Семновым в «Памятниках» ОЛДП [вып. 89. СПб., 1892]. Сербские списки восходят к русскому оригиналу.

⁴¹ Исследованное Кирпичниковым в ЖМНП 1890 г., № 4.

⁴² Издано Х. М. Лопаревым в «Памятниках» ОЛДП [вып. 100. СПб., 1894].

⁴³ Чудо об иконе находится также в Троицком сборнике XIV в., № 39, л. 190.

⁴⁴ Издано в Макарьевских минеях под 1 ноября. Впрочем, это чудо может быть оригинальным русским текстом.

⁴⁵ Издан Красносельцевым (О древних литургических толкованиях. Одесса, 1894).

⁴⁶ Издана в Макарьевских минеях под 18 октября.

отчасти в списке 1220 г. и вполне в списке XV в.)⁴⁷ и на Песнь песней Филона Карпафийского (дошедшие в списке Моск. о-ва истории и древн. XIII—XIV в.).

Одно произведение нам представляется переведенным в Болгарии в симеоновскую эпоху и затем исправленным в России по греческому оригиналу, впрочем, получившийся текст вышел во всех отношениях малоудовлетворительным. Это — Хронограф Георгия Амартола, дошедший, между прочим, в списке XIV в.⁴⁸ и совмещающий в своем словарном материале яркие южнославянизмы с яркими русизмами.

Существовавшее у нас еще недавно мнение, что домонгольская Русь имела собственную, «русскую», редакцию перевода Евангелия и Апостола, теперь должно считаться оставленным. Названная редакция, скорее, может быть названа «симеоновской», так как возникла, по-видимому, в кружке болгарского царя Симеона.⁴⁹

ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ ПИСЬМЕННОСТЬ В XIV—XV вв.

Если мы возьмем два ряда русских рукописей — один около половины XIV в., другой около половины XV в. — и взглянем в их особенности и содержание, нам бросится в глаза значительная разница между ними во всех отношениях.

Начнем с письма. Рукописи половины XIV в. написаны или уставом, или образовавшимся из него и с ним тесно связанным старшим полууставом.¹ Рукописи половины

⁴⁷ Воскресенский Г. А. Древний славянский перевод апостола и его судьбы до XV в. [М., 1879], с. 66—69.

⁴⁸ Словарные данные у Срезневского (Сведения и заметки, № IV). Наш текст Амартола был, как известно, в руках автора Начальной летописи. Дошедший в списках XIV в. сербский текст этого хронографа представляет перевод греческого текста другой редакции и совершенно отличен от русского текста.

⁴⁹ Г. А. Воскресенский говорит, что она «ведет начало» «от южнославянских образцов века Симеонова» (Богословск. вестн., 1903 г., № 2, с. 235).

¹ Этот старший, чисто русский полуустав мы имеем в Лаврентьевском списке летописей 1377 г., в Тактикове 1397 г. (снимок у Срезневского, в приложении к «Древним памятникам русского письма и языка»), в Паисиевом сборнике и в целом ряде других недатированных рукописей.

XV в. написаны почти исключительно младшим полууставом, совершенно отличным от полуустава старшего и не находящимся от него в зависимости. Устав и старший полуустав имеют *ѣ* или заменяющее его *є*, наклоненное к началу строки.² Младший полуустав не знает *ѣ* и пользуется его заменителем *є* или прямым, или наклоненным к концу строки.³ Устав и старший полуустав нередко имеют букву *у* после согласных без *о* (т. е. в виде *у*) и совсем не знают буквы ижицы. Младший полуустав постоянно пользуется буквою *у* с *о* (т. е. *оу*) или так называемым уком (*Ѹ*) и имеет особую букву ижицу (*ѷ*), отличающуюся от второй части *оу* и формой, и величиною.⁴ Устав и старший полуустав обыкновенно имеют букву *ы* в виде *ѣ*. В младшем полууставе в состав *ы* всегда входит *ѣ* (*ѣ*). Устав и старший полуустав употребляют букву *ѳ* очень редко, почти исключительно в ее цифровом значении, причем она имеет форму перечеркнутого обыкновенного *о*. Младший полуустав пользуется *ѳ* сравнительно часто, и форма этой буквы в нем совсем иная.⁵ Устав и старший полуустав совсем не знают буквы *ѕ* и имеют лишь цифру в форме *ѕ*.⁶ Младший полуустав более или менее часто пользуется буквою *ѕ*, и его *ѕ* и в буквенном, и в цифровом значении имеет ту форму, какая ему придается в нынешних наших церковных книгах.⁷ Далее, в уставе и старшем полууставе форма остальных, не названных выше букв (особенно *в*, *ж*, *з*, *к*, *т*, *ч*, *ѡ*, *Ѣ*), более или менее значительно отличается от формы тех же букв в младшем полууставе.

Взглянем на начало и конец статей. Устав и старший полуустав не сопровождаются в заглавиях статей вязью,

² Смотри это *є* в Лаврентьевском списке летописей и в Тактикоме 1397 г.

³ См. у архиеп. Саввы (Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Моск. Сип. библ. [М. 1863]) снимки с ркп. 1436, 1438, 1452 и 1477 гг.; в сборнике Археологического института ([Соболевский А. И.] Палеографические снимки с русских рукописей XII—XVII вв. [СПб., 1901], снимки с ркп. 1428, 1485, 1495 гг.

⁴ См. у Саввы снимки с ркп. 1436 и 1477 гг.; в сборнике Археол. ин-та снимок с ркп. 1495 г.

⁵ См. у Саввы снимок с ркп. 1436 г.; в сборнике Археол. ин-та снимки с ркп. 1428 и 1495 гг.

⁶ См. у Саввы снимки с ркп. 1357, 1358, 1369 гг.

⁷ См. у Саввы снимки с ркп. 1436, 1438, 1452 гг.; в сборнике Археол. ин-та снимки с ркп. 1428, 1466, 1485 гг.

в конце статей воронкой; при младшем полууставе вязь и воронка ⁸ — явления вполне обычные.

Обратимся к орнаменту. Устав и старший полуустав нередко имеют при себе заставки и большие буквы, исполненные в так называемом чудовищном стиле киноварью или красками.⁹ Младший полуустав обыкновенно сопровождается геометрическим ¹⁰ или (реже) растительным ¹¹ орнаментом, в котором рядом с киноварью и красками являются золото и (реже) серебро.

Кинем беглый взгляд на орфографию. Тексты, писанные уставом и старшим полууставом, отличаются простотою орфографии и сравнительной близостью ее к русскому произношению. Напротив того, в текстах, писанных младшим полууставом, мы встречаемся и с юсом большим, и с *a* вместо *я* (*своа, добраа, спасениа*), и с *ь* вместо *ъ* в конце слов (при *ъ* вместо *ь* или *e* в середине слов), и с написаниями вроде *врѣхъ, трѣгъ* (=верх, торг), а сверх того, находим в словах греческого происхождения более или менее правильное употребление *ѳ*, *ѱ* и двух *ѳ* вместо *нг*: *аггелъ*, а иногда *б* вместо *п* после *м*, *д* вместо *т* после *н*, согласно позднейшему греческому произношению: *Олѳмбъ, Андоній*.

Рассмотрим язык. Церковнославянский язык рукописей половины XIV в. богат общерусскими и местными русскими особенностями. Мы имеем в нем более или менее часто *ж* вместо *жд*, *ч* вместо *щ*, полногласие; мы имеем в нем новгородское *ц* вместо *ч* и наоборот, галицко-волинское *ѣ* вместо *e* в известных случаях и т. п. Напротив того, церковнославянский язык многих рукописей половины XV в. как бы избегает русизмов (кроме главных: *у* вместо *ж* и т. п.), но зато не свободен от древних и поздних болгаризмов: *ѣ* вместо *я*, *я* вместо *ю* и наоборот (*а* вместо *ж* и наоборот), форм вроде *Василіе* (им. ед.), *сыновомъ, сыновѣхъ* (от *сынъ*), *тріехъ, пятихъ, десятихъ*

⁸ Вязь см. у Саввы в снимках с ркп. 1436, 1477, 1499 гг. Вместо воронки в конце статей встречаются крест и круг.

⁹ См. у Буслаева (Материалы для истории письменности [М., 1855]) снимок с ркп. 1355 г. и у Саввы снимки с ркп. 1357 и 1358 гг.

¹⁰ Так мы называем орнамент из пересекающихся кругов или фигур, сходных с кругами. Образцы см. у Саввы в снимке с ркп. 1504 г. и в сборнике Археол. ин-та в снимке с ркп. 1516 г.

¹¹ См. у Буслаева и Саввы снимки с ркп. 1499 г.

(от *три, пять, десять*), слов *цѣфту* (цвету), *прѣзь* (через), *еговь* (его), *тоговь* (того) и т. п.

Наконец, перед нами самые тексты. И здесь разница между рукописями половины XIV в. и рукописями половины XV в. значительна. Евангелие половины XIV в., апракосное, имеет одну редакцию церковнославянского перевода, а Евангелие половины XV в., тетр, — другую; то же можно сказать об Апостоле и Псалтыри. Богослужбные минеи половины XIV в. по своему составу существенно отличаются от миней половины XV в.; то же, кажется, должно сказать о большей части остальных сборников богослужбных гимнов. Песнь песней,¹² Слова Григория Богослова, Лествица Иоанна Лествичника, Пандекты Никона Черногорца, Вопросы-ответы псевдо-Афанасия к князю Антиоху, Житие Антония Великого,¹³ Житие Варлаама и Иоасафа,¹⁴ Синайский патерик, апокрифическая повесть о пророке Иеремии,¹⁵ Слово Мефодия Патарского и многие другие произведения в списках половины XIV в., с одной стороны, и половины XV в. (или позднее) — с другой, или представляют разные церковнославянские переводы, или имеют более или менее крупные отличия в тексте. Далее, рукописи половины XIV в. не знают целого ряда литературных произведений, почти исключительно переведенных с греческого, которые обычны в рукописях половины XV в. К этим произведениям принадлежат аскетические сочинения свв. Василия Великого, Исаака Сирина, аввы Дорофея, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова и др., полемические сочинения против латинян Григория Паламы, Нила Кавасила, Никиты Стифата, Германа, патриарха константинопольского

¹² Старшая редакция — с толкованием Филона Карпафийского; младшая, исправленная, — без толкования. В списке Ундольского (№ 1, XV в.) находятся обе редакции.

¹³ О церковнославянских текстах первых трех произведений см. у Горского и Невоструева (Опис. ркп. Моск. Син. библ., II, 2), а о текстах последних двух — у Архангельского (Творения отцов церкви в древнерусской письменности. [СПб., 1888]).

¹⁴ Старшая редакция — в Макарьевских минеях и в рукописях Софийск. № 69, XIV в., Публ. библ. Погод. № 765, Румянц. муз. Унд. № 241, Троицк. л. № 690, а отдельные повести в Златой цепи XIV в. и (в сокращении) в Прологе; младшая — в рукописях Троицк. л. № 687, 1444 г., и Публ. библ. Толст. I, № 255, XV в.

¹⁵ Обе редакции изданы Тихонравовым (Памятники отреченной русской литературы, I), одна на с. 273, другая на с. 284.

(а также Прение Панагиота с Азимитом), Толковое евангелие Феофилакта Болгарского, два Учительных евангелия: Иоанна Златоустого и патриарха Каллиста, Римский патерик,¹⁶ три другие патерика (Азбучный,¹⁷ Иерусалимский и один из Скитских¹⁸), Стишной пролог, Житие Григория Омиритского, Маргарит Иоанна Златоустого, Тактикон Никона Черногорца, Диоптра инока Филиппа, Похвала твари Богу Георгия Писидийца, Стефанит и Ихнилат, христианизованная Александрия.

Само собою разумеется, между рукописями половины XIV в. и рукописями половины XV в. находится ряд рукописей более или менее смешанного характера. Устав и старший полуустав еще господствуют в конце XIV и начале XV в., но некоторые их буквы могут иметь ту форму, с которой они являются в младшем полууставе;¹⁹ или сопровождающий их орнамент может быть орнаментом младшего полуустава; или в орфографии и языке встречаются то чаще, то реже — обычные особенности младшего полуустава.²⁰ Наоборот, младший полуустав второй четверти XV в. нередко имеет две, три, несколько букв в той форме, которая им свойственна в старшем полууставе.²¹ Наконец, старшие списки некоторых из тех текстов, которые не были у нас известными в половине XIV в., списки, относящиеся к концу XIV и началу XV в., написаны уставом или старшим полууставом.

Если мы сопоставим наши рукописи половины XV в. с южнославянскими XIV—XV вв., то заметим между ними поразительное сходство. Наш младший полуустав в разных своих видах сходен с южнославянским полууставом до мельчайших особенностей. Орнамент, его сопровож-

¹⁶ Старшие южнославянские списки: 1) пергаменный, Виленск. Публ. библ. № 3, XIV в.; 2) Публ. библ. Q I 275, XIV в. Старший русский список — Моск. дух. акад. № 27, XV в. Перевод древний. Отрывки перевода этого Патерика были известны в России до XIV в.

¹⁷ Перевод Азбучного патерика — древний. Ср.: *Востоков*. Описание Румянц. муз. [СПб., 1842], № 307.

¹⁸ Троиц. л. № 701, 1469 г., и № 704, XV в.

¹⁹ Например, S имеет эту форму в писанной уставом Киевской Псалтири 1397 г. (см. у Срезневского). В той же рукописи в виде ш: изредка ь в конце слов и я вм. ю.

²⁰ Например, в Тактиконе 1397 г. вязь в заглавии является уже в Стихираре 1381 г., написанном едва ли не знаменитым Епифанием Премудрым (см. у Срезневского).

²¹ Например, S (цифра) находится в писанной младшим полууставом ркп. 1438 г. (см. у Саввы).

дающий, — тот самый, который является при южнославянском полууставе. Орфография наших рукописей половины XV в. представляет отражение орфографии южнославянских (точнее: среднеболгарских) рукописей, а особенности их языка — отражение особенностей среднеболгарского языка. Наконец, наши тексты половины XV в., те, которые были неизвестны у нас в половине XIV в., — не что иное, как копии южнославянских текстов XIV—XV вв.

Ясно, что между половиною XIV и половиною XV в. русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию. Это произошло благодаря усилившимся сношениям России с Константинополем и Афоном.

Как известно, русская литература получила начало от литературы южнославянской (древнеболгарской) и первые ее памятники, за немногими исключениями, — не более как списки с памятников южнославянских. Но живые сношения русских с южными славянами после покорения Болгарии греками сначала ослабили, а потом почти прекратились.²² Таким образом, эти две родственные литературы начали жить независимо одна от другой. Те переводы с греческого, которые были сделаны в России в XI—XIII вв., и оригинальные сочинения русских писателей того же времени остались почти совсем неизвестны²³ южным славянам; в свою очередь то немногое, переводное и оригинальное, что появилось у южных славян в XII—XIII вв.,²⁴ не перешло своевременно в Россию. Словом, к началу XIV в., с одной стороны, у русских накопилось

²² Между русскими текстами XII—XIII вв. мы почти совсем не имеем списков с южнославянских оригиналов того же времени, с сохранением особенностей среднеболгарской орфографии (мены юсов и т. п.).

²³ Исключений мало: кое-что из сочинений Кирилла Туровского, найденное М. И. Соколовым в Сербском сборнике XIII в., Пролог с житиями русских святых: Бориса и Глеба, Мстислава (сына Мономахова), Феодосия Печерского, Ольга — старший список с годом — имп. Публ. библ. 1339 г., болгарский; другой с годом 1340, болгаро-сербский, описан Ламанским (О некоторых славянских рукописях. [СПб.: 1864]), Уваровский список № 70, сербский, по Востокову, относится к XIII в.

²⁴ К литературным произведениям, переведенным у южных славян в это время, должно относить труды греческих писателей XI в. Феофилакта Болгарского (Толковое евангелие) и Филиппа инока (Диоптра).

некоторое количество литературных произведений, неизвестных южным славянам, с другой — у этих последних оказалось кое-что неизвестное русским. Конец XIII и первая половина XIV в. были неблагоприятны для русской литературы. То, что в ней было раньше (в том числе тексты священного писания и богослужебные), к этому времени, благодаря частому переписыванию и отсутствию какому-нибудь наблюдению за исправностью переписки, в ряде случаев более или менее искажилось и начало представлять в той или другой степени трудности для понимания. Новые переводы греческих литературных произведений перестали появляться. Деятельность русских писателей сократилась. Напротив того, для южнославянской литературы конец XIII и почти весь XIV век были временем большего оживления. Старые переводы с греческого один за другим были подвергнуты пересмотру и исправлению, на основании сличения с оригиналами; между ними были тексты и священного писания, и святоотеческих творений, и житий святых, и хронографов. Вместе с тем явился ряд новых переводов всевозможных произведений греческой литературы: и богослужебных песнопений,²⁵ и сочинений свв. отцов, и светских повестей. Наконец, появились кое-какие, впрочем сравнительно очень немногие, оригинальные труды южнославянских авторов (почти исключительно жития). Наши сведения о деятелях южнославянской литературы конца XIII и XIV в. совсем ничтожны. Мы можем назвать лишь несколько имен.²⁶ Но мы имеем основания догадываться,

²⁵ Новый перевод Трподи и Октоиха существовал уже в 1374 г. Ср. ст. Дринова в «Отчете о присуждении Ломоносовск. премии в 1899 г.», с. 29 [СПб., 1900. В «Отчете» помещена рецензия М. С. Дринова на книгу П. А. Сырку «История исправления книг в Болгарии в XIV веке» (СПб., 1899)].

²⁶ Евфимий, патриарх терновский (переводчик и плодovitый автор); наш митр. Киприан (переводчик богослужебных канонов и молитв; перечень их — в статье архим. Амфилохия в «Тр. III Археол. съезда» [Т. II. Киев, 1878], с. 247; Феодосий, патриарх терновский (1362), переведший слова Григория Синаита; Дионисий (XIII в.), переведший «Маргарит» Златоустого; Исая, афонский монах, переведший ок. 1371 г. творения Дионисия Ареопагита; Димитрий Зограф, переведший в 1385 г. будто бы в Ростове «Похвалу твари Богу» Георгия Писидийца; Закхей, переведший слова Исаака Сиряина; афонский иеромонах Евфимий, ученик Михаила Даскала, переведший «Воспоминание» Петра Дамаскина; Антоний (или Андроний), переведший «Житие Григория Омиритского»; первопресвитер Феодор, переведший ряд канонов и молитв (патр. Филофей

что главные из этих деятелей жили и трудились не в южно-славянских землях, а в Константинополе²⁷ и на Афоне,²⁸ которых монастыри владели богатыми библиотеками и представляли все удобства для литературной деятельности.

Около половины XIV в. Россия (по преимуществу Северо-Восточная) начала более деятельные сношения с Константинополем и Афоном, чем были прежде. Число русских паломников значительно увеличилось.²⁹

Скоро в монастырях Константинополя³⁰ завелась небольшая колония русских монахов. Одним из них был преп. Афанасий Высоцкий, любимый ученик преп. Сергия, первый настоятель Высоцкого м-ря под Серпуховом, ростовец родом, который, по свидетельству Епифания (в Житии преп. Сергия), был «в божественных писаниях зело разумень» и любил книжное дело. Поселившись в Константинополе в 1383 г., «яко единъ отъ убогихъ», он, по-видимому, занимался здесь лишь перепискою книг.³¹ Другим из них

и др.); Гавриил, прот. Св. Горы, переведший чин погребения на св. неделе (*Строев*. Библиографический словарь [СПб., 1882], с. 46). Сербские агиографы для нас не представляют интереса.

²⁷ Они могли жить, между прочим, в Студийском м-ре, в котором жили Евфимий и Киприан и в котором Киприан в 1387 г. сделал список Лествицы.

²⁸ Из известной заметки хиландарского монаха Григория об исправлении им так называемого Паралипоменона Зонары видно, что даже простая переписка книг для Сербии в начале XV в. производилась монахами этого монастыря.

²⁹ Следствиями усиления сношений Московской Руси с Грецией были, между прочим, сперва выход замуж за сына имп. Мануила дочери вел. кн. Василия Дмитриевича Анны (в 1414 г.), а потом женитьба Ивана III на Софье Палеолог.

³⁰ В м-рях Студийском (иначе Иоанна Предтечи) и соседнем с ним Перивлесте, а может быть, и в других. Игнатий Смольнянин, бывший в Константинополе в 1389 г., уже упоминает о русских в м-ре Студийском (Предтечи): «и упокоиша ны добръ ту живуци русь» (по изданию Палестинского о-ва [Православный палестинский сборник, т. IV, вып. 3, 1887], с. 7). Но Стефан Новгородец, посетивший Константинополь около 1350 г. и осматривавший Студийский м-рь, об жительстве в нем русских не говорит; то место «Путешествия», где говорится о встрече его с новгородцами Иваном и Добролюю и которое находится в издании Сахарова [Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849], но отсутствует во всех известных нам списках, по нашему мнению, — сочинение новейшего времени.

³¹ *Голубинский*. Преп. Сергей Радонежский. [Сергиев Посад, 1892], с. 99. — Во времена Епифания, в Сергиевом м-ре были «добросписания многа руки его». Вероятно, они сохраняются и до наших дней. Их нетрудно разыскать при помощи сличения их

был кир Зиновий, едва ли не тот Зиновий, который потом, с 1432 по 1443 г., был игуменом Троицкой лавры и много потрудился над увеличением лаврской библиотеки. Русская колония в Константинополе завела деятельные сношения с колонией южнославянской (болгарской). Интересуясь книжным делом, она, с одной стороны, добывала от южных славян их книги, изготовляла с них списки, отправляла их на родину, с другой — доставляла южным славянам неизвестные им русские тексты³² и хлопотала об сверке последних с греческими оригиналами. Сверх того, некоторые члены русской колонии, более или менее знакомые с греческим языком, сами предпринимали исправление своих текстов. Одному из них принадлежит исправленный по греческому оригиналу текст Евангелия, дошедший в константинопольском списке 1383 г. Другому — также исправленный (и сильно исправленный) текст всего Нового завета, сохранившийся в том чудовском списке половины XIV в., который обыкновенно считается принадлежащим перу св. митр. Алексия и который написан также, по-видимому, в Константинополе.

Вероятно, одновременно с поселением русских монахов в Константинополе усилилась русская монашеская коло-

письма с письмом собственноручной приписки Афанасия в Пандектах Никона Черногорца 1381 г. Син. библ. (*Срезневский*. Древние памятники, с. 245).

³² Русские Константинополя имели, например, у себя неизвестные южным славянам Пандекты Никона Черногорца и Историю Иосифа Флавия. Русский текст пандект был дважды исправлен и дополнен южными славянами, в первый раз слегка. Список пандект с текстом первого исправления, русский с среднеболгаризмами, относится к 1381 г. (Син. № 193) и сделан в Высоцком м-ре под Серпуховом, по благословению игумена его преп. Афанасия Высоцкого. Об этом списке см. у Горского и Невоструева, II, 3, № 218. Русский текст Истории Иосифа Флавия был переписываем у южных славян, и мы знаем сделанный с него сербский список 1585 г. (на Афоне; *Дмитриев-Петкович*. Обзор афонских древностей [СПб., 1865], с. 57).

Сверх того у русских Константинополя были 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского (ср. окончание одного из слов в списке XV в. у Тихонравова — *Летописи*, т. IV, смесь, с. 99). Русский текст слов Григория и толкований Никиты также был исправлен южными славянами и в исправленном виде изведен и в южнославянских, и в русских списках XV и XVI вв. (*Попов А.* Библиографические материалы, II—VII. [М., 1879], с. 265 сл.; *Никольский Н. К.* О литературных трудах митрополита Климента, с. 15).

ния на Афоне.³³ Но афонская колония менее, чем константинопольская, интересовалась книжным делом и не оставила заметных следов своей деятельности на литературном поприще. Нами может быть назван лишь один член этой колонии — иеромонах Афанасий Русин, покупавший и списывавший на Афоне книги в 1430—1432 гг. Другие русские, вывезшие с Афона какие-нибудь тексты, были, по всей вероятности, не более как паломниками. Русские Афона также завели сношения с южными славянами (того же Афона), но не со всеми, а лишь с одними болгарами; вследствие этого одна часть переводов и оригинальных сочинений, бывших у сербов Афона в XIV и начале XV в., русским осталась совсем или почти совсем неизвестна;³⁴ с другою мы познакомились через посредство болгар.³⁵ Отсюда понятно, почему русские списки, сделанные прямо с сербских оригиналов и потому более или менее изобилующие сербизмами, — так редки.³⁶

Сверх того, в самой России появились южнославянские выходцы. Мы знаем из них троих. Один — митр. Киприан, полугрек полуболгарин, живший до приезда в Россию

³³ Русские монахи были здесь и до XIV в.

³⁴ Таковы: перевод Церковного устава иерусалимского старшей редакции (о которой см. у Мансветова: Типик. [М., 1885], с. 271), дошедший до нас в хиландарском списке 1331 г. (описанном в Stargine, V (Zagreb, 1873)) и других сербских XIV в. (Публ. библ., Новый Иерусал.); перевод Синтагмы Матфея Властаря, дошедший до нас в ряде сербских списков XIV—XV вв. (о них см. у Флоринского: Памятники законодательной деятельности Душана. [Киев, 1888], с. 307); перевод толкования Олимпиодора на книгу Иова, сделанный хиландарским монахом Гавриилом в 1412 г. (Син. библ.); большая часть житий сербских государей.

³⁵ Так, исправление перевода или, пожалуй, новый перевод Лествицы сделан хиландарскими монахами около 1370 г. Но мы получили исправленный текст от болгар. Старший список этого текста, из южнославянских, до нас дошедший, руки митрополита Киприана, — 1387 г. (Горский и Невоструев, II, 2, с. 216—217). Несколько житий сербских государей перешло к нам также через посредство болгар: старшие наши списки их несвободны от болгаризмов; см., например, список Жития деспота Стефана Лазаревича, Троицк. л. 686, XV в., изданный Андреем Поповым (Изборник. [М., 1869], с. 92).

³⁶ Сербские рукописи, привезенные в Россию, очень затрудняли наших переписчиков. См. об этом интересное послесловие в списке слов Григория Богослова 1479 г. (Публ. библ. Погод. № 989), сделанном с сербского оригинала. Последний был вынесен «из сербской земли» иноком Кассианом Румянцевым в первой половине XV в.

в монастырях Константинополя и Афона,³⁷ любивший книжное дело, занимавшийся и переводами с греческого, и (будучи уже митрополитом) переписыванием книг, и прославившийся (в России) как автор. Другой — его родственник, митр. Григорий Цамвлак, болгарин, живший до приезда в Россию и на Афоне, и в Сербии, и в Молдавии, большой любитель книжного дела, оставивший по себе память рядом литературных трудов. Третий — «иеромонах Святой Горы» Пахомий Логофет, серб, сначала простой писец в приютившей его Троицкой лавре, потом одна из литературных знаменитостей Северо-Восточной Руси половины XV в.

Но об их деятельности по перенесению южнославянских текстов на Русь мы знаем очень мало. Мы можем сказать с уверенностью, что они явились в Россию не с пустыми руками,³⁸ но не имеем права приписывать принесенным ими южнославянским текстам сколько-нибудь большое значение. Кажется, эти выходцы сделали для России лишь одно: они своею властью или влиянием много поспособствовали замене у нас более или менее неисправных богослужебных книг, бывших до них в общем употреблении, — исправными, только что перенесенными в Россию от южных славян. Во всяком случае, современники охотно делали списки с принадлежавших Киприану богослужебных текстов и хвалили его за его заботы об «исправлении книжном».³⁹

В 1453 г. турки овладели Константинополем. Русская колония этого города была невольною свидетельницею их торжества, и двое из ее уцелевших членов, возвратясь

³⁷ Мы считаем вполне вероятным, что афонский монах Киприан, к которому адресовано послание Евфимия Терновского, — наш Киприан.

³⁸ До нас дошла Лествица Киприана, написанная им самим в Студийском м-ре в 1387 г., до окончательного переселения в Россию.

³⁹ Запись ркп. Успенского собора № 7, 1403 г.: «В лѣто 6000-ное 911, индикта 11, а солнечнаго круга 7, при благовѣрномъ и христолюбивѣмъ великомъ князи Василии Дмитриевичи всея Руси, 15 лѣта княженіа его, при святѣйшемъ и пресвященнѣмъ Киприанѣ митрополитѣ киевскомъ и всея Руси, его благословеніемъ и повелѣніемъ, написана бысть книга сіа, его же благословеніемъ земля русьскаа миръ глубокий приемлетъ, церкви же божіа православіа одежею свыше истканною одѣвася, и исправленіемъ книжнымъ и ученіемъ его свѣтлѣется паче солнечных зарей и напается яко отъ источника приснотекуща».

на родину, составили трогательные повествования об горестном событии.⁴⁰ Понятно, после него русским незачем было приезжать на жительство в Константинополь; да и Афон, к которому нужно было ехать через подвластный иноверным Константинополь, не мог привлекать их к себе столько, сколько прежде. Поэтому установившиеся были деятельные литературные сношения русских с южными славянами во второй половине XV в. почти совсем прекратились.⁴¹

Значение южнославянского влияния на русскую письменность в XIV—XV вв. очень важно. Благодаря ему русская письменность обновилась во всех отношениях. Конечно, замена одних начертаний букв другими и одной орфографии другою не имеет ценности; но этого уже никак нельзя сказать о замене неисправных текстов богослужебных и других книг исправными и о перенесении в Россию значительного количества неизвестных в ней ранее почти исключительно переводных сочинений. Необходимо признать, что по окончании ⁴² южнославянского влияния русская литература оказалась увеличившеюся почти вдвое и что вновь полученные ею литературные богатства, отличаясь разнообразием, удовлетворяли всевозможным потребностям и вкусам и давали обильный материал русским авторам. Едва ли можно сомневаться, что без этих богатств мы не имели бы ни сочинений Нила Сорского, ни своего Хронографа, первого русского труда по всеобщей истории, ни Азбуковника с его статьями по грамматике и орфографии.

⁴⁰ Первое находится в общеизвестной повести о Царьграде и в одном из списков приписывается якобы турецкому солдату Нестору Искендеру (фактические данные повести показывают, что автор во время осады Царьграда находился в Царьграде); второе в Толстовском хронографе (издано Андреем Поповым в «Изборнике»).

⁴¹ О русских в Константинополе после его падения см. у Малинина: Старец Елеазарова монастыря Филофей. [Киев, 1901], с. 232.

⁴² Кое-что было к нам приносимо от южных славян и в XVI в. (даже списки с сербских и молдавских хрисовулов XV—начала XVI в.; см. Иосиф. № 154, 1563 г.); так, список Жития Саввы Сербского был принесен в Москву в 1517 г. (*Строев*. Библиологический словарь, 93); список Синтагмы Властаря был доставлен из Молдавии в Москву при Иване Грозном, в 1556 г.

КОММЕНТАРИЙ

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Текст «Истории русского литературного языка» издается по авторской рукописи (ЛО Архива АН СССР, фонд 176, оп. 1, № 54) в объеме л. 1—161. Конец рукописи, содержащий два экскурса: «Изображение народной речи в русской литературе» (л. 161—167) и «Судьбы малорусского литературного языка» (л. 167—182), — опущен в настоящем издании в силу ограниченности его проблематикой истории русского литературного языка.

Рукопись А. И. Соболевского не имеет какого-либо членения на главы, разделы или параграфы; разбивка текста и заглавия разделов выполнены при подготовке настоящего издания. Заглавие рукописи «История русского литературного языка» надписано, вероятно, рукою Н. Л. Туницкого; впрочем, уже из первых фраз рукописи видно, что оно появилось не случайно и отражает авторское понимание целей и задач работы.

В нашем издании не оговариваются мелкие исправления текста, состоящие в приведении пунктуации и орфографии к требованиям современной нормы, раскрытии сокращенных написаний, удалении вычеркнутых автором слов и т. п. Все хронологические указания и цитаты проверены по соответствующим источникам, причем сделанные необходимые исправления также не оговариваются.

Рукопись почти лишена ссылок на источники и необходимого научного аппарата, лишь изредка попадает сокращенное обозначение имени автора или издания (обычно периодического), где помещено то или другое сочинение. Эти сокращенные пометы в издании не воспроизводятся, дается сразу полная расшифровка названия источника. Так, например, нашему примеч. 143 соответствует запись на поле рукописи «Примеры из XVI в. у Левицкого 51—52», примечанию 144 — «Rozpr VIII 274» (обе записи на л. 54).

Наши примечания носят библиографический характер и имеют целью документировать изложение. В тех случаях, когда А. И. Соболевский мог пользоваться несколькими изданиями на выбор, называется самое раннее из них. Указания на наиболее авторитетные труды, вышедшие по затронутым вопросам уже после окончания работы А. И. Соболевского над своим курсом, имеют в виду дать читателю возможность ознакомиться с историей разработки того или иного вопроса, а тем самым по возможности полно выяснить

состояние его к 1889 г. В ряде случаев даны также указания на последующую разработку некоторых теоретических вопросов истории русского литературного языка, что позволяет лучше оценить значение соответствующих высказываний А. И. Соболевского. Наконец, во всех случаях дается по возможности полный перечень работ А. И. Соболевского, в которых им были затронуты соответствующие вопросы как в период до написания этого урса, так и в последующий период.

При характеристике рукописных источников было сочтено возможным делать отсылки к работе Н. Н. Дурново «Введение в историю русского языка» в ее новом издании 1969 г. В этом издании, вышедшем довольно большим тиражом и, очевидно, общедоступном, список 280 русских рукописей XI—XVIII вв. снабжен библиографическими комментариями с учетом новейшей литературы вплоть до середины 60-х годов нашего века.

Проф. В. В. Колесов, проф. Н. А. Мещерский, сотрудники библиотеки ЛО Института языкознания АН СССР и Рукописного отдела БАН СССР оказали бескорыстную помощь в подготовке настоящего издания.

¹ Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846. — Перепечатано в «Полном собрании сочинений» К. С. Аксакова (т. II. М., 1876).

² См.: Грот Я. Филологические разыскания, т. I. Изд. 3-е. СПб., 1885.

³ Житецкий П. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в. Киев, 1889. — Годом раньше книга публиковалась в «Киевской старине».

⁴ Социолингвистическая ситуация в обществе, пользующемся двумя языками или двумя разновидностями одного языка, описана Ч. Фергусоном и названа им диглоссией. См.: *Ferguson Ch. A. Diglossia*. — *Word. Journal of the Linguistic Circle of New York*, 1959, vol. XV, № 2. См. также: Хютль-Фольтер Г. Диглоссия в Древней Руси. — *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd 24 (1978), S. 108—123; Worth D. S. On Diglossia in Medieval Russia. — *Die Welt der Slaven*, 1978, Bd XXIII, S. 371—393.

⁵ Деловые тексты в состав литературного языка Древней Руси включают С. П. Обнорский (Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946), Б. А. Ларин (Лекции по истории русского литературного языка. М., 1975), Н. А. Мещерский (Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка. — *Вестн. ЛГУ*, 1958, № 2). В. В. Виноградов против такого расширения понятия «литературный язык» решительно возражал (Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, с. 26).

⁶ Некоторые исследователи выводят такие источники, как Евангелие, библейские книги вообще, канонические и богослужебные тексты, за рамки древнерусского литературного языка на том основании, что, явившись впервые на старославянском языке у южных славян, они оказывались у восточных славян всего лишь «механическими списками со старославянских оригиналов» (Бартошевич А. История русского литературного языка, ч. 1. Wars-

zawa, 1973, с. 39). На самом деле часть этих переводов появилась в области восточных славян, что относится даже к библейским книгам, таким как Есфирь и Песнь песней; кроме того, южнославянские по происхождению тексты при переписке у восточных славян подвергались исключительно сильному влиянию местной языковой стихии. См.: *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славянорусской переводной письменности IX—XV вв. Изд. ЛГУ, 1978; *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

⁷ Далее следуют строки, относящиеся к экскурсу «Судьбы малорусского литературного языка», в нашем издании не публикуемому: «В-третьих, современная Россия, кроме общерусского литературного языка, имеет еще областной язык — малорусский, который в пределах нашего государства не имеет значения и представляется незначительным количеством литературных произведений, но вне нашего государства — в Галиции, Буковине, Венгрии благодаря полякам и немцам является господствующим языком литературы, на котором пишется все, что печатается русскими буквами, начиная от юмористического листка до ученого исследования.» — В Российской империи украинский литературно-письменный язык действительно оставался языком собственно художественной литературы. Известно, что А. И. Соболевский скептически относился к перспективам его развития. Содержание excursus «Судьбы малорусского литературного языка» частично отражено в его заметке «К юбилею И. П. Котляревского» (Библиограф, 1889, с. 189—195).

⁸ Сходный по содержанию раздел содержит «Славяно-русская палеография» А. И. Соболевского (СПб., с. 93, 94 по изд. 1908 г.).

⁹ Объем переводческой деятельности Кирилла и Мефодия А. И. Соболевский определяет в согласии с данными XV главы Паннонского жития Мефодия. См.: *Успенский сборник XII—XIII вв.* М., 1971, л. 108в—108г; ср.: *Соболевский А.* Кирилло-Мефодиевские вопросы. Киев, 1885.

¹⁰ Напротив, о пословном принципе перевода в Евангелии говорят В. А. Погорелов (Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. III. Опыт изучения текста Саввиной книги. — *Sborník filosofické fakulty university Komenského v Bratislave*, 1927, 5), Е. М. Верещагин (Из истории возникновения первого литературного языка славян. М., 1971). Против этого возражает К. Горалек, показывая, что дословность и буквальность в переводах появляется лишь с течением времени в результате многочисленных справок (*Horalek K.* *Evangeliiare a čtveroevangelia.* Praha, 1954).

¹¹ Ркп. ГИМ, Син. 21. — Так называемая Иоакимовская библия, приведенная под № 2 в «Описании»* и в названной А. И. Соболевским брошюре О. Новицкого.

¹² Оба примера исправлений заимствованы из книги Н. Ильминского. Второй пример в рукописи не окончен, последняя фраза абзаца вставлена нами по книге Н. Ильминского (2-е изд. Казань, 1886, с. 49).

¹³ На поле написано: «Пример из Мин Яг». Действительно, в предисловии к своему изданию «Служебные миней за сентябрь,

* См. Список принятых сокращений — с. 192.

октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг.» (СПб., 1886) П. В. Ягич приводит целый ряд неудачных буквальных переводов (с. LXXIX—LXXXV).

¹⁴ Ркп. ГБЛ, ф. 87, № 37 (Дурново, № 74). Ср.: Соболевский. Очерки, с. 16—18. — В «Университетских известиях» (1884, № 6) А. И. Соболевский привел отрывки текста из этого ирмолая, — там, однако, нет цитированного места.

¹⁵ Наблюдения о древнейших переводах гимнологии и о правке XVII в. см.: *Мещерский Н. А.* О синтаксисе древних славянорусских переводных произведений. — В кн.: Теория и практика перевода. Л., 1962.

¹⁶ Ркп. ГИМ, Воскр. 30 (Дурново, № 16).

¹⁷ Ркп. ГИМ, Син. 478. См.: Описание, т. II, отд. 2, с. 45—62.

¹⁸ Ср.: *Соболевский А. И.* Иоанн Златоуст в русской письменности. — Православная богословская энциклопедия, т. 6. СПб., 1905. — Творения Иоанна Златоуста в древнеславянской письменности очень многочисленны, до сих пор не выявлен их полный состав; под этим именем ходило также много подложных сочинений. См. также: *Гранстрем Е. Э.* Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности XI—XIV вв. — ТОДРЛ, 1974, т. XXIX.

¹⁹ *Будилович А. С.* XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публ. библ. XI в. СПб., 1875. — Шифр рукописи: О п I 16 (Дурново, № 13).

²⁰ Ркп. ГИМ, Син. 20, 360; Описание, т. II, отд. 2, 32—43. Здесь описаны две рукописи: XV и XVII вв.

²¹ Ркп. ГБЛ, ф. 256, № 198 (Дурново, № 64). Другой список «Лествицы» XIII в. (ЦГАДА ф. 181, № 452/920) А. И. Соболевский рассмотрел в работе «Два древних памятника галицко-волинского наречия» (РФВ, 1884, т. 12).

²² Славянский перевод «Богословия» Иоанна Дамаскина по ркп. ГИМ, Син. 108 издан О. Бодянским в ЧОИДР, 1887, кн. 4. Рассуждение Иоанна екзарха болгарского о правилах перевода находится в предисловии (с. 13—17). Более исправно напечатано И. В. Ягичем в «Рассуждениях».

²³ Хроника Георгия Амартола дошла более чем в десяти списках. По ркп. ГБЛ, ф. 173, № 100 XIII—XIV в. текст издан и исследован В. М. Истриным (Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I—III. Пг.—Л., 1920—1930). В т. 2, гл. 9 В. М. Истрин указывает около 20 мест, заимствованных в Начальной летописи из Хроники.

²⁴ Содержание параграфа отражено в «Славяно-русской палеографии» (с. 82—85 по изд. 1908 г.), а также в литографированных лекциях А. И. Соболевского «Судьбы церковнославянского языка» (1891), «Древнерусская переводная литература» (1892/93 уч. г.).

²⁵ Имеется в виду булла папы Иоанна XIII (965—972 гг.), о которой сообщает Козьма Пражский в своей «Чешской хронике» (*Chronica Boemorum*), кн. I, гл. 22. Напротив этого места на поле чернилами сделано примечание: «См. Палеограф. П. 23». Действительно, в книге А. И. Соболевского «Славяно-русская палеография. Курс второй» (СПб., 1902) на с. 23 также имеется указание на эту буллу. Следовательно, А. И. Соболевский обращался к работе над своим курсом в 1902 г. или позже.

²⁶ См.: Дурново, № 17, 18, 19, 40, 63, 66, 67, 68, 69, 70, 79, 83, 86, 94, 56, 108, 109, 110; Описание, т. II.

²⁷ Остромирово евангелие — ркп. ГПБ, Фп I 5 (Дурново, № 1). Изборник Святослава 1073 г. — ркп. ГИМ, Син. 31-д; Изборник 1076 г., — ркп. ГПБ, Эрмитажн. 20 (Дурново, № 2, 3).

²⁸ В связи с вопросом о древнерусском правописании см.: Дурново Н. Н. Славянское правописание X—XII вв. — *Slavia*, 1933, т. XII, с. 45—82. См. также по частному, но важному вопросу: Кандаурова Т. Н. Случаи орфографической обусловленности слов с полногласием в памятниках XI—XIV вв. — В кн.: Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968, 7—18.

²⁹ Ркп. ЦГАДА, ф. 381, № 84 (Дурново, № 5).

³⁰ Ркп. ГБЛ, ф. 256, № 103. — Исследована А. И. Соболевским в «Очерках» (Дурново, № 31).

³¹ Ркп. ГИМ, Син. 404 (Дурново, № 28). — В «Очерках» А. И. Соболевского дана лингвистическая характеристика древнего галицко-волынского говора.

³² Ркп. ЦГАДА, ф. 381, № 137 (Дурново, № 75).

³³ См. характеристику древнего киевского говора в работах А. И. Соболевского «Источники для знакомства с древнекиевским говором» (ЖМНП, 1885, № 2), «Древнекиевский говор» (ИОРЯС, 1905. т. X, кн. 1).]

³⁴ См.: Кузнецов П. С. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. — Докл. и сообщ. Ин-та русского языка, вып. 2. М.—Л., 1948.

³⁵ Противоположный взгляд — о существовании в Киеве языковой койне был выдвинут А. А. Шахматовым (см. его статью «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» (ЖМНП, 1899, № 4)). В это время А. А. Шахматов придерживался мнения, что членение русского языка на великорусское, белорусское и малорусское наречия, совпадающее географически с современными границами трех восточнославянских языков, возникло в доисторический период. Допущение в Киеве койне было призвано объяснить отсутствие в киевском говоре XI—XIII вв. малорусских черт. В действительности, однако, как это видно из исследований позднейшего времени, распадение восточнославянского языкового единства с последующим выделением трех языковых зон произошло не раньше конца XIII в. (см.: Филлин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, особо с. 53 сл.). Таким образом, становится излишней, а вместе с тем недоказуемой шахматовская гипотеза о киевской языковой койне XI—XIII вв.

³⁶ См.: ПВЛ, под 988 г.

³⁷ Слово *мастеръ* в этом значении употребляет архиепископ новгородский Геннадий. См.: Акты исторические, собран. и издан. Археологической комиссией, т. I. СПб., 1841, с. 148.

³⁸ Древнейший список Жития Феодосия Печерского находится в составе Успенского сборника, приведенные выражения — на л. 28а. (см. изд.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1974).

³⁹ Текст издан И. В. Ягичем в «Рассуждениях». Здесь же указывается, что Иоанн экзарх болгарский не участвовал в переводе грамматической статьи «О осьми частях слова» (с. 36—38).

⁴⁰ Текст «Слова о законе и благодати» митр. Илариона впервые опубликован А. В. Горским по списку XV в. — ГИМ, Син. 591

(Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе, ч. 2. М., 1844), затем О. М. Бодянский по списку XIV в. — ГИМ. Уварова, 1772 (ЧОИДР, 1848. т. III, № 7). Отрывок «Слова» по рукописи XIII в. (БАН, Финл., 37) издан Ф. И. Покровским (НОРЯС, 1906. т. XI, кн. 3). Наиболее исправное издание «Слова» подготовлено Н. Н. Розовым (Slavia, 1963, т. 32). Самое полное исследование см.: Müller L. Des Metropolitan Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962.

⁴¹ Ср.: Лукьяненко А. М. О языке Несторова Жития преподобного Феодосия Печерского. — РФВ, 1907, т. 58.

⁴² Обзор сочинений митр. Никифора (1104—1121) см.: Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, с. 99—121.

⁴³ Ркп. ГИМ, Син. 786 (Дурново, № 112).

⁴⁴ А. И. Соболевский, как и большинство современных ему ученых, различает двух Несторов: один — летописец, другой — автор Жития Феодосия, Жития Бориса и Глеба. См. об этом в статье А. А. Шахматова «Житие Антония и Печерская летопись» (ЖМНП, 1898, № 3). Ср. противоположный взгляд акад. Д. С. Лихачева (Повесть временных лет, т. II. М.—Л., 1950, с. 102—106).

⁴⁵ Напротив, Н. А. Мещерский указывает на наличие русизмов уже в оригинале «Слова о законе и благодати» митр. Илариона. См.: Мещерский Н. А. К изучению языка «Слова о законе и благодати». — ТОДРЛ, 1976, т. XXX, с. 231—237.

⁴⁶ См.: ПВЛ, под 1037 г.

⁴⁷ Митр. Иоанну II (1080—1089) принадлежат «Кановические ответы». Изд.: РИБ, т. VI, с. 1—20. О митр. Никифоре см. примеч. 42.

⁴⁸ Ркп. ГИМ, Син. 836. — Рукопись датируется 1296 г. См.: Описание, II, 3, № 217. — Язык рукописи обследован П. С. Кузнецовым (см. примеч. 34).

⁴⁹ См.: Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Писифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.

⁵⁰ Ркп. ЦБАН УССР. ДАН/II. 555. См.: Крыжановский Г. Рукописные евангелия киевских книгохранилищ. Киев, 1885, с. 3—52.

⁵¹ Ркп. ГПБ, Фп I, 17.

⁵² Ркп. ГБЛ, ф. 256, № 112. См.: Соболевский. Очерки. с. 40—46 (Дурново, № 154). — Следует отметить, что лексические наблюдения А. И. Соболевского в приведенных примерах неубедительны. Слово *улица* хорошо известно южнославянским письменным текстам (см.: Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Дио 3. Београд, 1864, с. 365), а *житомѣрѣниѣ* употреблено в Зографском и Маринском списках Евангелия (см.: Slovník jazyka staroslověnského, t. I. Praha, 1966, S. 610).

⁵³ Далее зачеркнута фраза: «Переписчик Святославова сборника 1073 г. в своей записи дает понять, что он не раз сделал «промену» в словах, то есть замепил одни из них, церковнославянские, другими, русскими». Действительно, в записи дьяка Иоанна говорится, что «князь Святославъ «повелѣ мнѣ. . . прѣмѣноу сътворити рѣчи» (л. 263). См. литографированное издание Изборника 1073 г. (ОЛДП, СПб., 1880). Однако толкование этого места, данное А. И. Соболевским, кажется натяжкой, что, видимо, и заставило его святить эту фразу.

О лексических вариантах в списках Евангелия существует довольно большая литература. См.: *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

⁵⁴ Позже А. И. Соболевский в работе «Особенности русских переводов домонгольского периода» (см. Приложение) с гораздо большим оптимизмом оценил «лексический критерий» определения происхождения того или иного текста. Он также отметил, что для решения таких вопросов особое значение имеет христианская терминология памятника. См.: *Соболевский А. И.* К истории древнейшей церковнославянской письменности. — В кн.: Сборник статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902. — Перепечатано в СОРЯС (1910, т. 87).

⁵⁵ Лишь в 1947 г. было вновь обращено внимание на связь темы летописной записи с ее языком. См.: *Еремин И. П.* Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, 1949, т. VII, с. 67—97; а также лингвистические исследования: *Улуханов И. С.* Предлоги *передь—предь* в русском языке XI—XVII вв. — В кн.: Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964, с. 125—160, и другие работы этого автора; *Shevelov G. Y.* On the Lexical Make-up of the Galician-Volhynian Chronicle (An Experiment in the Comprehensive Study of Vocabulary followed by a Few Remarks on the Literary Language of Old Rus'). — Studies in Slavic Linguistics and Poetics in honor of B. O. Unbegaun. New York, 1968, p. 195—207.

⁵⁶ Издана И. И. Срезневским в «Древних памятниках». Под несколько иным названием грамота приведена в «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, ч. I. (М., 1938, № 12).

⁵⁷ Вопросание Кирика с ответами архиеп. Нифонта дошло в составе Новгородской кормчей 1282 г. (ГИМ, Син. 132). Издано в РИБ, т. VI. СПб., 1880.

⁵⁸ Изд.: Срезневский. Древние памятники.

⁵⁹ Изд.: *Напьерский К. Э.* Русско-ливонские акты. СПб., 1868. Исследование этой грамоты см. у Соболевского в статье «Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв.» (РФВ, 1886, т. XV, с. 7—8).

⁶⁰ Издание, которым пользовался А. И. Соболевский: Палеографический снимок текста Русской Правды по Новгородской кормчей книге XIII в., скопированный под наблюдением И. И. Срезневского. СПб., 1888—1889. — На поле против этого места А. И. Соболевский выписал формы *разбои, разграбление, разнамекает*, очевидно, как показатели церковнославянского влияния на язык «Русской Правды». С. П. Обнорский в своем исследовании «Русская Правда» как памятник русского литературного языка» игнорировал эти факты; напротив, их отметил А. М. Селищев (О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. — ВЯ, 1957, № 4). См. также: *Ворт Д. С.* О языке русского права. — ВЯ, 1975, № 2.

⁶¹ Не следует думать, что А. И. Соболевский в буквальном смысле отождествлял живую разговорную речь и язык грамот. Как кажется, А. А. Шахматов впервые указал на то, что грамоты обладают определенной традицией письма, отличающей их от живой речи (*Шахматов А. А.* О языке Новгородских грамот XIII—XIV в. СПб., 1886, с. 131—132). В рецензии на эту работу

А. А. Шахматова А. И. Соболевский сочувственно отмечает эту мысль (ЖМНП, 1887, № 11, с. 103).

⁶² Ср. аналогичное мнение: *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 29. Ср. также недавно высказанное мнение американского слависта Д. С. Ворта о том, что языковая ситуация Киевского периода была «полицентрична»: существовало несколько типов письменных языков с различающимися функциями и различающимися нормами (Was There a «Literary Language» in Kievan Rus'? — *The Russian Review*, 1975, t. 34, N 1; перепечатано в кн.: *Worth D. S. On the Structure and History of Russian. Selected Essays.* München, 1977).

⁶³ Речь идет об архимандрите Давиде, обратившем в православие вел. кн. Ольгерда при его кончине в 1377 г., как об этом повествует Карамзин. См.: *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I. Киев, 1885, с. 85—86.

⁶⁴ Ркп. ГБЛ, ф. 304, I, № 35 (Дурново, № 83).

⁶⁵ Ркп. ГИМ, Син., 7 (Дурново, № 84).

⁶⁶ Ср. изложение этого раздела в заметке А. И. Соболевского «Остатки библиотеки XIII в.» (Библиограф, 1889, с. 144—145).

⁶⁷ См.: *Житие Варлаама Хутынского* в двух списках. СПб., 1881 (ОЛДП, № 41).

⁶⁸ Текст издан: Памятники старинной русской литературы, издан. гр. Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. И. Костомарова, вып. 1. СПб., 1860. См. также: *Еремин И. П.* Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле. — Тр. Комиссии по др. лит., 1932, т. I.

⁶⁹ Послание архиеп. Василия (1329—1352) содержится в составе Степенной книги (степень XI, гл. 9). См. в изд. 1775 г. или в ПСРЛ, т. XXI.

⁷⁰ Выражение это употребляет архиепископ новгородский Геннадий. См.: *Акты исторические*, собран. и издан. Археографической комиссией, т. I. СПб., 1841, с. 147.

⁷¹ См. текст сказания по рукописи XIII в.: ПДП, 1882. См. также: *Мансикка В.* Житие Александра Невского. СПб., 1913 (ПДП, № 180).

⁷² Сказание о Довмонте помещено в начале I и II Псковской летописи. См. также: *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

⁷³ См. в Патриаршей летописи под 1399 г. (ПСРЛ, XI, с. 175—183).

⁷⁴ Ркп. ГПБ, Q п 1, 31 (Дурново, № 195).

⁷⁵ Так называемый «Новый завет святителя Алексея» до революции хранился в Чудовом м-ре, теперь местонахождение неизвестно. Издан фототипически в 1892 г. (Дурново, № 151). Позднее А. И. Соболевский более подробно рассмотрел этот список и отверг предание о принадлежности митр. Алексею перевода этого текста (см.: Соболевский. Переводная литература, с. 26—31).

⁷⁶ Послания и поучения митр. Киприана публиковались: *Акты исторические*, собран. и издан. Археографической комиссией, т. I. СПб., 1851, № 7—11; *Православный собеседник*, 1860, № 5, 1861, № 2; РИБ, 1882, т. VI. О житиях его сочинения см.: *Барсуков Я. П.* Источники русской агрографии. СПб., 1882. См. также: *Архим. Амфилохий.* Что внес св. Киприан из своего родного наречия и из переводов его времени в наши богослужебные книги? — Труды III

археологического съезда, т. II. Киев, 1878; *Глубовский Н. Н.* Св. Киприан, митрополит всея России, как писатель. — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, I. 1892.

⁷⁷ О литературной деятельности митр. Феодосия см. в «Истории русской церкви» митр. Макария (т. VII, кн. 2, СПб., 1874, с. 136—144). «Слово на память св. Алексея» см. в летописи под 1462 г. (ПСРЛ, т. VI, с. 325—330).

⁷⁸ Житие Сергия Родонежского было литографически издано в 1853 г. в Троице-Сергиевой лавре, Житие Стефана Пермского в «Памятниках» (вып. IV).

⁷⁹ Текст «Слова» сохранился в составе летописей под 1380 г. (см.: ПСРЛ, т. IV, VI, XI, XX, XXI). См. также: *Адрианова-Перетц В. П.* Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского. — ТОДРЛ, т. V, 1947.

⁸⁰ См.: *Некрасов И. С.* Пахомий Серб, писатель XV в. — Зап. Новороссийского ун-та, 1871, т. VI. Наиболее полное исследование сочинений Пахомия принадлежит В. Яблонскому (Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908).

⁸¹ На поле перечислены следующие произведения: «Книга Еразма о св. Троице» (см.: ЧОИДР, 1880, № 4), «Степенная книга» (см.: ПСРЛ, т. 24), «Послание многословное» (см. примеч. 102), «Послание Сильвестра к казанскому воеводе А. Б. Шуйскому-Горбатову» (см.: ЧОИДР, 1874, № 1), «Житие Иосифа Волоцкого, составленное Саввою, сп. Крутицким» (издано К. И. Невоструевым в 1865 г.). Рядом с «Посланием» Сильвестра помечено: «хороший язык».

⁸² Аналогичная характеристика говора Москвы дана А. И. Соболевским в «Славяно-русской палеографии» (с. 88—89).

⁸³ Ркп. ГИМ, Син. 70 (Дурново, № 129).

⁸⁴ Ркп. ГИМ, Син. 600 (Дурново, № 149).

⁸⁵ Ркп. ГИМ, Син. 210. Часть текста издана ОЛДП (1892). О языке см.: *Каринский Н. М.* Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909, с. 42—62.

⁸⁶ Ркп., ГБЛ, ф. 256, № 9.

⁸⁷ Ркп. ГИМ, Син. 915 (Дурново, № 214).

⁸⁸ Аналогично излагается судьба Новгородского областного языка А. И. Соболевским в «Славяно-русской палеографии» (с. 88—89).

⁸⁹ Чернилами на поле добавлено: «См. Апостол новгородский 1567 г.» (Ркп. ГПБ, Q п 35).

⁹⁰ Так называемая Новгородская 3-я летопись (изд. Археографической комиссии. СПб., 1879).

⁹¹ Имеются в виду следующие списки Апостола: 1) 1307 г., ркп. ГИМ, Син. 722 (Дурново, № 118), 2) 1309—1312 гг., ркп. ГИМ, Син. 15 (Дурново, № 120). См. также в «Очерках» А. И. Соболевского.

⁹² Параклитик 1369, ркп. ГИМ, Син. 837 (Дурново, № 134); Параклитик 1386, ркп. ГИМ, Син. 838 (Дурново, № 144). См. также в «Очерках» А. И. Соболевского.

⁹³ Ркп. ЦГАДА, ф. 381, № 172 (Дурново, № 143). См.: Соболевский Очерки, а также: *Кандаурова Т. Н.* К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке псковского Пролога 1383 г.). — Тр. ИЯ АН СССР, 1957, т. 8.

⁹⁴ Евангелие 1409 г. — ркп. ГИМ, Син. 71 (Дурново, № 197); см. также: «Очерки», с. 138—143; Пролог 1425 г. — ркп. ГИМ, Син. 839 (Дурново, № 204); Трефолой 1446 — ркп. ГИМ, Син. 872 (Дурново, № 206); см. также: *Соболевский А. И.* Псковский Трефолой 1446 года. — РФВ, 1888, № 2; Палея толковая 1494 — ркп. ГПБ, Солов. 616/518 (Дурново, № 212); Палея 1518 г. — ркп. ГБЛ, ф. 310, № 719. См.: *Викторов А.* Собрание славяно-русских рукописей В. М. Ундольского. М., 1870, с. 12.

⁹⁵ Как известно, А. И. Соболевский в «Очерках» положил начало изучению псковского говора в его прошлом. Все свои главные труды посвятил изучению псковской письменности ученик А. И. Соболевского Н. М. Каринский.

⁹⁶ Это рассуждение А. И. Соболевского следует вполне в русле «Мыслей об истории русского языка» И. И. Срезневского (с. 38). В своем докладе 1894 г. «Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв.» (см. Приложение) А. И. Соболевский обратил внимание на то, что и церковнославянский язык не оставался неизменным на протяжении этого времени.

⁹⁷ Против этого места на поле написано: «Уважение к грамматике чувствовалось». Затем со ссылкой на «Описание» названо имя переводчика Вениамина, далее — Максима Грека и Ивана Федорова (со ссылкой на Каратаева). А. И. Соболевский имел в виду следующие факты. В «Описании» (I, 128) приведена запись из Геннадиевской библии, в которой говорится, что перевод Маккавейских книг с латыни сделан трудами «Вениамина, именем славенина, ведуща латиньскы язык и граматикку, ведуща ж отчасти и греческаго языка и вряжска». Ср. заметку «Доминиканец Вениамин», помещенную в «Переводной литературе» А. И. Соболевского (с. 254—259). Максиму Греку приписывается похвала грамматике и диалог о грамматике, включенные в московское издание Грамматики Мелетия Смотрицкого (перепечатано Ягичем в «Рассуждении», с. 325—338). Наконец, в послесловии ко львовскому изданию Апостола (1574 г.) Иван Федоров скорбит об уничтожении книгоиздательства в Москве в результате враждебных козней «яко же обычаи есть злоправных, и ненаученых, и неiskusных в разум человекъ, ниже граммотическия хитрости навикше, ниже духовнаго разума исполнени быше, но туне и всуе слово зло пронесоша» (перепечатано у Каратаева, с. 128).

⁹⁸ См.: Акты исторические, собран. и издан. Археографической комиссией, т. I. СПб., 1841, № 104. Ср.: О училищах книжныхъ по всѣмъ градомъ, гл. 26 (Стоглав. Изд. 2-е. Казань, 1887, с. 59—60). Речь в этой главе идет о подготовке священников в таких училищах.

⁹⁹ См.: Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959.

¹⁰⁰ Сочинения Нила Сорского (1433—1508) см. в кн.: *Архангельский А. С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси, ч. I. СПб., 1882.

¹⁰¹ Сочинения митр. Даниила (ум. 1539) см.: *Жмакин В.* Митр. Даниил и его сочинения. М., 1881.

¹⁰² От Зиновия Отенского дошли два сочинения: «Истины показание» (Казань, 1863) и «Послание многословное» (М., 1880).

¹⁰³ Имеются в виду библейские книги I и II Паралипоменон, I, II и III Ездры, Неемии, Товии, Иудифь, Премудрости Соломона,

I и II Маккавейские, частью Есфирь и Иеремии, переведенные с латыни для Геннадиевской библии 1499 г. См.: Описание, т. I, № 1—3.

¹⁰⁴ Текст жития см. в Памятниках, вып. IV, с. 36—51. См. также: *Дмитриев Л. А.* Повесть о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958.

¹⁰⁵ Переписка Андрея Курбского и царя Ивана Грозного издана в РИБ (1914, т. XXI). См. также: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951.

¹⁰⁶ *Митр. Макарий.* История русской церкви, т. VII, кн. 2. СПб, 1874, с. 527. См. также: *Тупиков Н.* Литературная деятельность даревича Ивана Ивановича. — ЖМНП, 1894, № 12.

¹⁰⁷ См. «Истины показание» Зиновия Отенского (Казань, 1863), с. 966—967. Вероятно, однако, что А. И. Соболевский пользовался пересказом этого места в «Истории русской словесности» И. Порфирьева (изд. 2-е, Казань, 1876, с. 563). Этот труд был известен А. И. Соболевскому, ср. его рецензию на т. 2 «Истории» И. Порфирьева в ЖМНП (1882, № 6). Анализ взглядов Зиновия Отенского, а также ряда его современников см.: *Толстой Н. И.* Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI—XVII вв.). — В кн.: Вопросы истории русского языкознания, вып. I. М., 1976.

¹⁰⁸ Предисловие к «Новому Маргариту» в переводе Андрея Курбского перепечатано А. С. Архангельским в приложении к его сочинению «Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI—первой половины XVII в.». М., 1888 (ЧОИДР, кн. I). Приводимые А. И. Соболевским выражения находятся на с. 13 Приложения.

¹⁰⁹ На поле со ссылкой на «Описание» (т. I) добавлено: «Переводчики библейских книг при Геннадии — латинские слова». Имеется в виду тот факт, что при переводе для Геннадиевской библии 1499 г. некоторых книг с латыни (см. примеч. 103) ряд латинских слов остался без перевода, что можно понимать как проявление слабой филологической подготовки переводчиков, как желание «пестрить речь иностранными словами» (Описание, т. I, с. 48, примеч.). Позже А. И. Соболевский высказал мнение, что латинизмы Геннадиевской библии свидетельствуют скорее всего «о плохом редактировании текста, при котором славянские слова попали на поля, в виде глосс, а латинские, отмеченные для себя переводчиком, очутились в тексте» (Соболевский. Переводная литература, с. 255).

На нижнем поле добавлено: «Особое место „Задонщины“, как и „Слова о полку Игореве“. Не видать, чтобы автор плохо знал церковнославянский язык. Церковнославянский и русский элементы в довольно гармоничном соотношении». Затем названо «Хождение гостя Василья 1465—1466 гг.» (см.: Палестинский сборник, т. II, вып. 3, СПб., 1884) и добавлено: «Автор старался писать по церковнославянски: израсте дресвета мала и изъ тѣхъ дресветъ» (с. 7).

¹¹⁰ Не вполне оконченное «Описание Великих четьех миней Макария, митрополита Всероссийского» было сделано А. В. Горским и К. И. Невоструевым. Частично опубликовано Е. В. Барсовым в ЧОИДР (1884, кн. I; 1886, кн. I). С 1868 по 1914 г. Археологическая комиссия опубликовала 15 выпусков четьих-миней, обнимающих (не полностью) время с сентября по январь.

¹¹¹ Изд.: *Мурзакевич Н. Н.* Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году. Одесса, 1847. См.: Дурново, с. 99.

¹¹² Основные издания юридических документов, использованные А. И. Соболевским, названы в его «Лекциях». Новейшее собрание новгородских грамот дано в изд.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949. — На книгу А. А. Шахматова «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.» (СПб., 1886) А. И. Соболевский откликнулся содержательной рецензией (ЖМНП, 1887, № 11).

¹¹³ Двинские грамоты вновь собраны и опубликованы в названном выше изд. «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Впервые собраны и изучены А. А. Шахматовым (Исследование о Двинских грамотах XV в. СПб., 1903).

¹¹⁴ Издания московских документов многочисленны. См.: Дурново, с. 98—99.

¹¹⁵ Рязанская грамота 1393 г. позже была издана фототипически при участии А. И. Соболевского. См.: Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. Составили А. И. Соболевский и С. Л. Пташицкий. СПб., 1903.

¹¹⁶ На поле прибавлено карандашом: «Соборн. постан. на Висковатова — ц.-сл., но перевод в простой русский». Митрополит говорит: не попадися и самъ въ еретики, зналь бы ты свои дѣла, которые на тебѣ положены, не розрояи списковъ». Эти слова митр. Макария читаются в изданном О. Бодянским «Розыске, или Списке о богохульных строках и о сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова Висковатого в лето 7062 (1554 г.)» (ЧОИДР, 1858, кн. III, ч. 2, с. 29). Приведенный здесь же (с. 37—40) текст соборного постановления, напротив, отличается выдержанным церковнославянским языком.

Далее карандашом: «Жалобница Сильв и Симеона на Башк (с ц.-сл.)». Имеются в виду «Жалобница Благовещенского попа Селивестра» и «Жалобница благовещенского попа Симеона», фигурировавшие в материалах собора 1554 г., где был обличен Матвей Башкин. См.: *Бодянский О.* Московские соборы на еретиков XVI в. в царствование Ивана Васильевича Грозного. — ЧОИДР, 1847, ч. 3, отд. 2, с. 18—23.

¹¹⁷ На поле карандашом добавлено: «Судебники Ивана III и Ивана Грозного». См.: Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952.

¹¹⁸ На поле карандашом написаны названия произведений на русском деловом языке: «Хождение Трифона Коробейникова» (добавлено: «прост. яз.») (Публикацию текста см.: ЧОИДР, 1887, № 1), «Стоглав» (см. изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863), «Домострой» (добавлено: «кроме той части, где источник церковнославянский») (изд.: ОЛДП, 1882), «Иконописный подлинник» (ср. отрывок у Буслаева, с. 1383—1388), «Путешествие Афанасия Никитина» (имеется несколько изданий: П. М. Строева, 1821; И. П. Сахарова, 1849; в ПСРЛ, т. IV, 1853). См. также «Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.» (М.—Л., 1958). После этого прибавлено: «Характ. делов. Готов. формулы. Архаизм (есмь — могло не употр.)».

¹¹⁹ Содержание этого параграфа в основном совпадает с ранее публиковавшимися А. И. Соболевским рецензиями на книги И. Недешева, Е. Ф. Карского, П. В. Владимирова (ЖМНП, 1885, № 6, 1887, № 5, 1888, № 10).

¹²⁰ См. примеч. 33.

¹²¹ См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, т. IV. СПб., 1851, с. 204. См. также: *Яременко П. К.* «Пересторога» — украинський антиуніатський памфлет початку XVII столетия. Київ, 1963.

¹²² По-видимому, А. И. Соболевский пользовался изданием текста в «Православном собеседнике» за 1853, № 9, № 11. Ср. также: *Розанов С. П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.

¹²³ См.: Памятники, вып. IV, с. 172—179.

¹²⁴ Ркп. ГИМ, Син. 235 (Дурново, № 98).

¹²⁵ Ркп. ГПБ, Фп I 10.

¹²⁶ Ркп. ГПБ, Погод. 12. — Рукопись известна под названием Полоцкого евангелия.

¹²⁷ Ркп. ГПБ, Фп I 17. — Эта и две предыдущие рукописи описаны в статье А. И. Соболевского «Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв.» (РФВ, 1886, т. XV).

¹²⁸ Ркп. ГБЛ, ф. 256, № 108.

¹²⁹ Ркп. БАН ЛитССР, ф. 19, № 2.

¹³⁰ См. статью Ф. Н. Бушлаева «Смоленская легенда о св. Меркурии» (Летопись русской литературы и древности, издан. Н. Тихоновым. Т. П. М., 1859; с. 13—66). Здесь названы важнейшие рукописи, рассмотрено содержание, приведены образцы языка. См. также: *Белецкий Л. Т.* Литературная история повести о Меркурии Смоленском. Исследование и тексты. — СОРЯС, 1922, т. 99, № 8.

¹³¹ Позже М. Н. Сперанский установил, что это житие было составлено вначале по-гречески в Константинополе (см. его работу «Сербское житие литовских мучеников». М, 1909), с этим согласился А. И. Соболевский (см. его рецензию в ЖМНП, 1909, № 11).

¹³² «Летопись Авраамки» издана Археографической комиссией в 1889 г. (ПСРЛ, т. XVI). В т. XVII ПСРЛ включены западнорусские летописи.

¹³³ См. издание Уваровского списка: *Попов А. Н.* Летописи великих князей литовских. — Уч. зап. II отд. Акад. наук, 1854, т. I. Слово *кмотръ*, очевидно, общеславянское. См. в «Этимологическом словаре» М. Фасмера.

¹³⁴ Ркп. ГИМ, Усп. № 3-п (Дурново, № 196).

¹³⁵ Ркп. БАН ЛитССР. Добрянский, № 161.

¹³⁶ Ркп. до революции находилась в Киеве, теперь ее местонахождение неизвестно. Описание см.: *Карпинский М.* Западно-русская четья 1489 г. — РФВ, т. 31, 1889 (Дурново, № 210).

¹³⁷ Ркп. БАН ЛитССР. Добрянский, № 95.

¹³⁸ Ркп. БАН ЛитССР. Добрянский, № 51.

¹³⁹ Ркп. ГБЛ, ф. 205, № 27. См.: *Строев П.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. Л. 1845, с. 11.

¹⁴⁰ Ркп. БАН, 34.5.30 (Дурново, № 190). На поле также упомянут Хлебниковский список летописи (см. ПСРЛ, т. II).

¹⁴¹ Так называемый «Архивский хронограф» — Ркп. ЦГАДА, ф. 181, № 279/658 (Дурново, № 222). См. также: *Оболенский М.* Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. между 1214 и 1219 гг. М., 1851.

¹⁴² Ркп. ГБЛ, ф. 256, № 358. Выказано, однако, мнение, что сборник псковского происхождения (см.: Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.—Л., 1964, с. 98—

99). Далее зачеркнута следующая фраза: «Из них в последнем (особенно в тех случаях, которые изложены самим переписчиком) мы видим немало местных черт: мену *v* и *y*, твердое *p* и т. п., но о них мы не будем распространяться».

Во фразе зачеркнута также: «Десятоглав или сборник библейских и богослужебных книг 1502—1507 гг.» Этот сборник был действительно составлен в Вильне и Супрасльском м-ре (ркп. БАН, 24.4.28). См.: *Алексеев А. А., Лихачева О. П.* Супрасльский сборник 1502—1507 гг. — В кн.: *Материалы и сообщения по фондам рукописной и редкой книги БАН СССР*. Л., 1977.

¹⁴³ См.: *Акты, относящиеся к истории Западной России*, т. I, СПб., 1846, № 12. — На поле А. И. Соболевский указывает, что случаи симони в XVI в. описаны О. Левицким в его предисловии к изданию «*Архив Юго-Западной России*» (ч. 1, т. VI. Киев, 1883, с. 55—56).

¹⁴⁴ См.: *Kruczkiewicz B.* O Paule z Krosna i Janie z Wiślicy. Rozprawę i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności, т. XII, W Krakowie, 1887. — Павел из Кросна (Paweł z Krosna) известен также как выдающийся латинский поэт в Польше XVI в. Его сочинения изданы Б. Кручкевичем (*Pauli Crosnensis Rutheni atque Joannis Wislicensis carmina*. Kraków, 1887).

¹⁴⁵ См. о Франциске Скорине книгу П. В. Владимирова «*Доктор Фр. Скорина*» (СПб, 1888) и рецензию А. И. Соболевского (*ЖМНП*, 1888, № 10). Следующий далее раздел в основном совпадает с рецензиями А. И. Соболевского (*ЖМНП*, 1887, № 5, с. 137—147) на книгу П. В. Владимирова «*Доктор Фр. Скорина*» и на книгу Е. Ф. Карского «*Обзор звуков и форм белорусской речи*» (М., 1885). Новейшую и наиболее полную характеристику языка Скорины см.: *Жураўскі. Гісторыя*, с. 113—157.

¹⁴⁶ Ркп. ГПБ, Q I 391. См. также: *Карский К. Ф.* Западнорусский сборник XV в., принадлежащий имп. Публ. библ. Q I 391. СПб., 1897; *Жураўскі. Гісторыя*, с. 98—112. — Названные части сборника опубликованы Н. М. Тупиковым в ПДП (1901, № 140), В. П. Перетцем в ПДП (1903, № 150) и П. В. Владимировым в *ЖМНП* (1887, № 10).

¹⁴⁷ Ркп. Публ. библ. им. Э. Рачиньского в Познани, № 94. Текст повестей опубликован А. Н. Веселовским (Сб. ОРЯС, 1888, т. 44, № 3), летопись опубликована в ПСРЛ (т. XVII. СПб., 1907). А. И. Соболевскому было известно лингвистическое исследование этого сборника А. Брюкнером (*Archiv für slavische Philologie*, 1886, Bd IX).

¹⁴⁸ Об издательской деятельности Мамоничей см.: *Анушкин А.* На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970, с. 54—79.

¹⁴⁹ См.: *Попов А. Н.* Обличительные списания против жидов и латинян по рукописи имп. Публичной библиотеки 1580 года. — *ЧОИДР*, 1879, кн. I.

¹⁵⁰ См.: *Каратаев, № 58; Карский Е.* Два памятника старого западнорусского наречия. — *ЖМНП*, 1893, № 8; *Жураўскі. Гісторыя*, с. 187—201.

¹⁵¹ Издание В. Тяпинского обнимает Евангелие от Матфея и 14 глав Евангелия от Марка. Публикацию его обычно относят к 1580 г. См.: *Каратаев, № 94.* О языке Евангелия Тяпинского см.: *Жураўскі. Гісторыя*, с. 201—225. См. также: *Владимиров П.* Пре-

дисловие Василия Тяпинского к печатному Евангелию, изданному в Западной России около 1580 года. — Киевская старина, 1889, кн. I.

¹⁵² Это Учительное евангелие патриарха Каллиста. См.: Кара-таев. Описание, № 229.

¹⁵³ Ркп. ГИМ, Син. 558. Текст опубликован Н. И. Костомаровым в «Основе» (СПб., 1861, ноябрь—декабрь). Позже А. И. Соболевский опубликовал отрывок из этого перевода Песни песней с параллельным чешским оригиналом. См.: Соболевский. Материалы, с. 197—199, 202—203. О языке текста см. также: Жураўскі. Гісторыя, с. 158—165.

¹⁵⁴ На поле сделано указание на еще одно сочинение И. Потя, вышедшее на польском языке в Вильне (1603): «Obgona ś. synodu Florentskiego». См. также: Трипольский Н. Униатский митр. Ипатий Поцей и его проповедническая деятельность. — Труды Киевской духовной академии, 1877, 9—12, 1878, № 2. Polemические сочинения Ипатия Потя см.: РИБ, т. XIX (1903).

¹⁵⁵ Через два года был издан и западнорусский текст «Апокрисиса». См.: Яременко П. К. Український письменник-полеміст Христофор Філалет і його «Апокрисис». Львів, 1964.

¹⁵⁶ В работе А. И. Соболевского «Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв.» (РФВ, 1886, т. 15, с. 7—26) рассмотрены 22 грамоты и 4 вкладных соответствующего периода смоленско-полоцкого происхождения, в том числе упоминаемая далее грамота кн. Гердена 1264 г.

¹⁵⁷ Опубликовано: Напьерский К. Э. Русско-ливонские акты. СПб., 1868, № 25.

¹⁵⁸ См.: Срезневский. Древние памятники, с. 191—192.

¹⁵⁹ Головацкий. Памятники, № 1.

¹⁶⁰ В скобках: «Головацкий, № 17». В этой грамоте Витовта по изданию в «Памятниках» Я. Ф. Головацкого имеются формы *копа*, *полугрошники*.

¹⁶¹ См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I. СПб., 1846, № 9.

¹⁶² В работах норвежского слависта Хр. Станга показывается, что в эпоху Витовта в языке канцелярии Великого княжества Литовского присутствовали элементы украинских говоров. Позднее в ходе стабилизации делового языка он целиком основался на белорусских говорах, близких к современному Вильнюсу. См.: *Stang Chr.* 1) *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen.* Oslo, 1935; 2) *Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk.* Oslo, 1939. Ср. также: Жураўскі. Гісторыя, с. 37—38.

¹⁶³ См.: Статут Великого князтва Литовского. Вильна, 1588, отд. IV, арт. I: «А писаръ земський маеть по руску литерами и словы рускими вси листы, выписы и поэвы писати, а не иншимъ езкомъ и словы». «Статут» перепечатан во Временнике имп. Моск. о-ва истор. и древн. росс. 1854, кн. 19.

¹⁶⁴ Начальная формула грамоты Витовта 1392 г. (Головацкий, Памятники, № 18). Вообще начальная формула в грамотах Витовта подвержена колебаниям.

¹⁶⁵ Крупнейшие опубликованные собрания подобных документов: Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I—V. СПб., 1846—1853; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. I—XV. СПб., 1861—1892.

¹⁶⁶ На обороте листа карандашом: «Посмотреть Сборник Вил. 1585, Унию Поцея, Вертоград Вил. 1620». Речь идет о сборнике, отпечатанном в Вильне в 1585 г. (Каратаев, № 112) и содержащем «Диалог» патр. Геннадия Схолариса, «Прение христианина с сарацинном» Иоанна Дамаскина и «Слово» Иоанна Златоустого. В Сборнике имеется «предмова» на западнорусском языке от издателей Мамоничей и предисловие на церковнославянском, очевидно, Андрея Курбского (автор предисловия называет Максима Грека своим учителем). Об «Унии» Потя см. выше, примеч. 154. Третья книга — «Вертоград душевный». Вильна, 1620 (Каратаев, № 255) — представляет собой сборник молитв, составленных архим. Леонтием Карповичем на западнорусском языке.

¹⁶⁷ Обзор галицко-волынкой письменности XII—XIV вв. дан А. И. Соболевским в «Очерках» (с. 1—69).

¹⁶⁸ Антонович. Монографии, с. 233.

¹⁶⁹ Антонович. Монографии, с. 239.

¹⁷⁰ Ркп. ГПБ, ОЛДП F 6. — В 1890 г. ОЛДП издало корректурные листы этой псалтыри. В 1978 г. вышло полное издание рукописи, подготовленное Г. И. Вздорновым, с томом, содержащим его искусствоведческое «Исследование о Киевской Псалтыри» и описание миниатюр рукописи (М., «Искусство»).

Заметки о языке псалтыри см.: *Соболевский А. И.* Новый труд г. Стасова. — Унив. изв., 1887, № 5, с. 55, 56.

¹⁷¹ Так называемое Слупское евангелие. Местонахождение рукописи неизвестно. См. о ней: Срезневский. Сведения, № 65; а также статью А. И. Соболевского в «Университетских известиях» (1887, № 5, с. 57, примечание).

¹⁷² Ркп. ГПБ, Q II 317.

¹⁷³ Об этой рукописи см.: Срезневский. Сведения, XXI, с. 2.

¹⁷⁴ Антонович. Монографии, с. 224.

¹⁷⁵ Ркп. ГБЛ, ф. 256, № 209.

¹⁷⁶ Описание этих памятников дано в «Очерках» А. И. Соболевского.

¹⁷⁷ Галицко-Волинская летопись дошла в составе Ипатьевского списка (ПСРЛ, т. II), лингвистическим особенностям которого А. И. Соболевский посвятил несколько страниц в своих «Очерках» (с. 64—66). Ср. также: *Генсьорський А. У.* Галицько-Волинський літопис. Київ, 1961.

¹⁷⁸ Похвала кн. Владимиру Васильковичу с сообщением о том, что он сам писал книги, находится в Ипатьевском списке под 1288 г. См.: ПСРЛ, т. II.

¹⁷⁹ Ркп. ГПБ, F n I 64. См.: Соболевский. Очерки, с. 20—26 (Дурново, № 92).

¹⁸⁰ Ркп. ГИМ, Син. 740. См.: Соболевский. Очерки, с. 34—40 (Дурново, № 117).

¹⁸¹ Ркп. Львовского Гос. музея украинского искусства № 275 (Дурново, № 119).

¹⁸² Ркп. ГБЛ, ф. 256, № 106. См.: Соболевский. Очерки, с. 26—29 (Дурново, № 101).

¹⁸³ Ркп. Библиотеки Чарторыйских № 2092, Краков (Дурново, № 152).

¹⁸⁴ Ркп. ГИМ, Син. 604. См.: Соболевский. Очерки, 29, 32 (Дурново, № 115).

¹⁸⁵ Ркп. ЦГАДА, ф. 181, № 452/920. См.: *Соболевский А. И.* Два древних памятника галицко-волынского наречия. — РФВ, 1884, т. 12 (Дурново, № 110).

¹⁸⁶ Ркп. ГИМ, Чуд. 20 (?).

¹⁸⁷ См. примеч. 52.

¹⁸⁸ Ркп. м-ря Пунта в Румынии (Дурново, № 102).

¹⁸⁹ Ркп. ГПБ, Q п. I 2. См. Соболевский «Очерки», с. 46—48 (Дурново, № 166)

¹⁹⁰ См.: *Jagić, V.* Altrussische Fragmente in Königsberg (Mitgeteilt von Prof. A. Bezzenberger). — Archiv für sl. Philologie, Bd VII, 1884, с. 340—343.

¹⁹¹ См.: перечень грамот князя Льва в кн.: *Огоновский О.* История литературы русской, ч. I. Львов. 1887, с. 102—103.

¹⁹² Ср. в Ипатьевском списке под 1289 г.: «Се азъ князь Мѣстиславъ, сынъ корольевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестяны и в вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятнадцатъ десяткѣв лну, а по сту хлѣбовъ а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ: а потолку со всякого ста; а на горожанахъ 4 гривны кунъ; а хто мое слово порушить, а станеть со мною передъ Богомъ».

¹⁹³ Рукопись бывшего Киевского церковного археологического музея. См.: *Крыжановский Г.* Рукописные евангелия киевских книгохранилищ. Исследование языка и сравнительная характеристика текста. Киев, 1889, с. 105—131.

¹⁹⁴ Эту рукопись использовал в своем издании архим. Амфилохий (Древнеславянская псалтырь Симоновская до 1280 г., ч. 1 и 2. М., 1880, 1881). Затем И. В. Ягич публикацией приписки к рукописи указал на ее галицко-волыньское происхождение (Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884, с. 71). Однако уже в 1910 г. местонахождение рукописи было неизвестно В. А. Погорелову (Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. Варшава, 1910, с. 87—88).

¹⁹⁵ Ркп. ГПБ, Погод. 71. См.: Соболевский. Очерки, с. 50—58.

¹⁹⁶ Ркп. бывшего Археологического музея Киевской духовной академии. См.: *Карпинский М.* Южнорусский апостол XV в. — РФВ, 1888, т. 19.

¹⁹⁷ Ркп. ГБЛ, ф. 256, № 406 (Дурново, № 226).

¹⁹⁸ Ср. изложение этого раздела в «Очерках» А. И. Соболевского (с. 59—64).

¹⁹⁹ См.: Головацкий. Памятники, № 13.

²⁰⁰ Названные грамоты см.: Головацкий. Памятники, №№ 2, 3, 7, 11.

²⁰¹ См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. I. СПб, 1863, № 1.

²⁰² См. Головацкий. Памятники, № 4.

²⁰³ *Огоновский О.* История литературы русской, ч. I. Львов, 1887, с. 104.

²⁰⁴ На поле чернилами написано «будущимъ» со ссылкой на грамоту Свидригайла 1408 г. (Головацкий. Памятники, № 26). А. И. Соболевский отметил, очевидно, что написание не согласуется с типичным южнорусским «будучимъ».

²⁰⁵ См.: *Заиков П. М.* Старец Артемий, новооткрытый писатель эпохи царя Ивана Грозного. СПб., 1888; РИБ, т. IV, 1878 (послания

старца Артемия); *Вилинский С. Г.* Послания старца Артемия. Одесса, 1906.

²⁰⁶ Отсюда и до конца абзаца рассказ ведется на основании писем Андрея Курбского к кн. Острожскому, к Марку, ученику Артемия, и к Семену Седларю, львовскому мещанину. См.: *Устрялов Н.* Сказания князя Курбского, изд. 3-е. СПб., 1868, с. 222, 224—225, 252. Аналогичные сведения содержит также предисловие Андрея Курбского к «Новому Маргариту».

²⁰⁷ См.: *Долгов С. И.* Русский перевод латинского описания Иерусалима. — Древности. Труды Московского археологического общества, т. XII. М., 1888, с. 31—66. — Здесь представлен текст и его исследование.

²⁰⁸ История скитаний Ивана Федорова по Западной Руси изложена им в послесловии к Апостолу 1574 г., откуда взяты приведенные А. И. Соболевским цитаты. См.: Каратаев, № 84.

²⁰⁹ Описание издания см.: Каратаев, № 100.

²¹⁰ Наиболее полное описание состава и языка Острожской библии см.: Описание, т. I, № 1—3. В диссертации Г. Фрейдхофа отмечается западнорусское влияние в языке книг, подвергшихся правке при издании (*Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius Bibel und Ostroger Bibel. Frankfurt am Main, 1972*).

²¹¹ Упоминаемые издания суть следующие: «О крестном знаменнии» (Острог, около 1584), «Василия Великого книга о постничестве» (1594), «Маргарит» (1595—1596) (Каратаев, № 110, 132, 139 соответственно). Против этого места на поле написаны и перечеркнуты следующие слова: «В Сборнике Острожск. Карат. № 112 предисл. к диал. несомненно Курбского». У Каратаева под № 112 обозначен сборник, напечатанный в Вильне в 1585 г. Ср. выше примеч. 166. Слово «Острожск» — здесь очевидная ошибка.

²¹² Позже А. И. Соболевский написал специальную заметку «Максим Грек и Курбский» (Соболевский. Переводная литература, с. 279—282). Из исследований о языке Курбского см. особо: *Ляпон М. В.* Об отношении языка Курбского к русской литературной норме XVI в. — В кн.: Исследование по славянской филологии. Сборник памяти акад. В. В. Виноградова. Изд. МГУ, 1974, с. 227—233.

²¹³ Сведения об Острожской школе заимствованы А. И. Соболевским из «Истории русской церкви» митр. Макария (т. 9, СПб., 1879, с. 9—16). Там же содержатся сведения о Львовском училище, приводимые далее А. И. Соболевским. Ср. также: *Харлампович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в. Казань, 1898; *Исаевич Я. Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. Київ, 1966.

²¹⁴ На поле названа сохранившаяся в списке XVII в. «Книга блаженнаго Феодора, нарицаемаго Авукара, . . . ново от Еллинского на Славенское, едином от студеов училища Острозскаго Кгреко-словенскаго преведено», содержащая посвящение Ис. Балобану (1611 г.). См.: *Строев П.* Рукописи славянские и российские И. Н. Царского. М., 1848, № 668.

²¹⁵ «Сия кграматыка словеньска языка. . . В друкарни дому Мамоничовъ». По указанию И. В. Ягича (Рассуждение, с. 674), эта грамматика представляет собою печатное воспроизведение одного из списков сочинения «О восьми частях слова» (см. примеч. 39).

²¹⁶ Название грамматики: «ΔΕΛΦΟΤΗΣ. Грамматика доброглаголивого Еллинословенского языка. Совершенного искусства осми частей слова. Ко наказанию многоименитому Российскому роду. Во Львовѣ, в друкарни братской, року 1591. Сложена от различных Грамматик спудейми, иже в Львовской школьѣ». См.: Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, с. 170—172. См. отрывок: Буслаев, с. 981—984.

²¹⁷ Так называемая «Грамматика Словенская». См.: Булич С. К. Очерк, с. 172—174. «Лексис» Лаврентия Зизания переиздан в 1964 г. (Киев).

²¹⁸ «Грамматики Словенския правильное Синтаagma». См.: *Засадкевич Н.* Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883; Булич С. К. Очерк, с. 174—179. По петербургскому переизданию 1721 г. дает образец текста из этой грамматики Буслаев, с. 1287—1298. В 1979 г. «Грамматика» М. Смотрицкого фототипически переиздана в Киеве издательством «Наукова думка» в сопровождении исследования В. В. Нимчука.

²¹⁹ Это довольно обстоятельно показал С. К. Булич. См. его выводы в кн.: Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893, с. 400—403.

²²⁰ Отрывок из лексикона по 2-му изд. (Кутейнский м-рь в Белоруссии, 1653 г.) см.: Буслаев, с. 1109—1112. В 1961 г. лексикон переиздан в Киеве. См.: *Коляда Г. И.* Памво Берында и его «Лексикон славенороссийский»: — Уч. зап. ГПИ им. Шевченко, вып. 3. Душанбе, 1953.

²²¹ См.: Буслаев, с. 209—210.

²²² У Каратаева (№ 103) описано и воспроизведено это редкое издание «Хронологии» Андрея Рымши.

²²³ См. описание издания у Каратаева, № 109. А. И. Соболевский пользовался экземпляром ГПБ (на поле пометка: П. Б.).

²²⁴ Сборник описан у Каратаева под № 119.

²²⁵ Если форма *въсть* представляет собою 3-е л. ед. ч. настоящего времени глагола *въмъ*, то окончание *-тъ* вполне корректно с точки зрения церковнославянской грамматики, так что не может рассматриваться как малорусизм.

²²⁶ У Каратаева (№ 124) под 1591 г. указана лишь одна грамота.

²²⁷ См. описание Каратаева, № 122.

²²⁸ Эти формы можно было бы также оценивать как архаизацию с не вполне корректным обобщением *-ѣ* в качестве суффикса повелительного наклонения.

²²⁹ См.: Каратаев, № 141. — Там же воспроизведено обширное предисловие к изданию.

²³⁰ Описан у Каратаева, № 155.

²³¹ См.: *Estreicher K.* Polnische Bibliographie des XV—XVII Jahrhunderts. Krakau, 1883, s. 103.

²³² О Евангелии Тяпинского см.: *Житецкий П. И.* О пересопнической рукописи. — В кн.: Труды 3-го археологического съезда, т. 2. Киев, 1878, с. 221—230, Приложение, с. 43—111 (здесь опубликован текст евангелия от Луки). О Хорошевском евангелии см.: *Житецкий П.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII—XVIII вв. Киев, 1889, с. 2. Исследование языка этого текста, иначе называемого Евангелие Негалевского (по имени переводчика), см.: *Назаревский А. А.* Язык Евангелия 1581 г. в переводе В. Негалевского. Киев, 1911.

²³³ См. примеч. 207.

²³⁴ См.: Каратаев, № 215.

²³⁵ См.: Каратаев, № 284. — В исправлении языка этого издания принимали участие Лаврентий Зизаний, Захарий Копыстенский, Памва Берында.

²³⁶ См.: Каратаев, № 301. — В издании также принимали участие Лаврентий Зизаний и Памва Берында.

²³⁷ См.: Каратаев, № 249. Евангелие напечатано в Рохманове Волынской губернии. Ср. с. 96.

²³⁸ На поле добавлено: «Зерцало богословия — смесь церковнославянского с русским. См. предисловие». Образцы церковнославянского языка с примесью западнорусских элементов из книги «Зерцало богословия» Кирилла Транквиллиона (1627) даны Буслаевым, с. 1027—1032. На поле добавлено также: «Грамматика Словенска Зизания — справиться». Действительно, в языке этой грамматики много западнорусизмов.

²³⁹ См.: Каратаев, № 219.

²⁴⁰ См.: Каратаев, № 240. См. также: *Перетц В.* Панегирек «Везерунк цнот Елисея Плетенецкого», р. 1618. — Зап. укр. наук. тов. в Київі, 1909, кн. VI.

²⁴¹ См.: Каратаев, № 274.

²⁴² См.: Каратаев, № 388.

²⁴³ См.: Каратаев, № 403. См. также: *Студинський К.* Панегірик εὐφωρία весело брмячая. — Зап. Наук. тов. ім. Шевченка, 1895, кн. 8.

²⁴⁴ Леонтию Карповичу принадлежит «Казанье двое одно» (Евье, 1615); Мелетию Смотрицкому «Казанье на честный погреб отца Леонтия Карповича» (Вильно, 1620); Захарию Копыстенскому «Казанье на честный погреб Елисея Плетенецкого» и «Омилия, албо казанье на роковую память Елисея Плетенецкого» (см.: *Титов Ф.* Типография Киево-Печерской лавры. Приложения к т. I. Киев, 1918). В своей рецензии (ЖМНП, 1887, № 3) на труд С. Голубева «История Киевской духовной академии» (вып. 1. Киев, 1886) А. И. Соболевский особенно подробно рассматривает называемые здесь произведения.

²⁴⁵ См.: Каратаев, № 588. — Этот православный катихизис был в 1649 г. переиздан в Москве (Каратаев, № 648). На поле карандашом прибавлено название «Палинодии» Захария Копыстенского (текст см.: РИБ, т. IV. СПб., 1878).

²⁴⁶ См.: *Перетц В. Н.* Киево-Печерский патерик в польском и украинском переводе. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, III. М., 1958.

²⁴⁷ Для этого абзаца в основном использованы материалы статьи П. Пекарского «Представители Киевской учености в половине XVII столетия» (Отечественные записки, 1862, ч. 141). На поле против этого абзаца упоминаются также «Анфология» Петра Могилы (1636 г.) и «Киевская летопись конца XVII в. из Межигорского монастыря», о языке которой говорится, что он «западнорусский с полонизмами и малорусизмами». Эта летопись, известная теперь под именем Львовской, хранится в БАН УССР (Унив. отдел. сб. Петрушевича, № 27).

²⁴⁸ *Митр. Макарий.* История русской церкви, т. XI. СПб., 1882, с. 135.

²⁴⁹ См.: *Митр. Макарий*. История русской церкви, т. XI. СПб., 1882, с. 30—34.

²⁵⁰ См.: Заседание в Книжной палате 18-го февраля 1627 года по поводу исправления Катихизиса Лаврентия Зизания (изд.: ОЛДП, № 17. СПб., 1878).

²⁵¹ См.: Описание, т. II, 3, с. 437—439.

²⁵² «Кириллова книга» описана у Каратаева, № 563, ее составные части там же № 119, 154, 246.

²⁵³ У Каратаева «О вере единой, истинной и православной» (№ 641). См. также: *Калужняцкий Э. И.* Игумена Нафанаила «Книга о вере», ее источники и значение в истории южнорусской полемической литературы. — ЧОИДР, 1886, кн. 4.

²⁵⁴ Об этих списках упоминается в «Истории русской церкви» митр. Макария (ч. XI, СПб., 1812, с. 598, примеч. 428; с. 600, примеч. 479).

²⁵⁵ Отрывки из всех трех книг И. Галятовского даны в «Христоматии» Буслаева (с. 1123—1144, 1151—1154). О языке его см.: *Witkowski W.* Język utworów Joannicjusza Galatowskiego na tle języka piśmiennictwa ukraińskiego XVII wieku. Kraków, 1969. — А. И. Соболевский использовал работу Н. Ф. Сумцова «Иоанникий Голятовский (К истории южнорусской литературы XVII в.)» (Киевская старина, 1884, № 3). — На поле помечено: «Сумцов».

²⁵⁶ Отрывки из «Меча духовного» и «Трубы словес» даны в «Христоматии» Буслаева. См. также: *Сумцов Н. Ф.* Лазарь Баранович. Харьков, 1885.

²⁵⁷ Отрывок из первого сочинения см. в «Христоматии» Ф. И. Буслаева. См. также: *Сумцов Н. Ф.* Иннокентий Гизель. Киев, 1884.

²⁵⁸ См. о Феодосии Сафоновиче: *Болховитинов Е.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. т. II. СПб., 1827, с. 284—290.

²⁵⁹ Отрывок из «Огородка» см. в «Христоматии» Буслаева. См. также: *Марковский М.* Антоний Радивилловский, южнорусский проповедник XVII века. Киев, 1894.

²⁶⁰ Драма перепечатана Н. С. Тихонравовым в его труде «Русские драматические произведения 1672—1725 гг.» (т. I. СПб., 1874, с. 3—75). См. также: *Адрианова В. П.* Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917, с. 152—204.

²⁶¹ Словарь под названием «Синонима славянорусская» опубликован впервые в приложении к книге П. Житецкого «Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в.» (Киев, 1889). Переиздан в кн.: Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноруская. Київ, 1964.

²⁶² Несколько позже А. И. Соболевский выступил оппонентом на защите И. А. Шляпкиным магистерской диссертации по книге «Св. Дмитрий Ростовский и его время». СПб., 1891. Отчет о защите с изложением выступления А. И. Соболевского см.: Историческое обозрение, т. 2. СПб., 1891, с. 177—181.

²⁶³ См.: *Максимович М. А.* Собрание сочинений, т. III. Киев, 1880, с. 710—712. О языке Стефана Яворского см.: *Флеров А. П.* Разбор «Слова о победе под Полтавой в 1709 г.» Стефана Яворского. — Филол. зап., 1894, вып. 1; 1896, вып. 8; *Морозов А. А.* Метафора и аллегория у Стефана Яворского. — В кн.: Поэтика и

стилистика русской литературы. Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971. — Автор последней статьи опирается на издание «Проповеди блаженный памяти Стефана Яворского» (ч. 1—3. М., 1804—1805), язык которого подвергся значительной редактуре.

²⁶⁴ На поле добавлено: «Кажется, даже в СПб. и Новгороде писал польские стихи (Перетц)». Речь идет, очевидно, о работе В. Н. Перетца «Историко-литературные исследования и материалы» (т. I, СПб., 1900). Здесь на с. 247 опубликовано польское стихотворение из сборника XVIII в., авторство которого В. Н. Перетц приписывает Феофану Прокоповичу, впрочем с большой осторожностью. Таким образом, это примечание еще одно свидетельство (ср. примеч. 25) нового обращения А. И. Соболевского к неоконченному труду.

²⁶⁵ Впервые трагикомедия Феофана Прокоповича «Владимир» была издана Н. С. Тихонравовым (Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. II. СПб., 1874). См. также: *Феофан Прокопович*. Сочинения. Под редакцией И. П. Еремина. М.—Л., 1961. — Здесь также собраны наиболее примечательные речи Феофана и все его «славянорусские» стихотворения.

²⁶⁶ На поле дополнительно названы издания: «Венец молитв седмичных дванадесятизвездный». Киев, 1702 и «Полуустав». Киев, 1703, с посвящением Мазепе от черниговских монахов на церковно-славянском языке с малорусизмами (см.: Пекарский, т. II, с. 67—68, 82—84).

²⁶⁷ Ср.: *Морозов П. О.* История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, и рец. А. И. Соболевского на эту работу, в которой особая речь идет об этих двух пьесах (РФВ, 1889, № 1, с. 1—14.)

²⁶⁸ Обе пьесы впервые опубликованы в «Трудах Киевской духовной академии» за 1865, февраль, 1866, ноябрь. См. также: *Петров Н.* Очерки из истории украинской литературы XVIII в. Киев, 1880, с. 68—85.

²⁶⁹ См. публикацию пьесы Георгия Конисского в *Летописях*, (вып. III), публикацию интерлюдий в работе Н. Петрова «Драматические произведения Георгия Конисского (Древняя и новая Россия, 1878, № 11).

²⁷⁰ См.: *Кулиш П.* Климентий, украинский стихотворец времен гетмана Мазепы. — Русская беседа, 1859, т. V, кн. 17, с. 79—140. Новейшее полное издание сочинений Климента вышло в Киеве: *Климентій Зіновійв*. Вірші. Приповісті посполиті. 1971.

²⁷¹ *Дашкевич Н. П.* Отзыв о сочинении г. Петрова «Очерки истории украинской литературы XIX столетия». — Отчет о 29-м присуждении наград гр. Уварова. Зап. Акад. наук, т. 59. Приложения. СПб., 1888, с. 107, примеч. 3. См. также: *Перетц В. Н.* Очерки старинной малорусской поэзии. — ИОРЯС, 1903, № 1 (здесь, в частности, приведены стихи Феофана Прокоповича, вирши Климента Зиновьева и казака Климовского, псалмы Сковороды). Ср. рецензию А. И. Соболевского (ИОРЯС, 1906, № 2).

²⁷² Стихи Леванды цитируются по изд.: *Петров Н.* Очерки из истории украинской литературы XVIII в. Киев, 1880, с. 23.

²⁷³ А. И. Соболевскому были известны «Сочинения в стихах и прозе Г. С. Сковороды» (СПб., 1861). В 1961 и 1973 гг. в Киеве двумя изданиями вышло полное собрание сочинений Г. Сковороды.

²⁷⁴ На поле помечено: «Летопись Сатан. мон. Антонович». Речь идет о Троицком м-ре в Сатанове Подольской губ., где в 1770—1793 гг. велась монастырская летопись (см.: *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I. Киев, 1883, с. 445—451 (Очерк «Летопись Сатановского монастыря»). Далее написано: «В 1700 г. львовский еп. Стефан Шумлянский принял унию, в 1707 г. приняло унию братство. Послесловие униатского Ирмолая 1700 г. — язык славянский. Западнорусский язык в статьях при львовском Октоихе 1700 г.» Сведения о Стефане Шумлянском, описание ирмолая и октоиха львовской печати, а также отрывки из предисловия и послесловия к ним см.: *Пекарский*, т. II, с. 38—42.

²⁷⁵ См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. II. СПб., 1865, № 37, № 36.

²⁷⁶ См.: *Кистяковский А.* Очерк исторических сведений о своде законов, действовавших в Малороссии под заглавием: Права, по которым судится Малороссийский народ. — Унив. изв., 1878, № 12, с. 961—1027.

²⁷⁷ «Сказание» Авраамия Палицына издавалось в Москве в 1784, 1822 гг. См. также: РИБ, т. XIII; Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955.

²⁷⁸ Князь Семен Иванович Шаховской автор двух повестей из эпохи Смутного времени. (РИБ, т. XIII).

²⁷⁹ Приведенные цитаты заимствованы из «Предисловия ко благочестивому читателю» в «Рифмологине» Симеона Полоцкого. См.: *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953.

²⁸⁰ На поле добавлено: «Значение слов. Сочетание слов (фраzeология). Сочинение слова и синтаксические обороты». Как кажется, ни в одном из этих аспектов язык Симеона Полоцкого до сих пор не изучен.

²⁸¹ Эти примеры заимствованы из «Описания» (т. II, ч. 1, с. 595, 600). Епифанию Славинецкому А. И. Соболевский посвятил свой доклад «Кто был первый русский библиограф?» — Тр. VII Археол. съезда, т. II. М. 1891. А. И. Соболевский доказывает, что «Оглавление книг, кто их сложил», составлено не С. Медведевым, как считал Ундольский, а Епифанием Славинецким. Позже, однако, было высказано мнение, что автором «Оглавления» был инок Евфимий. См.: *Браиловский С.* Кто же был первый русский библиограф? — РФВ, 1896, т. 36. А. И. Соболевский остался, однако, при своей точке зрения: он перепечатал заметку без всяких перемен в «Переводной литературе» (с. 437—440).

Против имени Епифания на поле карандашом добавлено: «О переводе Евангелия». Известно, что Епифанию Славинецкому был поручен новый перевод Библии, он перевел целиком Евангелие. См.: Соболевский. Переводная литература, с. 289—291. Ср. также: *Браиловский С.* Филологические труды Епифания Славинецкого. — РФВ, 1890, т. 23—24.

²⁸² Переводческая деятельность инока Евфимия полно освещена в «Переводной литературе» А. И. Соболевского. См. также: *Браиловский С.* Один из «пестрых» XVII столетия. СПб. 1902 (о Карине Истомине); *Прозоровский А.* Спльвестр Медведев. М., 1896; *Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб., 1899.

²⁸³ «Остен, состроенный из духовещания св. отцов» — сочинение мон. Евфимия ок. 1690 г. (издано в Казани, 1865). «Щит веры» (1690) и «Цвет духовный» (М., 1682) — два сборника Афанасия (Любимова), епископа холмогорского. Отрывки из последнего напечатаны в «Христоматии» Ф. И. Буслаева.

²⁸⁴ См.: *Яхонтов И.* Русский проповедник XVII в. и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883 (впрочем, тексты в этом издании даны в переводе на современный русский язык).

²⁸⁵ См.: *Виноградов В. В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. — Русская речь, 1923, № 1.

²⁸⁶ Ср.: *Соболевский А.* Светская повесть и роман в древнерусской литературе. — Университетские известия, 1883, № 1, а также в рецензии А. И. Соболевского на книгу А. Веселовского «Западное влияние в новой русской литературе». М., 1883 (ЖМНП, 1883, № 7).

²⁸⁷ Все три повести опубликованы в «Памятниках» (вып. I). Отрывок из повести о купце Басарге включил в свою «Христоматию» Буслаев. Ср. также: Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзомысле. Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969.

²⁸⁸ См.: *Владимиров П. В.* «Великое Зерцало» (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884; *Державина О. А.* «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965. — В последней работе впервые публикуется полный текст памятника, здесь же названы имена пяти переводчиков, выполнивших перевод (с. 27).

²⁸⁹ Ср. отрывок в «Христоматии» Ф. И. Буслаева (с. 1143—1146). См.: Соболевский. Переводная литература, 222—224.

²⁹⁰ Текст опубликован по рукописи XVII в. в изд. ОЛДП (СПб., 1877—1878).

²⁹¹ «Апофеегмата» — перевод польского сборника Б. Будного, среди списков можно указать ркп. ГПБ, Q п XV 13, БАН, Петр. гал. 13. В 1711 г. вышло печатное издание, повторявшееся шесть раз на протяжении XVIII в.

²⁹² Цитата из «Фацеций» приведена по изданию Ф. И. Булгакова в ПДП, 1878—1879. Сборник повестей скорописи XVII в., с. 139.

²⁹³ В современной лингвистической терминологии в этом смысле употребляется слово «идиома».

²⁹⁴ Издана Ф. И. Булгаковым в ПДП (СПб., 1878—1879). Сборник повестей скорописи XVII в., с. 88—92 («О пьянстве»).

²⁹⁵ Издана в «Памятниках» (вып. II). См. также: Буслаев, с. 1443—1446. См. комментарий А. И. Соболевского в «Русской христоматии» (с. 203—204).

²⁹⁶ «Книга семи мудрецов» издана в ОЛДП, 1878, № 29; 1880, № 35. Ср.: Буслаев, с. 1393—1395. Ср. рецензию А. И. Соболевского (ЖМНП, 1895, № 10, с. 355—356) на книгу И. Н. Жданова «Русский былевой эпос» (СПб., 1895), в которой он касается данного памятника.

²⁹⁷ Повесть издана в ПДП (СПб., 1882) Ф. И. Булгаковым. В «Переводной литературе» (с. 42) А. И. Соболевский называет имя переводчика повести — некоего Рудинского из Посольского приказа.

²⁹⁸ Первая публикация: *Ровинский Д.* Русские народные картинки, т. I. СПб., 1881, с. 115—121. См. также: *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси («Бова», «Петр Златые ключи»). М., 1964.

²⁹⁹ См.: «Повесть о Василии Златавласом, королевиче чешской земли. — ПДП, 1882, № 31, с. 1—27 (издал И. Шляпкин). Ср.: *Бударагин В. Н.* О происхождении «Повести о Василии Златавласом». — ТОДРЛ, т. XXV, 1970, с. 268—275. — Здесь отрицается западное происхождение повести.

³⁰⁰ Систематическая публикация театральных пьес времен царя Алексея Михайловича с их исчерпывающим комментарием дана в изд-х: Первые пьесы русского театра. М., 1972; Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972.

³⁰¹ «Сказание о некоем славном богатыре Уруслане Залазаревиче» (в кн.: *Летописи*, т. II, ч. 2, с. 101).

³⁰² Текст повести был опубликован М. П. Погодиным в «Москвитянине» за 1853 г. (т. I, отд. IV), затем в отрывках в «Хрестоматии» Ф. И. Буслаева. Ср. также публикацию и примечания А. И. Соболевского в «Русской хрестоматии».

³⁰³ См.: *Ровинский Д.* Русские народные картинки, кн. I. 1881. См. также: Русская демократическая сатира XVII в. М.—Л., 1954.

³⁰⁴ Непосредственный источник этой загадки обнаружить не удалось. Вероятно, она содержалась в рукописной арифметике XVII в. из собрания Ф. И. Буслаева (ныне ГПБ, Q IX 50), л. 109. В настоящее время, однако, этот лист в рукописи отсутствует, содержание его в оглавлении передано так: «О мирских вещицахъ Сидит гусь на песку, а летит стадо гусей» (л. 5 об.). В «Хрестоматии» Ф. И. Буслаева под № 134 приведены некоторые материалы из этой арифметики.

³⁰⁵ Описание этого перевода А. И. Соболевский дал в «Переводной литературе» (с. 60—63). Отрывок текста см.: Буслаев, с. 1186—1190.

³⁰⁶ «Повесть о Горе-Злочастии» дошла в одном списке XVIII в. (ГПБ, Погод. 1773). А. И. Соболевскому были известны издания И. И. Срезневского (Изв. ОРЯС, 1856, т. V, вып. 2), Н. И. Костомарова (Современник, 1856, № 3), а также в «Хрестоматии» Ф. И. Буслаева. Ср. также комментарий А. И. Соболевского к тексту повести в «Русской хрестоматии».

³⁰⁷ «Сказание о киевских богатырях как ходили во Царьград и как побили цареградских богатырей учинили себѣ честь» издавалось в СОРЯС (т. XXVIII, № 3, 1881), в «Памятниках старинной русской литературы» (издан. Кушелевым-Безбородко, вып. 1. М., 1860). Текст исследован А. П. Евгеньевой (ТОДРЛ, 1947, т. V).

³⁰⁸ На нижнем поле карандашом приписано: «Увеличение канцелярий и деловых бумаг». Затем названы «Уложение царя Алексея Михайловича» (1649 г.), «Учение и хитрости ратного строения пехотных людей» (1649 г.), «Урядник сокольничья пути» (1656 г.). Как видно, деловой язык XVII в. А. И. Соболевский только наметил для рассмотрения.

³⁰⁹ Вопрос о грамотности в Московской Руси А. И. Соболевский затронул в специальной речи, читанной на годичном акте Санктпетербургского университета в феврале 1892 г. «Образованность Московской Руси XV—XVII вв.» (2-е изд. СПб., 1894).

³¹⁰ А. И. Соболевский ошибается: эпитафия Симеону Полоцкому сочинена Сильвестром Медведевым по заказу царя Федора Алексеевича. Вероятно, известная А. И. Соболевскому публикация эпитафии в «Российской вивлиофике» Н. И. Новикова (ч. 18, СПб., 1775, с. 198) помещена без имени автора, с указанием на автора была раньше напечатана в журнале Н. И. Новикова «Живописец» за 1772 г. (с. 368—371). См. также: Русская славяноязычная поэзия XVII—XVIII вв. Подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970, с. 188—190, 378—379.

³¹¹ Подробно об этом см.: Успенский Б. А. Старинная система чтения по складам (глава из истории русской грамоты). — Вопросы языкознания, 1970, № 5.

³¹² Наиболее подробный перечень фонетических, морфологических и семантических церковнославянизмов дает А. А. Шахматов в «Очерке современного русского литературного языка» (гл. 1). На основе этого перечня А. А. Шахматова Г. Шевелев предложил следующий метод выделения церковнославянских по происхождению элементов лексики современного русского литературного языка: церковнославянизмом будет такое слово, которое при отсутствии русских фонетических и морфологических примет засвидетельствовано в церковнославянских текстах, в живых южнославянских языках и отсутствует вместе с тем в украинском и белорусском языках (Shevelov G. Die kirchenslavische Elemente in der modernen russische Literatursprache. В кн.: Sachmatov A., Shevelov G. Y. Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache. Wiesbaden, 1960, S. 64).

³¹³ Издание Археографической комиссии. СПб., 1879. Ср. также рецензию А. И. Соболевского на публикацию I Новгородской летописи (СПб., 1888); см.: РФВ, 1889, № 1, с. 121—123.

³¹⁴ Сочинение Гр. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (60-е годы XVII в.) было впервые опубликовано Археографической комиссией (СПб., 1840).

³¹⁵ Отрывок из «Курантов» См.: Буслаев, с. 1143—1148. См. также: Вести-куранты. Кн. I. 1600—1639 гг. М., 1972; Кн. 2. 1642—1644 гг. М., 1976.

³¹⁶ Гравированный лист «О сошном письме» издан в 1685 г. См.: Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. М. 1871, № 1022.

³¹⁷ См. переиздание Петровских ведомостей: «Ведомости» времени Петра Великого, вып. 1—2. М., 1903—1906. О языке этой газеты см.: Хаустова И. С. Лексикологическая характеристика «Ведомостей» Петра I. — Уч. зап. ЛГУ, вып. 42, 1958, № 243.

³¹⁸ Ср.: «Личной деятельностью Петра Великого был пущен в оборот приказный язык московских грамотеев, и если мы посмотрим произведения русской литературы с Петра, мы увидим, как постепенно проникал этот приказный язык со всеми своими синтаксическими оборотами, словами и формами в произведения русской литературы, именно в драмы, интерлюдии, романы, повести и другие сочинения, которые все связаны общей основой приказного языка» (Будде Е. Очерк истории современного литературного русского языка. СПб., 1908, с. 47). Ср. также: Изв. ОЛЯ АН СССР, 1972, т. 31, вып. 3, с. 212—227.

³¹⁹ Ф. П. Поликарпов-Орлов, начальник Печатного двора в Москве. Его «Букварь» вышел в 1701 г., «Трязычный лексикон» (славяно-греко-латинский) — в 1704 г. См.: *Браиловский С.* Ф. П. Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии. — *ЖМНП*, 1894, № 9.

³²⁰ Полное название издания «Ответ краткий, на подметное письмо о рождении сими времени атихриста. На Москве лѣта Господня 4173 маиа в ѿ день». См.: Описание изданий, напечатанных кириллицей 1619—январь 1725 г. М.—Л., 1958, № 58.

³²¹ Напечатана в Петербурге. См.: Описание изданий, напечатанных кириллицей, № 140.

На поле добавлено: «Рождественская драма Димитрия Ростовского — похоже на язык Симеона Полоцкого (южнорусское, польское)».

³²² См.: *Покровский Н. А.* Феофилакт Лопатинский. — Православное обозрение, 1872, № 12; *Петузов Е. В.* Проповеди Гавриила Бужинского. 1717—1727. Юрьев, 1901.

³²³ Цитата из «Слова в день св. благоверного кн. Александра Невского, проповеданного Августа 30 дня 1718 года» (СПб., 1720). А. И. Соболевский цитирует по изд.: Феофана Прокоповича слова и речи, ч. II. СПб., 1761, с. 7.

³²⁴ Перечень изданий Ильи Копиевского см. в «Описании изданий, напечатанных кириллицей», прилож. I. Прилож. IV содержит биографию Копиевского.

³²⁵ «Приклады» — вторая после «Геометрии» книга, напечатанная гражданским шрифтом. Перевел ее Михаил Шафиров. См.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955, № 2.

³²⁶ Перевод «Троянской истории» встречается в рукописях XVII в. Возможно, что текст печатного издания восходит к рукописному. См.: *Творогов О. В.* Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и изд. 1709 г. — *ТОДРЛ*, 1971, т. 26.

³²⁷ Ср. полное название: «Полидора Виргилия Урбинскаго осьмь книгъ о избрѣтателѣхъ вещей. Преведены съ латискаго на славенороссіискіи языкъ въ Москвѣ». Переводчик — Феофилакт Лопатинский. См.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725. М.—Л., 1955, № 450.

³²⁸ Перевод выполнен Гавриилом Бужинским. См.: Описание изданий, напечатанных кириллицей, № 207.

³²⁹ По ркп. ГИМ повесть издана Л. Н. Майковым (см.: Русская повесть Петровского времени. СПб., 1880). См. также: *Моисеева Г. Н.* Русские повести первой трети XVIII в. М.—Л., 1965.

³³⁰ А. И. Соболевский пользовался изданием: Русские драматические произведения 1672—1725 годов. Собраны и объяснены Н. Тихонравовым, т. 1—2. СПб., 1874, — откуда заимствованы эти и предыдущие примеры. О языке ранней драматургии см.: *Ковалевская Е. Г.* Речь персонажей в школьных драмах XVII—XVIII веков. — Уч. зап. ЛГПИ, т. 261, 1968. — Наиболее полный филологический обзор текстов Петровской эпохи на церковнославянском языке см.: *Кутина Л. Л.* Последний период славяно-русского двуязычия в России. — В кн.: Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 241—264.

³³¹ Журнал или подневная роспись, что в мимошедшую осаду, под крепостью нотенбурхом чинилось. Сентября с 26-го числа в 1702 г. См.: Описание изданий, напечатанных кириллицей, № 21.

³³² См.: Описание изданий, напечатанных кириллицей, № 87. На поле добавлено: «Деловые записки Посошкова, Аврамова (в сочин. Пос.) много славян». Речь идет о сочинениях И. Посошкова (см.: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М. 1951) и, видимо, «тетрадах» старца Авраамия (см. Исторический архив, т. VI. М.—Л., 1951).

³³³ Наиболее полно вопрос о заимствованиях Петровской эпохи рассмотрен в кн.: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. — См. также рецензию А. И. Соболевского (Сб. II отд. АН, т. 78, 1905) на книгу Н. А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху». (СПб., 1905).

³³⁴ Драма опубликована Н. С. Тихонравовым («Ранние драматические произведения»), вновь издана в кн.: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. — Создана драма, вероятнее всего, в Новгородской семинарии в 1741—1745 гг.

На поле карандашом прибавлено: «проповеди». Имеется в виду широкое распространение церковных проповедей в 40-е годы XVIII в. См. об этом: *Попов Н. А.* Придворные проповеди в царствование имп. Елизаветы Петровны. — Летописи, т. II. — Некоторые замечания о языке этих проповедей содержатся в книге В. В. Замковой «Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в.» (Л., 1975).

³³⁵ Из сочинений В. Н. Татищева наибольшего интереса заслуживает «Разговор о пользе наук и училищ» (см. издание в Москве, 1887). Возможно, Татищеву принадлежит довольно любопытный словарь русского языка. См.: Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Подготовка к печати А. П. Аверьяновой. Л., 1965.

Далее на поле приписано: «Посошков — славянский стиль Авраамий» (ср. примеч. 332). Затем: «Кантемир. Прекрасный язык. ты, ти, пути моими, свята душа, слабу защиту, провождал; пудра, перукъ, танцует, цугом, лента, сала, валь». Здесь, однако, не все слова удается разобрать. Впрочем, вполне очевидно, что выборка представляет собою, с одной стороны, перечень славянизмов и архаизмов, с другой — новые заимствования из европейских языков. Слова выбраны из сатир А. Кантемира, очевидно, по изданию П. А. Ефремова «Сочинения, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира» (т. I—II. СПб., 1867—1868); См. также: *Веселитский В. В.* Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974.

³³⁶ Ср.: «Замечая, что в богатейших литературах мало разницы между языком книжным и разговорным образованного общества, он (Карамзин) попал на справедливую мысль сблизить русский письменный язык с русским разговорным» (*Грот Я.* Карамзин в истории литературного языка, с. 102).

³³⁷ Не вполне точные цитаты из предисловия В. Тредиаковского к изданию «Езды в остров любви» (СПб., 1730).

³³⁸ В изложении этих сведений А. И. Соболевский не вполне точен. Действительно, выражение «великороссийский диалект» упо-

треблено в предисловии «К читателю» при изданной И. Копиевским в 1701 г. «Книге, учащей морского плаванья». Однако уже в названии этой книги язык ее назван «Славянорусским диалектом». Языка своих переводов Гавриил Бужинский касается лишь однажды — в предисловии к «Введению в историю европейскую» Самуила Пуфендорфа (СПб., 1718). Здесь язык перевода он называет «российский», «русский» и «славянский». Возможно, А. И. Соболевский помнил о выражении «славянорусский язык», употребленном в составе «дедикации» при «Рассуждении» П. Шафирова (СПб., 1717).

³³⁹ А. И. Соболевский цитирует отрывки из предисловия к «Езде в остров любви» по трехтомному изданию Смирдина сочинений Тредиаковского (СПб., 1849). О языке этого перевода см.: *Потапов П. О.* К вопросу о реформе русского литературного языка в 1 половине XVIII века. — Тр. Одесск. унив. Филол. 1940, т. 1, с. 29—39; *Сорокин Ю. С.* Языковая теория и речевая практика молодого Тредиаковского. — В кн.: Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976, с. 45—54.

³⁴⁰ Зачеркнуто: «и не хочет».

³⁴¹ Недавно против этой традиционной интерпретации Ломоносова высказалась В. В. Замкова. По ее мнению, на три стиля Ломоносов делит язык художественной литературы, тогда как литературный язык он разделяет на два стиля. См.: *Замкова В. В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1974, с. 9—12.

³⁴² Скорее всего, эта строка из Епистолы I (о русском языке) Сумарокова (1747 г.) относится не к Ломоносову, а к некоторым академическим переводчикам. См.: *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957, с. 527 (Биб-ка поэта).

³⁴³ Эта оценка значения Ломоносова в истории русского литературного языка заметно отличается от высказанной А. И. Соболевским несколькими годами раньше точки зрения в рецензии на «Историю русской словесности» И. Порфирьева: «Русский язык (с более или менее незначительной примесью церковных слов и форм) употреблялся в нашей литературе задолго до Петра Великого, и им писаны Стоглав, Домострой, сочинение Котошихина, повесть о Фроле Скобееве и друг.; он употреблялся у нас и при Петре (сочинения Посошкова), и после Петра, прежде чем Ломоносов успел написать свое рассуждение. Ломоносову нужно было только расширить его употребление, распространить его на все литературные произведения, но он не только этого не сделал, а можно сказать, узаконил еще употребление церковных слов и форм в русской книжной речи, и продолжил его еще почти на целое столетие» (ЖМНП, 1882, № 6, с. 280). Высказанная в курсе оценка Ломоносова повторяется в речи А. И. Соболевского «Ломоносов в истории русского языка» (СПб., 1914).

По вопросу об отношении грамматической теории и речевой практики в деятельности Ломоносова была защищена диссертация: *Шаповалова Т. А.* «Российская грамматика» и отражение ее норм в художественных произведениях М. В. Ломоносова. Автореф. канд. дис. Л., 1953.

³⁴⁴ В рукописи этот абзац перечеркнут синим карандашом.

³⁴⁵ На поле добавлено: NB. Нет теоретических сочинений, но практика.

³⁴⁶ О славянизации и архаизации в языке беллетристики последней трети XVIII в. см.: *Левин В. Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. (Лексика). М., 1964, с. 20—91.

³⁴⁷ Ср. отзыв Тредиаковского о переводе «Гамлета» Сумароковым: «... везде рассеяна неровность стиля, то есть, инде весьма по славенски сверх Театра, а инде очень по площадному ниже Трагедии» (*Пекарский П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1873, с. 130). См. также: *Кунгурова А. Т.* К вопросу о роли А. И. Сумарокова в истории русского литературного языка. — Уч. зап. Удмурт. пед. ин-та, 1958, вып. 14.

³⁴⁸ О языке Д. И. Фонвизина см.: *Горшков А. И.* О стиле прозы Д. И. Фонвизина. К 180-летию со дня смерти. — Русский язык в школе, 1972, № 5. См. также: *Петров К.* Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фон-Визина. СПб., 1904.

³⁴⁹ Ср.: *Истомина В. А.* Главнейшие особенности языка и слога комедии В. В. Капниста «Ябеда» и романтической поэмы И. Ф. Богдановича «Душенька». Варшава, 1894; *Слонимский А. Л.* О языке произведений И. Ф. Богдановича. Воронеж, 1905.

³⁵⁰ Вероятно, что прежде всего имеются в виду журналы Н. Новикова. См. тексты в новом издании: Сатирические журналы Н. М. Новикова. М.—Л., 1951.

³⁵¹ Журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» выходил под редакцией Г. Миллера с 1755 по 1764 г. См.: *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII в. М.—Л., 1952.

³⁵² «Приключения маркиза Г*** или Жизнь благородного человека, оставившего свет», ч. I—VI. СПб., 1756—1765. — Части I—IV перевел И. П. Елагин, V—VI — В. И. Лукин. См. также: *Головчинер В. Д.* Из истории становления языка русской литературной прозы 50—60-х гг. XVIII в. (Роман аббата Прево «Приключения маркиза Г***» в переводе И. П. Елагина и В. И. Лукина). — В кн.: XVIII век, сб. IV. М.—Л., 1959.

³⁵³ Повесть о Томасе Ионесе, или Найденышь. Сочиненная на англинском языке г. Фильдингом. А со онаго переведенная на французский г. Делапласом. С французскаго же на российской Евстигнеем Харламовым, т. 1—4. СПб., 1770—1771.

³⁵⁴ Похождения нового увеселительного шута и великаго в делах любовных плута, Совесть-Драла, Большаго Носа. Переведена с польскаго и дополнена с других языков, ч. 1—2. СПб., после 1775 г. До 1788 г. было еще четыре издания этого романа. См.: Свободный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800, т. II. Л., 1964, с. 457—458.

³⁵⁵ См.: *Терновский И. М.* И. И. Хемницер и язык его басен. (Памяти 100-летней годовщины его. 1284—1884). Воронеж, 1885.

³⁵⁶ На поле рукописи добавлено: «Даже в песенке — вопреки Ломоносову».

³⁵⁷ Ср.: *Ковалевская Е. Г.* Славянизмы и русская литературная лексика в произведениях Н. М. Карамзина. — Учен. зап. ЛГПИ, 1958, т. 173.

³⁵⁸ На поле добавлено: «Иногда считает нужным (говоря о высоких материях) переходить в высокий слог».

³⁵⁹ На поле добавлено карандашом: «Прилагательное-определение — после существительного-определяемого (и наоборот),

по-французски». Напротив, Л. А. Булаховский считал, что пост-позиция прилагательного является в XVIII и XIX вв. наследием церковнославянского языка. См.: Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, с. 379; Русский литературный язык первой половины XIX в. Фонетика, морфология, ударение, синтаксис. М., 1954, с. 428—430. Ср. также выше, с. 118 наст. издания.

³⁶⁰ Лексикологические данные заимствованы у Грота. См.: Филологические разыскания, т. I, с. 111, 112. Нужно, однако, заметить, что и *развитие*, и *промышленность* встречаются в русской письменности до Карамзина. Ср.: «Сколь велика и чиста та радость, когда наблюдаешь младя дѣтския души по всеъм степеням их развития» (Прибавл. Моск. ведом. 1783, с. 34). Эта цитата — из статьи «О воспитании и наставлении детей», принадлежащей, по всей вероятности, Н. Новикову. О докарамзинских употреблениях слова *промышленность* см. заметку в журнале «Русская речь» (1972, № 4).

³⁶¹ Главное сочинение В. В. Измайлова (1773—1830) «Путешествие в полуденную Россию» (1800—1802). П. И. Шаликову (1767—1852) принадлежат: «Плод свободных чувствований» (ч. 1—3. 1799—1801), «Путешествие в Малороссию» (1803), «Другое путешествие в Малороссию» (1804).

³⁶² Кроме переводов И. П. Елагину (1725—1794) принадлежит «Опыт повествования о России» (М., 1803). И. С. Захаров (1754—1816) переводил довольно много, наиболее известен его перевод Фенелона «Странствовании Телемака» (1786), из оригинальных сочинений — «Похвала Екатерине II» (1802). О П. Якимове (Екимове) и его переводе «Илиады» см.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв. М.—Л., 1964, с. 49—71. Е. И. Станевичу (1775—1835) принадлежат «Собрание сочинений в стихах и прозе» (1804), «Рассуждение о русском языке» (1810), «Беседа над гробом младенца» (1818).

³⁶³ См. освещение полемики о «старом» и «новом» слогe в кн.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX в. Л., 1959. См. также: *Лотман Ю., Успенский Б.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры. — Уч. зап. Тартуск. унив., 1975, вып. 358, с. 168—322.

³⁶⁴ Ср. на этот счет аналогичные по сути высказывания Ю. Н. Тынянова в книге «Архаисты и Пушкин» (Л., 1929).

³⁶⁵ На поле карандашом добавлено: «Драматические (неромантические) — Борис Годунов, Русалка, Домик в Коломне. Новый путь в литературном отношении и новый поэтический язык. Прибегает к живой речи. Даже *злато* и *град* прогоняет». См. по этому вопросу: *Ильинская И. С.* Лексика стихотворной речи А. С. Пушкина. «Высокие» и поэтические славянизмы. М., 1970.

³⁶⁶ См. также: *Соболевский А. И.* 1) Значение Пушкина. Киев, 1887; 2) План словаря языка А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. III. СПб., 1905.

³⁶⁷ Далее следует раздел о воспроизведении народной речи в художественной литературе и экскурс о судьбе украинского литературного языка в XIX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

За время, прошедшее с появления статей А. И. Соболевского «Особенности русских переводов домонгольского периода» и «Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв.», наука обогатилась большим числом работ, посвященных в той или иной степени поставленным в статьях вопросам или же имеющих дело с теми памятниками письменности, которых коснулся А. И. Соболевский в своих статьях. Мы, однако, не решились снабдить настоящую публикацию полным библиографическим аппаратом, полагая, что при неисчерпаемости предмета такой комментарий мог бы оказаться слишком громоздким. Вполне очевидно, что вопрос об определении текстов восточнославянского происхождения, как и о южнославянском влиянии XIV—XV вв., требует специальной историографической разработки. Мы ограничиваемся приведением библиографических ссылок А. И. Соболевского к тому виду, какой принят в современной научной литературе, внося необходимые добавления в квадратных скобках.

ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Впервые прочтено в качестве доклада на IX археологическом съезде в 1893 г. См.: Труды IX археологического съезда в Вильне. Т. 2, М., 1897. Повторено в кн.: Соболевский. Материалы. Настоящая перепечатка воссоздает второе издание.

Библиографический список 37 текстов, переведенных у восточных славян в XI—XIII вв., приводит также Н. Н. Дурново (Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 103—111). См. также новейшее освещение проблемы: *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Изд. ЛГУ, 1978. — В работе Н. А. Мещерского дается оценка выдвинутого А. И. Соболевским «лексического критерия» в деле установления происхождения того или иного славянского перевода. По этому поводу см. также: *Долобко М. Г.* Труды А. И. Соболевского в области старославянского языка и письменности. — в кн.: Академик А. И. Соболевский. Некролог и очерк научной деятельности. Л., 1930. — В 1957 г. немецкий славист Герберт Бройер предложил «синтаксический критерий» установления родины того или иного славянского перевода. См.: *Мещерский.* Источники. . . , с. 22—23; *Лесневский В. С.* О некоторых структурных типах сложноподчиненных предложений в древнерусских текстах. — в кн.: История русского языка. Древнерусский период. Изд. ЛГУ, 1976.

ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ ПИСЬМЕННОСТЬ В XIV—XV ВВ.

Впервые произнесено в 1894 г. на годичном акте Археологического института, тогда же опубликовано отдельной брошюрой. Переиздано в кн.: Соболевский. Переводная литература. Настоящая перепечатка воспроизводит это последнее издание.

Со времени выхода в свет работы А. И. Соболевского этой теме были посвящены два больших труда: *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV международном съезде славистов. М., 1960, с. 95—171; *Talev I.* Some problems of the Second South Slavic Influence in Russia. München, 1973 (=Slavistische Beiträge, N 67). — В последней работе обращается внимание на общеславянское значение этой проблемы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Антонович.** — *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I. Киев, 1885.
Монографии
БАН — Библиотека Академии наук.
Булич. Очерк — *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб, 1904.
Буслаев — Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. Составлено Ф. Буслаевым. М., 1861.
ВЯ — Вопросы языкознания.
ГБЛ — Государственная библиотека им. Ленина.
ГИМ — Государственный исторический музей.
Головацкий. — *Головацкий Я. Ф.* Памятники дипломатического и судебно-делового языка в древней Галицко-Володимирском княжестве и в смежных русских областях в XIV и XV ст. Львов, 1867.
Памятники
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.
Добрянский — *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки. Вильно, 1882.
Дурново — *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
Жураўскі. — *Жураўскі А. У.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. I. Мінск, 1967.
Гісторыя
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
Каратаев — *Каратаев И.* Описание славянорусских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Т. I. С 1491 по 1652 г. СПб., 1883.
Летописи — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым, т. I—V. М., 1859—1963.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
Описание — *Горский А. и Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. т. 1, 2, отд. I—III. М., 1855—1869.
Памятники — Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Куселевым-Безбородко, вып. 1—4. СПб., 1860—1862.

- ПВЛ — Повесть временных лет.
- ПДП — Памятники древней письменности. СПб.
- Пекарский — *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, II. СПб., 1862.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека.}
- Русская хрестоматия — Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и с словарем. Составил Ф. Буслаев. Издание тринадцатое, дополненное и исправленное акад. А. И. Соболевским. М., 1917.
- РФВ — Русский филологический вестник. Варшава.
- Соболевский. Лекции — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. СПб., 1907.
- Соболевский. Материалы — *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.
- Соболевский. Очерки — *Соболевский А. И.* Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
- Соболевский. Переводная литература — *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- Срезневский. Древние памятники — *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-е, СПб., 1882.
- Срезневский. Сведения — *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, ч. I—XL. СПб., 1867; ч. XLI—LXXX. СПб., 1876; ч. XXXI—XC. СПб., 1879.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- Ягич. Рассуждения — *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1895.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
История русского литературного языка	
§ 1. Введение. Определение предмета	
§ 2. Церковнославянская письменность	
§ 3. Церковнославянский язык на Руси	
§ 4. Деловой язык домонгольского периода	
§ 5. Письменность Северо-Восточной Руси XIII—XV вв.	
§ 6. Церковнославянский язык Северо-Восточной Руси XIII—XVI вв.	
§ 7. Деловой язык Северо-Восточной Руси XIII—XVI вв.	
§ 8. Церковнославянская письменность Западной Руси XIII—XVII вв.	
§ 9. Деловой язык Западной Руси XIII—XVII вв.	
§ 10. Южная Русь в XII—XV вв.	
§ 11. Деловой язык Южной Руси XIV—XV вв.	
§ 12. Письменность Южной Руси XVI—XVII вв.	
§ 13. Южнорусская письменность со времени присоеди- нения Украины к Москве	
§ 14. Деловой язык Южной Руси XVII—XVIII вв.	
§ 15. Письменность Москвы во второй половине XVII в.	
§ 16. Письменность Петровской эпохи	
§ 17. Судьбы литературного языка в XVIII в.	
§ 18. Карамзин и последующее развитие литературного языка	
Приложение	
Особенности русских переводов домонгольского периода Южнославянское влияние на русскую письменность XIV— XV вв.	
Комментарий	
Список сокращений	

Алексей Иванович Соболевский

**ИСТОРИЯ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

*Утверждено к печати
Комиссией по истории
филологических наук
АН СССР*

Редактор издательства *Л. М. Романова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Е. А. Гинстлинг* и *Е. В. Шестакова*

ИБ № 9139

Сдано в набор 16.11.79. Подписано к печати 03.07.80. М-36742. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. $6^{1/8} + 1$ вкл. ($1/32$ печ. л.) = 10.71 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11.76. Тираж 9900. Изд. № 7499. Тип. зак. № 897. Цена 80 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА».**

Для получения книг почтой заказы просим
направлять по адресу:

117192 Москва В-192, Мичуринский пр., 12
магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 Ленинград, П-110, Петровская ул., 7
магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

или в ближайший магазин «Академкнига»,
имеющий отдел «Книга — почтой»:

- 480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 **Баку**, ул. Джапаридзе, 13;
320005 **Днепропетровск**, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе**, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
335009 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;
252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 2;
252142 **Киев**, пр. Вернадского, 79;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277001 **Кишинев**, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск** (Донецкой обл.), ул. Марата, 1;
660049 **Красноярск**, пр. Мира, 84;
443002 **Куйбышев**, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
192104 **Ленинград**, Д-120, Литейный пр., 57;
199164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2;
199034 **Ленинград**, 9 линия, 16;
220012 **Минск**, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва**, ул. Горького, 8;
117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
630076 **Новосибирск**, Красный пр., 51;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской пр., 22
(«Книга — почтой»);
142292 **Пушино** (Московской обл.), «Академкнига»;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, Коммунистическая ул., 49;
720001 **Фрунзе**, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310003 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
31	12 сверху	<i>объжги</i>	<i>одъжги</i>
104	3 »	началь	началь
106	15 снизу	Некоего	Некоего
171	10 »	Л. 1845	М., 1845
188	14 »	Свободный	Сводный